

УМИРАЮЩИЙ СВЕТ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ДЖОРДЖ
МАРТИН

Джордж Мартин
Умирающий свет (сборник)

«АСТ»

Мартин Д. Р.

Умирающий свет (сборник) / Д. Р. Мартин — «АСТ»,

Это – история будущего от Джорджа Мартина. История далеких планет и обитающих на них странных существ! История приключений в межзвездных просторах – невероятных, увлекательных. Это – повести, рассказы и, конечно же, роман «Умирающий свет». Роман, который Роджер Желязны назвал: «... мастерски отшлифованный бриллиант, каждая грань которого играет бликами таланта и отражает все разнообразие человеческих характеров». Роман, о котором Альфред Ван Вогт сказал: «Прекрасный роман, насыщенное и богатое полотно... Восторг и волнение, рожденные прикосновением к чужому миру, остаются с вами даже после того, как вы перевернете последнюю страницу». Вам интересно знать – почему? Прочитайте – и узнайте сами!

© Мартин Д. Р.

© АСТ

Содержание

Умирающий свет	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	60
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джордж Мартин

Умирающий свет (сборник)

Умирающий свет

Пролог

Планета бесцельно блуждала во Вселенной – бродяга, пария, изгой мироздания.

В течение многих столетий она в одиночестве падала сквозь холодную пустоту межзвездного пространства. Поколения звезд в бесконечном хороводе сменяли друг друга на ее пустынном небосклоне, но она не принадлежала ни одной из них. Планета существовала сама по себе и лишь для себя одной. В некотором смысле она не принадлежала и галактике: траектория ее движения пронзала плоскость галактики, как гвоздь проходит сквозь деревянную крышку круглого стола. Она была частицей «ничего».

И это «ничто» уже готовилось принять ее. На заре истории человечества блуждающая планета проникла за облако звездной пыли, скрывавшее часть верхнего края гигантской линзы галактики. Дальше – лишь горстка звезд, не более тридцати, а за ними – пустота, ночь, такая длинная, какой еще никогда не знала планета-странница.

Там, в темном пространстве за завесой пыли, она впервые встретила с людьми. Мертвыми людьми. Это случилось в самый разгар бездумной, бессмысленной экспансии Федеральной Империи Старой Земли, когда она еще не оставила своих попыток управлять всеми планетами людей, разбросанными на невообразимо огромных пространствах. Военный звездолет «Мао Цзедун» стал первым кораблем, проникшим за Покров Искусителя. Звездолет получил серьезные повреждения во время рейда к хрангам. Люди погибли, а двигатель продолжал работать в автоматическом режиме, периодически включаясь и выключаясь. Лишенный воздуха, разбитый корабль несся по просторам Вселенной вместе с трупами людей, которые висели в его коридорах в гротескных позах и ударялись о переборки раз в столетие. Но компьютеры продолжали функционировать, приборы выполняли свою рутинную работу, старательно сканируя окружающее пространство. Когда корабль-призрак приблизился к безмянной страннице на расстояние нескольких светоминут, они зарегистрировали планету и нанесли на карты. Почти семь столетий спустя торговое судно с планеты Тобер случайно обнаружило «Мао Цзедун» и его записи.

Но к тому времени планета была открыта во второй раз, и данные компьютеров погибшего корабля не содержали ничего нового.

Это открытие совершила Селия Марсиан. В самом начале Смутного Времени после Крушения Империи ее корабль «Призрачный охотник» кружил вокруг неизвестной планеты целый стандартный день. Планета-бродяга с ее скалами, льдом и нескончаемой ночью не заинтересовала Селию, но она любила давать имена и, прежде чем покинуть планету, нарекла ее Уорлорном. Она не объяснила, что означает это имя и почему оно было дано бродяге, но планета стала Уорлорном, а сама Селия отправилась к другим планетам и другим историям.

Следующим посетителем стал Клеромонас. В 46 году п.с.в. его исследовательский корабль приблизился к Уорлорну и снял карту его поверхности. Приборы раскрыли тайны планеты. Оказалось, что она обладает несметными богатствами. Клеромонас обнаружил замерзшие океаны и атмосферу, ожидавшие освобождения.

Говорят, что первыми высадились на Уорлорне в 97 году п.с.в. Томо и Уолберг, когда эти двое сумасбродов на пари пересекали галактику. Возможно, так и было. На всех планетах

людей рассказывают истории о Томо и Уолберге, но их корабль «Спящая блудница» не вернулся. Так кто может знать, где они высаживались?

Как бы там ни было, планета Уорлорн, не имевшая звезды, никому не нужная и не интересная, заняла место на звездных картах Окраины – горстки малонаселенных миров между клубящимися облаками Покрова Искусителя и Великим Черным Морем.

Позднее, в 446 году п.с.в. некий астроном с Вулфхейма занялся изучением Уорлорна. Он оказался первым человеком, который удосужился обобщить имевшиеся сведения. Его выводы произвели фурор. Вулфхеймского астронома звали Инго Хаапала. Однажды он вышел из компьютерного кабинета в большом волнении (впрочем, подобное состояние вообще не редкость для вульфхеймца). Астроном открыл, что планете Уорлорн суждено обрести день – долгий, светлый день.

На небосклонах всех планет Запокровья – тех, что расположены за Покровом Искусителя – ярко сияет созвездие под названием Огненное Колесо. Его чудесный свет достигает и планет в глубине галактики, даже столь далеких от него, как Старая Земля. Большая звезда в центре созвездия – красный сверхгигант, имеющий несколько названий: Хаб, Хеллей, Толстый Черт и другие. Шесть желто-огненных солнц вращаются вокруг него на одинаковом расстоянии друг от друга, словно шарики, катающиеся до желобу, в детской игре. Их тоже называют по-разному: Троянские Солнца, Чертовы Дети, Адская Корона, но как бы их ни называли, это не имеет особого значения. Сам факт существования такого созвездия вызвал огромный интерес людей. Огненное Колесо, шесть желтых звезд средней величины, покорных своему гигантскому красному хозяину, оказались самой удивительной из известных звездных систем, новой загадкой для человечества, пресыщенного старыми тайнами.

На планетах с развитыми цивилизациями ученые начали создавать новые теории для объяснения этого явления. На планетах Запокровья возник новый культ, слагались легенды об исчезнувшей расе звездных инженеров, которые умели перемещать в космическом пространстве целые миры и так соорудили себе невиданный доселе памятник. Страсти вокруг научных теорий и суеверий кипели в течение нескольких десятилетий, затем стали стихать и в конце концов угасли.

Но вот астроном с Вулфхейма Хаапала оповестил мир о том, что планета Уорлорн пройдет по плавной гиперболе вблизи Огненного Колеса, хотя и не войдет в его систему. Это означало, что планету ожидают пятьдесят стандартных лет солнечного света, затем она снова погрузится во тьму Окраины и, миновав Крайние Звезды, уплывет в просторы Великого Черного Моря межгалактического пространства.

Это были беспокойные столетия, когда планета Верхний Кавалаан и другие внешние миры начали ощущать свою значимость и растущее желание вписать свою страницу в разрозненную летопись человечества. Они понимали важность предстоявшего события. Огненное Колесо и прежде было предметом гордости Запокровья, но теперь в необыкновенной звездной системе должна была появиться еще и планета.

Уорлорн пережил столетие бурь, которые становились все неистовей по мере приближения планеты к свету: годы таяния льдов, вулканической активности землетрясений. Замерзшая атмосфера постепенно оживала и заселялась свирепыми ветрами, завывавшими как новорожденные чудовища. Со всем этим предстояло сразиться людям Запокровья.

Планетостроители прибыли с планеты Тобер-в-Покрове, инженеры-климатологи прилетели с Даркдона, другие специалисты прибыли с Вулфхейма, Кимдисса, Эмерела, а также с Планеты Темновинного Океана. Всеми работами руководили посланцы с Верхнего Кавалаана, так как Верхний Кавалаан объявил планету-бродягу своей. Борьба со стихиями длилась более столетия, и погибшие в ней до сих пор остаются легендарными героями детей планет Окраины. Но в конце концов Уорлорн был укрощен. Выросли города, диковинные леса поднялись в лучах звезд Колеса, с других планет привезли зверей. На Уорлорне началась жизнь.

В 589 году п.с.в., когда Толстый Черт занимал четвертую часть неба планеты, а вокруг ярко сияли его дети, открылся Фестиваль планет Окраины. В первый день тоберианцы ввели в строй стратосферный экран, на котором тени облаков и солнечный свет складывались в калейдоскопический узор. Потом начали прибывать космические корабли со всех внешних планет и многих внутренних – с Тары и Даронны, Авалона и Джеймисона, а также со столь отдаленных от Запокровья миров, как Новоостровье, Старый Посейдон и даже с самой Старой Земли. В течение пяти стандартных лет Уорлорн входил в перигелий, в течение пяти следующих удалялся от Огненного Колеса. В 599 п.с.в. Фестиваль завершился.

На летевшем в ночь Уорлорне наступили сумерки.

Глава 1

За окнами вода плескалась о подпорки деревянного тротуара, который тянулся вдоль канала. Дерк т'Лариен посмотрел в окно и увидел темную баржу, медленно скользящую в лунном сиянии. Одинокая фигура стояла на корме, опираясь на тонкий черный шест. Все было очень хорошо видно в ярком свете огромной луны планеты Брак.

За нею царили безмолвие и тьма, неподвижный занавес скрывал звезды. Облако пыли и газа, подумал Дерк, Покров Искусителя.

В тот день Дерк получил говорящий камень. С этого все и началось, хотя прошло уже много лет с тех пор, как все кончилось.

Камень был завернут в серебряную фольгу и кусочек черного бархата – так же, как много лет назад, когда Дерк подарил его ей. Вечером Дерк сел у окна своей комнаты с видом на широкий мутный канал, по которому нескончаемым потоком в обоих направлениях проплывали баржи с фруктами, направляемые шестами торговцев, и развернул сверток. Камень остался таким, каким Дерк его помнил: темно-красная слезинка, прорезанная узкими черными полосками. Он помнил и тот день, когда ювелир обточил его. Это было еще на Авалоне.

Наконец Дерк прикоснулся к камню.

Пальцы ощутили холод гладкой поверхности, и зазвучал тихий голос, пробуждая воспоминания, напоминая об обещаниях, которые он и так не забыл.

Дерк оказался здесь, на Браке, почти случайно и не мог себе представить, как его удалось найти. Но его нашли, и драгоценный камень вернулся к Дерку т'Лариену.

– Гвен, – тихо сказал он самому себе. Ему хотелось снова произнести это слово, чтобы ощутить знакомое тепло. Его Джинни, его Гвиневера, властительница несбывшихся мечтаний.

Это было семь стандартных лет назад, вспоминал он, поглаживая пальцами холодную как лед поверхность камня. Но казалось, что прошло семь жизней. Что она может хотеть от него сейчас? Человек, который ее когда-то любил, тот, другой Дерк т'Лариен, дававший обещания и даривший драгоценности, давно умер.

Дерк поднял руку, чтобы убрать с глаз прядь темных с проседью волос, и вдруг, сам того не желая, вспомнил, как Гвен отводила эту прядь перед тем, как поцеловать его.

И тогда он почувствовал безмерную усталость и тоску. Заботливо выпестованный цинизм, который служил поддержкой долгие годы, покинул его, плечи опустились под тяжестью навалившегося на него ощущения собственной личности, себя прежнего, такого, каким он уже давно не был. Конечно, он сильно изменился за прошедшие годы и считал, что стал мудрее. Но теперь вся эта мудрость словно разом прокисла. Дерк перебирал в памяти воспоминания об обещаниях, которые не выполнил, о мечтах, исполнение которых откладывал, пока не забывал о самой мечте, об идеалах, низведенных до компромисса, о скучной, никчемной жизни впереди.

Зачем она заставила его все вспомнить? Слишком много времени прошло, слишком многое случилось в его жизни, может быть, в ее – тоже. Кроме того, он никогда не верил, что она действительно воспользуется говорящим камнем. То был глупый жест юного романтика. Никакой взрослый здравомыслящий человек не может считать себя связанным столь нелепым обещанием. Конечно, он никуда не полетит. Он еще только начал знакомство с Браком, живет своей жизнью, у него важные дела. Неужели Гвен надеется, что ради нее он отправится в Заповровье?

Полный негодования, он крепко сжал в кулаке камешек, намереваясь швырнуть его в окно, в темные воды канала, выкинуть вон вместе со всеми связанными с ним воспоминаниями. Но зажатая в кулаке маленькая драгоценность обожгла его ледяным холодом, пронзила кинжалом памяти.

– ...потому что ты нужен ей, – слышалось ему. – Потому что ты обещал...

Рука не шевельнулась, кулак остался сжатым. Болезненное ощущение ледяного холода прошло, но рука онемела.

Тот, другой Дерк, молодой, принадлежавший Гвен, дал обещание. И она тоже обещала. Очень давно, на Авалоне. Старый мастер, высохший эмерелец, обладатель весьма незначительного дара и золотисто-рыжих волос, вырезал для них два камешка. Он «прочитал» Дерка т'Лариена, почувствовал всю глубину любви Дерка к его Джинни и вложил в маленький камешек столько от понятого им, сколько позволяли его псионические способности. Потом он сделал то же самое для Гвен. Затем влюбленные обменялись драгоценностями.

Идея принадлежала Дерку. «Все может измениться», – сказал он ей, цитируя древнее стихотворение. И тогда они дали друг другу обещание: «Пошли это напоминание, и я приду. Где бы я ни был (была), когда бы это ни случилось, что бы ни произошло между нами, я приду и не буду ни о чем спрашивать».

Но она нарушила обещание. Спустя шесть месяцев после того, как она покинула его, Дерк послал ей говорящий камень. Гвен не ответила. После этого он не думал, что она может напомнить ему о его обещании. Но Гвен напомнила.

Неужели она действительно надеется, что он придет?

С глубокой печалью он осознавал, что тот человек, каким он был прежде, обязательно пришел бы – несмотря ни на что. И независимо от того, как сильно он ее ненавидел или насколько сильно любил. Но того глупца давным-давно нет в живых. Время и Гвен убили его.

И все же Дерк слышал то, что говорил ему камень, и вместе с незнакомой усталостью он снова испытывал прежние чувства. В конце концов Дерк поднял голову и подумал: «А может быть, и сейчас еще не поздно?»

Существует немало способов перемещения в космосе. При некоторых из них скорость движения больше скорости света, при других – меньше, но в любом случае этой скорости не хватает, и по большому счету человек перемещается медленно.

Чтобы пересечь из конца в конец пространство, освоенное человечеством, нужно потратить большую часть жизни, а это пространство – разбросанные в космосе планеты, разделенные огромными расстояниями – лишь небольшая часть галактики. Но Брак располагался сравнительно близко к Покрову и внешним планетам. Между ними летали торговые корабли, так что Дерк вполне мог воспользоваться одним из них.

Звездолет назывался «Ужас былых врагов», от Брака он направлялся к Таре, затем за Покров к Вулфхейму, затем к Кимдиссу и, наконец, к Уорлорну, и, хотя корабль летел со сверхсветовой скоростью, все путешествие заняло более трех стандартных месяцев. Дерк знал, что после Уорлорна корабль полетит к Верхнему Кавалаану, затем к Эмерелу и к Крайним Звездам, а затем повернет назад и повторит в обратном порядке свой скучный маршрут.

Космодром строился из расчета на прием двадцати кораблей в день, но теперь сюда прилетал, наверное, один звездолет в месяц. Большая часть космодрома, погруженная во мрак, была законсервирована и казалась заброшенной. «Ужас былых врагов» опустился на площадку в центре действующего сектора. По сравнению с ним маленькие частные корабли и полуразобраный тоберианский грузовоз казались еще меньше.

Работавшая в автоматическом режиме безлюдная секция вокзала была ярко освещена. Дерк быстро пересек ее и поспешил наружу, в темноту ночи, странной беззвездной ночи, привычной для обитателей планет Запокровья.

Они ждали его у главного выхода, как он и предполагал. По его просьбе капитан корабля послал сообщение, как только вывел корабль из сверхсветовой скорости в околопланетном пространстве.

Итак, Гвен Дельвано пришла его встретить, но была не одна. Когда Дерк вышел из здания вокзала, она негромко переговаривалась с мужчиной, стоявшим рядом с ней.

Дерк остановился у выхода, улыбнулся насколько мог беззаботно и поставил на землю свою легкую сумку.

– Привет, – тихо сказал он. – Я слышал, здесь Фестиваль.

Услышав его голос, она обернулась и рассмеялась так хорошо знакомым ему смехом.

– Нет, – ответила она, – ты опоздал лет на десять.

Дерк нахмурился и сокрушенно покачал головой.

– Черт возьми, – пробормотал он, потом улыбнулся.

Гвен быстро шагнула к нему, они обнялись. Незнакомец, с которым она разговаривала, остался стоять в стороне, бесстрастно наблюдая за ними.

Объятие было коротким. Как только Дерк коснулся ее плеч, она отстранилась. Они продолжали стоять очень близко, всматриваясь друг в друга, пытаясь понять, что сделали с ними годы.

Облик Гвен мало изменился, хотя она выглядела старше, и если что-то казалось другим, то, возможно, его просто подводила память. Ее большие зеленые глаза были не такими огромными и не столь зелеными, какими он их помнил, и она казалась немного выше ростом и, возможно, немного плотнее. Но она стояла близко и улыбалась прежней улыбкой, и прическа ее осталась прежней. Прекрасные черные волосы, чернее ночей Запокровья, струились по ее плечам блестящим потоком. Она была одета в свитер с высоким воротником и подпоясанные ремнем брюки из хамелеоновой ткани, которая в тот момент имела цвет ночи, голову ее украшала широкая лента, такая же, какую она носила обычно на Авалоне, а левую руку – браслет. Браслет был необычным: полоса серебра шириной во все запястье с вставками из желто-зеленого жадеита. Закатанный рукав свитера открывал его для всеобщего обозрения.

– Ты похудел, Дерк, – сказала она.

Он пожал плечами и сунул руки в карманы куртки.

– Может быть.

Он действительно сильно похудел, настолько, что выпирали кости, лишь плечи округлились из-за привычки сутулиться. Годы оставили свои следы. Голова поседела, тогда как раньше седина лишь слегка проглядывала в темных волосах, и теперь он носил их длинными, почти как Гвен, только у него волосы мелко вились.

– Давно мы не виделись, – произнесла Гвен.

– Семь стандартных лет, – уточнил он, кивнув. – Не думаю, что...

В этот момент незнакомец кашлянул, словно желая напомнить им о том, что они не одни. Дерк посмотрел в его сторону, Гвен обернулась. Мужчина подошел и вежливо поклонился. Коротенький, круглолицый блондин с почти белыми волосами был одет в яркий желто-зеленый костюм из шелковина и крошечную черную шапочку, которая каким-то чудом удержалась на голове во время поклона.

– Аркин Руарк, – представился он.

– Дерк т'Лариен.

– Аркин вместе со мной работает над проектом, – объяснила Гвен.

– Каким проектом?

Она взмахнула ресницами:

– Ты даже не знаешь, почему я здесь?

Он не знал. Говорящий камень был послан с Уорлорна, поэтому он знал только, где ее найти, но больше ничего.

– Ты эколог, – попытался угадать он. – На Авалоне...

– Да. Я окончила там институт много лет назад, получила диплом и потом жила на Кавалаане до тех пор, пока меня не послали сюда.

Руарк, скованно улыбаясь, продолжал:

– Что касается меня, то я представляю Академию города Имприл на Кимдиссе. Знаете? Дерк кивнул. Значит, Руарк был кимдисцем, жителем Запокровья, выпускником одного из их университетов.

– В общем, мы здесь с одной целью, понимаете? Исследование экологических процессов на Уорлорне. Им не придавали серьезного значения во время Фестиваля. Ни одна из планет Внешних Миров не сильна в экологии. Благополучно забытая наука, как говорят эмерельцы. Что касается проекта, то мы с Гвен давно знакомы и вот решили... В общем, решили работать вместе...

– Да, понятно, – отозвался Дерк.

В тот момент его мало интересовал проект. Ему хотелось поговорить с Гвен. Он посмотрел на нее:

– Ты расскажешь мне обо всем позже, когда у нас будет больше времени. Я думаю, тебе хочется поговорить.

Она ответила удивленным взглядом:

– Ну конечно. Нам есть о чем поговорить.

Дерк подхватил свою сумку.

– Куда теперь? Мне не помешало бы принять душ и подкрепиться.

Гвен и Руарк обменялись взглядами.

– Мы с Аркином только что говорили об этом. Ты можешь поселиться у него. Мы живем в одном здании. Только на разных этажах.

Руарк кивнул:

– С удовольствием, с удовольствием. Рад оказаться полезным друзьям. Ведь мы оба друзья Гвен, не правда ли?

– Вот как? – не сдержал удивления Дерк. – Я думал, что буду жить у тебя, Гвен.

Она посмотрела сначала на Руарка, под ноги, в черное ночное небо и лишь потом встретилась с ним взглядом.

– Возможно, – уклончиво ответила она, – но не сейчас. Мне кажется, так будет лучше. А сейчас мы поедem домой.

– Сюда, пожалуйста, – пригласил его Руарк, прежде чем он успел что-либо сказать. Во всем этом чувствовалось что-то странное. В течение долгих месяцев полета Дерк много раз пытался вообразить эту встречу. Иногда она представлялась ему полной любви и нежности, иногда – взаимных упреков, слез, но он никогда не думал, что они встретятся, как встретились сейчас: неловкость, недоговоренность... Да еще постоянное присутствие этого незнакомца. Кто такой на самом деле этот Аркин Руарк и таковы ли его отношения с Гвен, какими они их пытаются представить? Но, с другой стороны, они сказали так мало, почти ничего. Не зная, что думать и что говорить, он пожал плечами и последовал за ними к аэромобилю.

Идти пришлось недалеко. Вид машины произвел на Дерка ошеломляющее впечатление. Ничего подобного он прежде не видел. Отливавшая стальным блеском огромная машина с массивными треугольными крыльями казалась живой – металлический воздушный скат. Между крыльями находилась небольшая кабинка на четыре места, а на концах крыльев он заметил угрожающе торчавшие дула.

Он бросил взгляд на Гвен и показал на них:

– Лазерные?

Она кивнула, слегка улыбаясь.

– Что это у тебя за дьявольская машина? – спросил Дерк. – Очень уж похожа на военную. Нам придется отражать нападение хрангов? Мне не доводилось видеть ничего подобного со времени наших посещений институтских музеев на Авалоне.

Гвен засмеялась, взяла из его рук сумку и кинула ее на заднее сиденье.

– Залезай, – поторопила она его. – Это очень хороший аэромобиль производства Верхнего Кавалаана. Они только недавно начали строить свои собственные. Его сделали по образу черного баньши, летающего хищника, священного животного Сообщества Айронджейд. Он фигурирует во многих народных сказаниях. Своего рода тотем.

Гвен забралась в машину и заняла место за штурвалом, Руарк неуклюже перевалился через крыло и плюхнулся на заднее сиденье. Дерк продолжал стоять.

– Но она вооружена лазерными пушками? – продолжал допытываться он.

Гвен вздохнула:

– Они не заряжены и никогда не были заряжены. Каждая машина, построенная на Верхнем Кавалаане, имеет оружие. Такова традиция. И не только у айронджейдов. Так же делают и Редстил, Брейт и Шанагейт.

Дерк обошел машину и взобрался на сиденье рядом с Гвен.

– Я не понимаю.

– Это названия четырех кавалаанских родовых союзов, – объяснила она. – Можно их считать небольшими народностями или большими семьями. Они и то и другое.

– Но зачем лазерное оружие?

– Верхний Кавалаан – беспокойная планета, – ответила Гвен.

Руарк фыркнул:

– Это совершенно неверно, совершенно!

– Неверно? – резко обернулась к нему Гвен.

– Вот именно, – ответил Руарк. – Совершенно неверно, потому что близко к истине, а половина правды хуже лжи.

Дерк обернулся и посмотрел на круглолицего светловолосого кимдисса.

– Что вы имеете в виду?

– Верхний Кавалаан был когда-то опасной, дикой планетой. Но теперь только сами кавалаанцы – дикари, враждующие между собой. Это ненавидящие все чужое расисты, распираемые чувством гордости и завистью. Со своими Великими Воинами и дуэльным кодексом... Да-да, именно поэтому их машины оснащены пушками. Они предназначены для воздушных боев! Я предупреждаю вас, т'Лариен...

– Аркин! – угрожающе воскликнула Гвен. Прозвучавшая в ее голосе злость покорила Дерка.

Она резко включила гравитационный ускоритель, дернула штурвал, аэромобиль рванулся вперед и с жалобным воем взмыл вверх. Сектор космодрома, в котором среди меньших собратьев стоял «Ужас былых врагов», сиял огнями, все остальное было погружено во мрак. Непроглядная тьма простиралась до невидимого горизонта, где черная земля соединялась с еще более черным небом. Лишь небольшая россыпь звезд слабо мерцала в вышине. Это были звезды Окраины. Выше них начиналось межгалактическое пространство, ниже повис темный занавес Покрова Искусителя. Дерк остро ощутил беспредельное одиночество планеты.

Руарк, поворчав, умолк, и в кабине воцарилась напряженная тишина.

– Аркин – кимдиссец, – наконец произнесла Гвен с натянутым смешком, но это не обмануло Дерка. Он слишком хорошо ее знал. Гвен была так же напряжена, как и минуту назад, когда прикрикнула на Руарка.

– Я ничего не понимаю, – признался Дерк, чувствуя себя совершенным идиотом.

– Вы ведь не внешнепланетянин, – попытался успокоить его Руарк. – Где бы вы ни жили – на Авалоне или Бальдуре, – не имеет значения. Вы, жители Внутренних Миров, не знаете кавалаанцев.

– Так же, как и кимдиссец, – добавила Гвен уже более спокойно.

Руарк хмыкнул.

– Это сарказм, – пояснил он. – Кимдисцы и кавалаанцы... В общем, мы не очень ладим, понимаете? Гвен хочет сказать, что я отношусь к ним с предубеждением и мне нельзя верить.

– Да, Аркин, – согласилась она. – Дерк, он не знает Верхний Кавалаан и не может понять ни его людей, ни их культуры. Как любой кимдиссец, он будет говорить тебе о них самое плохое, но на самом деле все не так просто, как он себе представляет. Помни об этом, когда этот болтун начнет тебя обрабатывать. Ведь ты сам всегда говорил, что каждую проблему следует рассматривать с тридцати сторон.

– Совершенно верно, – со смехом сказал Дерк. – Так оно и есть. Хотя в последние годы я стал подумывать, что тридцати маловато. Однако я так и не понял, что это все означает. Взять хотя бы машину. Она нужна тебе для работы? Или ты должна летать именно в такой только потому, что ты работаешь для айронджейдов?

– Ах, – громко возразил Руарк, – никто не работает для айронджейдов. Ты либо один из них, либо – нет. Третьего не дано. Если ты не айронджейд, ты не работаешь для них!

– Да. – В голосе Гвен снова зазвучала злость. – И я – одна из них. Прошу тебя не забывать об этом, Аркин.

– Гвен, Гвен, – взволнованно заговорил Руарк, – ты же друг, родственная душа. Мы с тобой много сделали, мы вместе. Я не хотел тебя обидеть. Но ты не кавалаанка и никогда ею не будешь. Хотя бы потому, что в тебе слишком много от настоящей женщины. Ты не какая-нибудь эйн-кети или бетейн.

– Вот как? Ты так считаешь? Тем не менее я связана узами с Джааном и ношу символ нашей связи – серебро с жадеитом. – Она посмотрела на Дерка и негромко добавила: – Машина принадлежит Джаану, и, отвечая на твой вопрос, хочу сказать, что именно поэтому я летаю на ней.

Они замолчали. Только ветер гудел вокруг пронизывавшей черноту ночи машины, развеивая прямые длинные волосы Гвен и спутанные кудри Дерка, продувая насквозь его тонкую одежду. Он подумал было о том, почему на машине нет стеклянного колпака, а только ветровое стекло, от которого никакого толка, но потом сложил руки на груди и опустил пониже.

– Кто такой Джаан? – спокойно спросил Дерк.

Он со страхом ожидал ответа, потому что Гвен произнесла это имя с вызовом в голосе.

– Он же ничего не знает, – сказал Руарк.

Гвен вздохнула, и Дерк почувствовал ее напряжение.

– Прости Дерк. Я думала, что ты знаешь. Это произошло давно. Я была уверена, что кто-нибудь из наших общих знакомых на Авалоне сказал тебе.

– Я ни с кем из них не встречался, и тебе это хорошо известно, – сдержанно ответил Дерк. – Я много путешествовал, жил на Браке, на Прометее, на Джеймисоне... – Он замолчал, понимая бессмысленность своих объяснений, потом снова спросил:

– Кто такой Джаан?

– Джаантони Рив Вулф Высокородный Айронджейд Викари, – произнес Руарк.

– Джаан – мой... – Она замялась. – Это трудно объяснить. Я – бетейн для Джаана и собетейн для его тейна, которого зовут Гарс.

Она посмотрела на него, на секунду оторвавшись от приборной доски, и опять устремила взгляд вперед. Лицо Дерка выражало полное недоумение.

Пожав плечами, Гвен сказала:

– Можно назвать его мужем. Извини, это слово не совсем подходит, но оно ближе всего по смыслу. Если объяснять кратко, то Джаан – мой муж.

Дерк съежился, крепче стиснув руки на груди. Он молчал. Ему было холодно и больно, и он уже начал жалеть, что прилетел сюда. Но вспомнив о говорящем камне, он отогнал эти мысли. Наверняка у нее была причина вызвать его, и в свое время она все ему объяснит. И,

конечно, как можно рассчитывать на то, что она будет одна. При встрече на космодроме он даже подумал, что, может быть, Руарк... Но ему это безразлично.

Молчание затянулось. Гвен снова посмотрела на него.

– Прости, – повторила она. – Правда, Дерк, тебе не надо было прилетать.

И он опять подумал, что она права.

Полет продолжался в молчании. Слова были произнесены, но не те слова, которые ему хотелось бы услышать. То, что он слышал, не могло ничего изменить. Он на Уорлорне, и Гвен, внезапно оказавшаяся совсем чужой, все еще рядом. Дерк сидел, сторбившись, погруженный в свои мысли, а в лицо ему дул холодный ветер.

На Браке он думал, она позвала его, потому что он ей нужен. Он не знал только, хочет ли он сам вернуться к ней, сможет ли, способен ли еще Дерк т'Лариен любить и быть любимым? Теперь ему стало ясно, что проблема заключается в другом.

«Пошли этот камень, и я приду и не буду ни о чем спрашивать». Обещание. Ничего больше.

Внезапно он разозлился. Зачем она так поступает с ним? Она, безусловно, должна была бы догадываться о его чувствах. Ни одно ее желание не стоит боли этих воспоминаний.

Но постепенно Дерк т'Лариен успокоился. Он сидел с закрытыми глазами. Перед его мысленным взором снова плыла по каналу одинокая черная баржа. Он вспомнил, как принял решение попытаться снова стать тем, кем был прежде, полететь к ней и отдать ей все, что только сможет, все, что она захочет, – не только ради нее, но и ради самого себя.

Дерк с усилием выпрямился, разомкнул руки, открыл глаза навстречу колючему ветру, затем медленно перевел взгляд на Гвен и улыбнулся ей своей прежней смущенной улыбкой.

– Ах, Джинни, – сказал он. – Мне жаль. Но еще мне кажется, что это не имеет значения. Я рад, что оказался здесь, и ты должна радоваться. Ведь мы так давно не виделись, верно?

Гвен посмотрела на него, затем снова на приборную панель и нервно облизнула губы.

– Да, Дерк, мы слишком долго не виделись.

– Я увижусь с Джааном?

Она кивнула:

– И с Гарсом тоже, его тейном.

Где-то внизу шумела река, невидимая в темноте. Скоро звук пропал – они двигались довольно быстро. Дерк посмотрел в сторону, в ревушую мглу, затем взглянул наверх.

– Тут не хватает звезд, – задумчиво произнес он. – Мне кажется, что я начинаю слепнуть.

– Мне знакомо это чувство. – Гвен улыбнулась, и неожиданно Дерку стало хорошо. Впервые за все последнее время.

– Помнишь небо на Авалоне? – спросил он.

– Да, конечно.

– Множество звезд. Прекрасный мир.

– Уорлорн тоже красив по-своему. Что ты о нем знаешь?

– Не много, – ответил Дерк, глядя на нее. – Знаю о Фестивале, о том, что планета – бродяга. Одна женщина на корабле рассказала мне, что Томо и Уолберг открыли ее во время прогулки к краю галактики.

– Не совсем так, – возразила Гвен. – Но в этой истории есть свое очарование. Как бы то ни было, все, что ты здесь увидишь, существует благодаря Фестивалю. Весь Уорлорн. В празднествах участвовали планеты Окраины, и культура каждой из них воплотилась в здешних городах. Их четырнадцать – столько, сколько планет Окраины. Между ними космодром и Общественный Парк. Мы сейчас над ним летим. В нем мало интересного, даже днем. В годы Фестиваля там устраивали ярмарки, спортивные игры.

– А где вы работаете?

– В лесах и пустынях, – ответил Руарк, – вне городов, за горами.

– Взгляни, – окликнула Гвен.

Дерк посмотрел вперед и увидел на горизонте еле различимую гряду гор, черные зубцы которых, вырастая из массива Парка, вздымались ввысь, почти касаясь нижних звезд. На одной из вершин появилась темно-красная искорка, которая увеличивалась по мере их приближения. Она росла, но не становилась ярче. Ее свет оставался зловеще красным, напомнив почему-то Дерку о говорящем камне.

– Вот мы и дома, – объявила Гвен. – Город Лартейн. На старом кавалаанском языке «лар» означает «небо». Здесь живут люди с Верхнего Кавалаана. Иногда его называют Огненной Крепостью.

При первом взгляде на город сразу становилось понятно, почему его так называют. Построенный на крутом склоне горы с отвесными скалами внизу и позади него, кавалаанский город был похож на крепость с массивными стенами и узкими щелями окон. Башни, возвышавшиеся внутри стен города, казались тяжелыми и низкими на фоне нависшей над ними горы, по темным камням которой расплывались кровавые пятна отраженного света. Но огни города не были отражением, его стены и улицы излучали тусклый мерцающий свет.

– Глоустоун, – ответила Гвен на его немой вопрос. – Светящийся камень. Он поглощает свет в течение дня, а ночью отдает его. На Верхнем Кавалаане его главным образом используют в ювелирном деле, а сюда, на Уорлорн, привезли специально для Фестиваля.

– Кавалаанское барокко, – вставил Руарк.

Дерк только кивнул в ответ.

– Видел бы ты этот город раньше, – сказала Гвен. – Лартейн питался светом семи солнц, а ночью полыхал огнем. Он был похож на раскаленный добела кинжал. Теперь камни светятся не так ярко – Колесо отдаляется с каждым часом. Еще несколько лет – и они превратятся в слабо тлеющие угольки.

– Город не кажется большим. Сколько здесь народу? – спросил Дерк.

– Когда-то здесь жило около миллиона человек. Ты видишь только верхушку айсберга. Большая часть города внутри горы.

– Как это по-кавалаански! – заметил Руарк. – Недоступная пещера в неприступных скалах. Правда, теперь пустая. По последним подсчетам, здесь сейчас двадцать человек, включая нас.

Аэромобиль миновал наружную стену, завис над краем широкого уступа горы и нырнул вниз мимо скал и светящихся камней. Внизу Дерк увидел широкие тротуары, слегка покачивающиеся висячие украшения домов и огромных каменных зверей со светящимися глазами из глоустоуна. Сами здания были выстроены из белого камня и черного дерева, на их стенах лежали длинные красные отблески, словно зияющие раны на теле гигантского темного животного. Они летели над башнями, крышами, извилистыми аллеями, широкими бульварами и площадями, над огромным открытым многоярусным театром. Всюду было пусто. Ни одной живой души на сумрачных улицах.

Гвен по спирали опустила машину на крышу квадратной черной башни. Когда аэромобиль с затихшим двигателем завис над посадочной площадкой, Дерк увидел на ней две другие машины: желтую в форме гладкой слезинки и внушительных размеров боевой летательный аппарат, выглядевший как ветеран войн прошлого столетия: угловатый, с толстой броней оливково-зеленого цвета, с лазерными пушками на крыше кабины и на хвосте.

Гвен посадила металлический скат между двумя машинами, и они вышли на крышу башни. Когда они остановились на площадке лифта, Гвен повернула к нему лицо, странно пылавшее в неприятном красноватом свете.

– Уже поздно, – сказала она. – Нам всем лучше отправиться отдыхать.

Дерк не стал возражать, лишь спросил о Джаане.

– Ты встретишься с ним завтра, – ответила она. – Сначала мне нужно с ним поговорить.

– Почему? – удивился Дерк.

Но Гвен уже спешила к лестнице. Руарк положил ему руку на плечо и подтолкнул к кабине лифта.

Глава 2

Той ночью Дерк почти не спал. Каждый раз, когда он начинал засыпать, отвратительные сумбурные видения будили его. Просыпаясь, он пытался вспомнить, что ему снилось, но безуспешно. Наконец он сдался. Встав, Дерк порылся в сумке и отыскал свое сокровище – завернутый в фольгу и бархат говорящий камень. Он сидел один во мраке ночи, ощущая рукой его холод и вслушиваясь в его ледяные обещания.

Прошли часы, прежде чем Дерк встал и оделся. Положив в карман говорящий камень, он отправился наверх, чтобы посмотреть на восход Колеса. Руарк крепко спал, но он с вечера объяснил, как пользоваться кодовым замком, поэтому Дерк мог войти и выйти в любое время. Он поднялся на лифте и вышел на крышу. Там, сидя на холодном металлическом крыле серой машины, он наблюдал, как рассвет смывает с неба остатки ночи.

Этот странный тусклый рассвет сеял в душе смутное ощущение опасности, а рожденный им день был мрачен. Сначала неясное туманное свечение окрасило горизонт, расплывшись над ним темно-красным пятном, словно слабый отблеск светящихся камней города. Потом появилось первое солнце – крошечный желтый шарик, на который можно было смотреть не щурясь, не прикрывая глаз. Через несколько минут немного поодаль всплыло второе светило, чуть больше и ярче первого, но оба они, хотя и были намного ярче звезд, вместе давали света меньше, чем одно огромное ночное светило Брака.

Спустя некоторое время над зарослями парка показалась тонкая грязно-красная полоска, которая вначале почти не выделялась на окрашенном зарей небе, но она продолжала расти, пока наконец Дерк не понял, что это верхняя часть огромного красного солнца. По мере того как оно поднималось выше и выше, все вокруг окрашивалось в красный цвет.

Дерк посмотрел вниз, на улицы Лартейна. Светящиеся камни погасли, лишь кое-где в тени осталось слабое мерцание. Рассвет накрыл город серой пеленой с красноватым отливом. Тусклый холодный свет занимавшегося дня погасил ночные огни, и теперь улицы города несли на себе еще более явственный отпечаток смерти и опустошения.

Настал сумеречный день Уорлорна.

– В прошлом году света было больше, – услышал Дерк голос позади себя. – Теперь каждый следующий день темнее и холоднее предыдущего. Две из шести звезд Чертовой Короны находятся сейчас позади Толстого Черта, и от них нет никакого толка, другие продолжают уменьшаться. Сам Черт еще довольно ярко, но и его красный свет слабеет. Выходит, что Уорлорн живет в угасающем свете заката, за которым не будет рассвета. Еще несколько лет – и все семь солнц станут далекими звездами, а на планету вернется лед.

Говоривший стоял неподвижно, лицом к рассвету, слегка расставив ноги, положив руки на бедра. Это был высокий худощавый мускулистый мужчина. Распахнутый, несмотря на холодное утро, ворот рубашки обнажал загорелую грудь, которая казалась медной в свете Толстого Черта. Бросались в глаза высокие скулы, тяжелая квадратная челюсть и волосы до плеч, такие же черные, как у Гвен. Его руки, покрытые густыми черными волосами, украшали два массивных браслета: левую – серебряный с жадеитами, правую – из потемневшего железа с красными светящимися глоустоунами.

Дерк остался сидеть на крыле ската. Незнакомец смотрел на него сверху вниз.

– Вы – Дерк т'Лариен, бывший возлюбленный Гвен.

– А вы – Джаан.

– Джаан Викари из Сообщества Айронджейд, – представился мужчина. Он шагнул вперед и поднял обе руки вверх, словно демонстрируя собеседнику пустые ладони.

Дерку был знаком этот жест. Он встал и приложил свои ладони к ладоням кавалаанца. И в этот момент заметил кое-что еще: на черном металлическом поясе Джаана висел лазерный пистолет.

Викари перехватил его взгляд и улыбнулся:

– Да, кавалаанцы носят оружие. Это одна из наших традиций. Надеюсь, вас это не шокирует, как кимдисса, приятеля Гвен. А если вас это тоже приводит в ужас, так это не наша вина, а ваша. Лартейн – часть Верхнего Кавалаана, и вы не вправе ожидать от нас отступления от своей культуры в угоду вашей.

– Я и не ожидаю. Наверное, из-за того, что узнал о вас прошлой ночью. И все же этот обычай кажется мне странным. Что, здесь где-нибудь идет война?

Викари слегка улыбнулся, блеснув зубами.

– Здесь постоянно идет война, т'Лариен. Сама жизнь – война.

Помолчав, он спросил:

– У вас необычное имя, т'Лариен. Ни я, ни мой тейн Гарс никогда не слышали такого. Откуда вы родом?

– Я родился на Бальдуре, очень далеко отсюда, на другой стороне галактики от Старой Земли. Но я почти его не помню. Родители привезли меня на Авалон, когда я был еще маленьким.

– И вы много путешествовали, как сказала мне Гвен. На каких планетах вам пришлось побывать?

Дерк пожал плечами:

– Прометей, Рианнон, Тисрок, Джеймисон... Авалон, разумеется. Всего около дюжины. Большею частью планеты с более низким, чем на Авалоне, уровнем цивилизации, на которых могли пригодиться мои знания. С хорошим образованием легко найти работу даже без особых талантов. Меня это устраивает. Я люблю путешествовать.

– Но до сих пор вы не залетали на Покров Искусителя. Вы не знаете ни одной планеты дальше джамблсов. Вы увидите, что здесь все по-другому, т'Лариен.

Дерк поморщился:

– Как вы сказали? Джамблсы?

– Джамблсы, – повторил Викари неизвестное Дерку слово. – Вулфхеймский сленг. «Косяковые миры». От слова «косяк», дверной косяк. Я узнал его от своих приятелей, вулфхеймцев, когда учился на Авалоне. Так они называли Межпланетье, пространство между Внешними Планетами и Поселениями Старой Земли первого и второго поколений. Именно в звездных системах Межпланетья хранили поработили некоторые планеты и там воевали с Империей Земли. Большинство планет, названных вами, тоже затронула война и последовавший за ней развал Империи. Сам Авалон – поселение второго поколения и когда-то был столицей сектора. А это немало для столь отдаленной планеты. Вы согласны?

Дерк кивнул:

– Да, я немного знаком с историей. Судя по всему, вы знаете гораздо больше.

– Я историк, – признался Викари. – Моя работа большей частью заключается в попытках извлечь исторические факты из мифов моей родной планеты, Верхнего Кавалаана. Именно для этого Айронджейд послал меня на Авалон, не считаясь с затратами. Я должен был изучить банки данных старинных компьютеров. Я провел там два года. Свободного времени было много, и я увлекся общими вопросами истории человечества.

Дерк ничего не ответил и устремил взгляд на рассвет. Красный диск Толстого Черта наполовину выполз из-за горизонта, показалась и третья звезда Колеса. Она была немного севернее предыдущих и светила не ярче обычной звезды.

– Красная звезда – супергигант, – задумчиво сказал Дерк. – Но отсюда она кажется не больше солнца Авалона. Наверное, она очень далеко, и здесь все уже должно было бы замерзнуть. А у вас всего лишь прохладно.

– Это дело наших рук, – с гордостью в голосе сказал Викари. – Правда, заслуга принадлежит не Верхнему Кавалаану, но тем не менее внешнепланетянам. В Эпоху Крушения Империи Земли Тоберу удалось сохранить высокие технологии и потом значительно развить их. Без их экрана Фестиваль был бы невозможен. Когда планета проходила вблизи Толстого Черта и Адской Короны, их жар выжег бы атмосферу Уорлорна, вскипятил бы его моря. Но благодаря тоберианскому экрану планета избежала страшной катастрофы, а мы получили долгое теплое лето. А теперь экран помогает удерживать тепло. Но, как и все в нашем мире, он имеет ограниченные возможности. Холод придет.

– Я не ожидал, что мы так встретимся, – проговорил Дерк. – Почему вы пришли сюда?

– Наугад. Много лет назад Гвен рассказала мне, что вы любите смотреть на рассвет. И многое другое, Дерк т’Лариен. Я знаю о вас гораздо больше, чем вы обо мне.

– Что правда, то правда, – рассмеялся Дерк. – До вчерашней ночи я не знал даже о вашем существовании.

Лицо Джаана Викари было напряженным и серьезным.

– Но я существую. Помните об этом, и мы можем быть друзьями. Я хотел встретиться с вами с глазу на глаз и поговорить до того, как проснутся остальные. Теперь мы не на Авалоне, т’Лариен, а сегодня – не вчера. Мы на умирающей планете Фестиваля, в мире, где не существует законов, кроме тех, которые мы привезли с собой. И мне не хотелось бы вести себя в соответствии с нашими. С тех пор как я пожил на Авалоне, я стараюсь считать себя Джааном Викари, но я остаюсь кавалаанцем. Не вынуждайте меня стать Джаантони Рив Вулфом Высокородным Айронджейдом Викари.

– Я не совсем понял, что вы имеете в виду, – вставая, сказал Дерк. – Но думаю, что могу быть вполне искренним. Я ничего не имею против вас, Джаан.

Видно было, что ответ Дерка удовлетворил Викари. Он неторопливо кивнул и опустил руку в карман брюк.

– Прошу вас, примите вот это, – сказал он, протягивая ему на ладони булавку в форме крошечного ската. – В знак дружбы и хорошего отношения. И, пожалуйста, носите ее, пока находитесь здесь.

– Как вам угодно, – согласился Дерк, улыбнувшись в ответ на церемонную учтивость мужа Гвен. Он взял булавку и приколот ее к воротнику.

– Да, рассвет здесь хмурый, – посетовал Викари. – Но и день не лучше. Пойдемте к нам. Я разбужу остальных, пора завтракать.

В просторных апартаментах Гвен, которые она занимала вместе с двумя кавалаанцами, потолки были очень высокими, а в гостиной бросался в глаза огромный камин. На грифельно-серой каминной полке, как на насесте, восседали фантастические существа со злыми глазами и охраняли золу. Викари провел Дерка мимо них по устланному толстым черным ковром полу в столовую, которая не уступала гостиной по размерам. Пока хозяин будил остальных, Дерк сидел на одном из двенадцати деревянных стульев с высокими спинками, которые стояли вокруг большого стола.

Вскоре кавалаанец принес блюдо с тонко нарезанным темным мясом и корзинку с сухим печеньем. Поставив все это перед Дерком на стол, он снова покинул комнату.

Как только он вышел, открылась другая дверь и в комнату вошла Гвен, сонно улыбаясь, одетая в выгоревшие брюки и бесформенную зеленую блузу с широкими рукавами, с той же, что и накануне, лентой в волосах. На ее левой руке блеснул массивный серебряный браслет, плотно обхватывавший запястье. Вслед за ней вошел другой человек, почти такой же высокий, как Викари, но на несколько лет моложе и более худой. На нем был спортивный костюм из

красно-коричневой хамелеоновой ткани. Таких синих глаз Дерк никогда не видал. Худошавое лицо с острыми чертами скрывала густая рыжая борода.

Гвен села. Человек с рыжей бородой остановился перед Дерком.

– Я – Гарс Айронджейд Джанасек, – представился он и протянул ладони. Дерк встал, чтобы приложить к ним свои.

Дерк заметил лазерный пистолет в кобуре, пристегнутой к ремню из серебристых металлических колец. На правой руке он носил такой же, как у Викари, черный браслет из железа и камня, похожего на глоустоун.

– Вы, наверное, знаете, кто я? – спросил Дерк.

– Конечно, – ответил Джанасек с ядовитой усмешкой.

Они оба сели.

Гвен уже жевала печенье. Когда Дерк сел, она протянула руку через стол и, почему-то улыбнувшись, дотронулась до маленькой булавки-ската на его воротнике.

– Я вижу, ты уже познакомился с Джааном, – сказала она.

– Более или менее, – отозвался Дерк.

Наконец вернулся Викари. Правой рукой он с трудом удерживал четыре кружки, а в левой нес кувшин темного пива. Он поставил все это посередине стола и, еще раз сходяв на кухню, принес тарелки, приборы и покрытый глазурью горшочек с какой-то желтой пастой, которую он предложил мазать на печенье.

Пока он отсутствовал, Джанасек подтолкнул пустые кружки к Гвен.

– Налей, – приказал он голосом, не терпящим возражений, и повернулся к Дерку.

– Насколько я знаю, вы были первым мужчиной в ее жизни, – сказал он, пока Гвен наливала пиво. – Вы оставили ее с невероятным количеством отвратительных привычек. Я вправе потребовать удовлетворения.

Дерк растерялся.

Гвен наполнила пивом три кружки из четырех. Одну она подвинула к месту Викари, вторую – Дерку, из третьей не спеша сделала большой глоток. Затем вытерла губы тыльной стороной руки, улыбнулась Джанасеку и вручила ему пустую кружку.

– Если ты намереваешься угрожать бедному Дерку из-за моих привычек, – сказала она, – то мне придется потребовать удовлетворения у Джаана за все те долгие годы, что я терпела твои.

Джанасек нахмурился, повертел в руках пустую кружку.

– Сука-бетейн, – спокойно произнес он, как будто это было в порядке вещей, и налил себе пива.

Тут же вернулся Викари, сел за стол, шумно отхлебнул из своей кружки. Все приступили к еде. Дерк вскоре обнаружил, что ему нравится пить пиво на завтрак. По вкусу пришлось ему и печенье, намазанное толстым слоем сладкой пасты. Мясо было суховатым.

За едой Джанасек и Викари задавали Дерку вопросы, а Гвен сидела со смущенным видом и почти не разговаривала. Двое кавалаанцев являли собой достойное внимания зрелище: они были похожи внешне, но вели себя по-разному. Джаан Викари при разговоре наклонялся вперед (как и прежде, ворот его рубашки был распахнут), время от времени он рассеянно позевывал и почесывался, выражал дружескую заинтересованность всем своим видом, часто улыбался. Он выглядел менее напряженным, чем при первом разговоре на крыше, но все же производил впечатление осторожного, скрытного человека, которому нужно делать над собой определенное усилие, чтобы расслабиться. Даже отступления от формальностей – улыбки, жесты – казались хорошо рассчитанными и продуманными. Гарс Джанасек, хотя и сидел прямее, чем Викари, не почесывался и соблюдал формальную учтивость кавалаанской речи, казался раскрепощенным, как человек, которому не в тягость ограничения, накладываемые обществом, и которому даже в голову не приходит пытаться от них освободиться. Его речь

была живой и полной колкостей, которые сыпались, как искры от махового колеса, и большая их часть предназначалась Гвен. Некоторые она парировала, но защита ее была слабой, Джанасек владел игрой лучше. Чаще это была игра в поддавки, дружеское подшучивание, хотя иногда Дерк улавливал в их перепалке интонации настоящей ненависти. В такие моменты Викари хмурил брови.

Когда Дерк упомянул о Прометее, на котором он провел год, Джанасек сразу ухватился за эту тему.

– Скажите, т'Лариен, – спросил он, – считаете ли вы Измененных людей людьми?

– Конечно, – ответил Дерк. – Они – люди Империи Земли, поселившиеся на Прометее во время войны. Современные прометейцы – потомки воинов, служивших в Экологическом Корпусе.

– Фактически это так, но я с вами не согласен, – возразил Джанасек. – Они слишком много манипулировали с собственными генами и изменили их настолько, что утратили право называть себя людьми. Разве можно считать людьми существ, летающих, как драконы, живущих под водой, способных дышать ядами, видеть в темноте, как хрууны, имеющих четыре руки. А эти двуполые, лишённые чувствительности существа, предназначенные для воспроизведения потомства? Нет, они – не люди. Вернее, нелюди.

– Нет, – возразил Дерк. – Я много раз слышал слово «нелюдь». На всех планетах оно употребляется в просторечии для обозначения человеческих мутантов, настолько изменившихся, что они уже не могут скрещиваться с человеком. Но прометейцы соблюдали осторожность, чтобы этого не допустить. Их правящие касты совершенно нормальны, вы знаете – в себе они допускали лишь небольшие изменения генотипа ради долголетия и тому подобного; так вот, как вам, наверное, известно, они регулярно устраивают налеты на Рианнон и Тисрок за обычными, по-земному нормальными людьми.

– Но ведь сама Земля уже перестала быть «по-земному нормальной» последние несколько столетий, – перебил его Джанасек и пожал плечами. – Мне не следовало вас перебивать, но в любом случае Земля слишком далеко – до нас доходят только слухи столетней давности. Продолжайте.

– Я уже все сказал, – ответил Дерк. – Измененные люди тем не менее остаются людьми. Даже низшие касты, даже самые нелепые ошибки неудавшихся экспериментов хирургов – и те могут скрещиваться с обычными людьми. Поэтому их стерилизуют, опасаясь появления потомства.

Джанасек хлебнул пива и посмотрел на Дерка ярко-синими глазами.

– Значит, все-таки они вступают в половые отношения с людьми? – улыбнулся он. – Скажите мне, т'Лариен, за время вашего пребывания на Прометее была у вас возможность лично проверить это?

Дерк вспыхнул и невольно взглянул на Гвен так, словно она была во всем этом виновата.

– Я не давал обета безбрачия, если вас именно это интересует, – резко ответил он.

Джанасек наградил его улыбкой и посмотрел на Гвен.

– Интересно, – сказал он ей. – Мужчина проводит несколько лет в твоей постели и сразу вслед за этим обращается к скотоложеству.

Лицо Гвен вспыхнуло. Дерк знал ее достаточно хорошо, чтобы понять, какую ярость она испытывает. Похоже, Джаану Викари тоже не понравилось услышанное.

– Гарс, – угрожающе сказал он.

Джанасек послушался.

– Прости меня, Гвен. Я не хотел тебя обидеть, – постарался успокоить ее он. – Совершенно очевидно, что т'Лариен развил в себе вкус к русалкам и бабочкам-однодневкам без твоей помощи.

– Вы собираетесь увидеть здешнюю природу, т'Лариен? – нарочито громко спросил Викари, чтобы увести разговор в сторону.

– Не знаю, – ответил Дерк, прихлебывая пиво. – А она того стоит?

– Я никогда не прошу себе, если ты не бываешь там, – с улыбкой сказала Гвен.

– Тогда побываю. Что там интересного?

– Экологическая система, которая все еще складывается и в то же время умирает. Экология долгое время была забытой наукой на планетах Окраины. Даже теперь внешнепланетяне могут похвастаться не больше чем дюжиной квалифицированных инженеров-экологов. Когда готовились к Фестивалю, Уорлорн был заселен различными формами жизни с четырнадцати планет, и никто особенно не задумывался, как они будут взаимодействовать. В действительности на Уорлорне смешалась природа даже более чем четырнадцати планет, если считать животных, сначала вывезенных с Земли на Новоостровье, на Авалон, на Вулфхейм, а уже потом – на Уорлорн.

Мы с Аркином как раз изучаем, как формируются экосистемы Урлорна. Уже два года мы ведем наблюдения, но работы еще хватит лет на десять, не меньше. Результаты могут принести большую пользу фермерам всех Внешних миров. Они будут знать, какие виды флоры и фауны можно внедрять, а какие опасны для экологических систем.

– Вот животные с Кимдисса особенно опасны, – проворчал Джанасек. – Как и сами кимдиссы-манипуляторы.

Гвен улыбнулась.

– Гарс злится, потому что в последнее время, кажется, начинает вымирать черный баньши, – объяснила она. – Действительно, очень жаль. У себя на Верхнем Кавалаане они почти полностью их истребили и надеялись, что здесь баньши хорошо приживется и их можно будет отловить и перевезти на Верхний Кавалаан до наступления холодов. Но вышло иначе. Баньши – страшный хищник, но там, дома, он не мог конкурировать с человеком, а здесь его экологическую нишу заняли древесные привидения с Кимдисса.

– Большинство кавалаанцев воспринимают баньши как угрозу безопасности, беду, – пояснил Викари. – Поэтому для охотников Брейта, Редстила и Шанагейта охота на черного баньши – едва ли не самый популярный вид охоты. Но айронджейды всегда относились к баньши иначе. Существует древняя легенда о том, как Кей Айрон-Смит и его тейн Рональд Вулф-Джейд вдвоем сражались с целой армией демонов на Ламераанских Холмах. Кей упал, Рональд продолжал битву, слабея с каждой секундой. Тогда из-за холмов появились баньши. Их было так много, что они как туча закрыли солнце. Они накинулись на демонов и поглотили их всех до единого, не тронув Кея и Рональда. Когда Кей и Рональд вернулись в пещеру к своим женщинам, они основали род айронджейдов, а баньши стал их побратимом, священным животным. Ни один айронджейд никогда не убил баньши, а легенды повествуют о том, что, когда бы айронджейд ни оказался в опасности, всегда появляется баньши и спасает его.

– Занимательная история, – произнес Дерк.

– Это более, чем история, – сказал Джанасек. – Существует связь между айронджейдами и баньши, т'Лариен. Может быть, она псионическая, может быть, существует только на уровне чувств, инстинкта. Я не знаю. Но связь эта есть.

– Предрассудки, – заявила Гвен. – Но ты не должен думать плохо о Гарсе. Он не виноват, что не получил образования.

Дерк намазал пастой печенью и посмотрел на Джанасека.

– Джаан сказал мне, что он историк. Чем занимается Гвен, я знаю. А вы? Что делаете вы?

Джанасек молчал, холодно глядя на него синими глазами.

– У меня создалось такое впечатление, что вы – эколог.

Гвен засмеялась.

– Сверхъестественная проницательность! – ухмыльнулся Джанасек. – Вы ошиблись.

– Тогда что вы делаете на Уорлорне? – поинтересовался Дерк. – И если уж на то пошло, то чем здесь может заниматься историк?

Викари, обхватив свою кружку обеими руками, задумчиво потягивал пиво.

– Это легко объяснить, – ответил он. – Я – высокородный член Сообщества Айронджейд, соединенный с Гвен Дельвано серебром и жадеитом. Она – моя бетейн. Ее послал сюда Верховный Совет; естественно, я отправился вместе с ней и с моим тейном. Вы понимаете?

– Наверное, понимаю. Значит, вы находитесь здесь, чтобы составить компанию Гвен?

Джанасек посмотрел на него враждебным взглядом.

– Мы защищаем Гвен, – сказал он ледяным голосом. – Большой частью от ее собственной глупости. Ей вообще не следовало бы здесь быть, но она здесь, поэтому и мы должны быть здесь. Что касается вашего первого вопроса, т'Лариен, то должен вам напомнить, что я – айронджейд, тейн высокородного айронджейда Джаантони. Я могу делать все, что потребует от меня мой род: охотиться или возделывать землю, сражаться на дуэлях или вести Великую Войну против наших врагов, могу делать детей нашим эйн-кети. Всем этим я и занимаюсь. А кто я, вы уже знаете. Я ведь назвал свое имя.

Викари взглянул на него и быстрым жестом правой руки заставил замолчать.

– Можете считать нас запоздалыми туристами, – сказал он Дерку. – Мы изучаем и наблюдаем. Путешествуем по лесам, по заброшенным городам. Мы могли бы ловить баньши, чтобы переправлять их на Верхний Кавалаан, но их здесь нет. – Он поднялся, допил пиво. – Уже день, а мы все сидим, – проговорил он, ставя на стол пустую кружку. – Если вы собираетесь на природу, то вам надо спешить. Полет над горами займет немало времени, даже на аэромобиле, а вернуться лучше засветло.

– А-а, – протянул Дерк, допивая пиво. Он вытер рот тыльной стороной ладони. Похоже, на Кавалаане салфетки не входили в число предметов сервировки стола.

– Баньши не единственный хищник на Уорлорне, – сказал Викари. – В лесу полно убийц с четырнадцати планет. Но это не самое страшное. Люди хуже. Уорлорн – покинутая, никем не управляемая планета, в ее пустынных уголках немало странного и опасного.

– Вам лучше иметь при себе оружие, – посоветовал Джанасек. – А еще лучше, чтобы мы с Джааном отправились вместе с вами.

Викари покачал головой:

– Нет, Гарс. Им надо поговорить. Пусть идут одни. Так будет лучше, понимаешь? Это мое желание.

Он собрал со стола тарелки и направился на кухню, но в дверях остановился, обернулся и посмотрел в глаза Дерку.

И Дерк вспомнил слова, которые услышал на рассвете: «Я существую. Помните об этом».

– Ты давно не пользовался воздушными скутерами? – спросила Гвен, когда они встретились на крыше.

Она переделалась в комбинезон из хамелеоновой ткани, подпоясанный ремнем. Грязновато-красного цвета ткань покрывала все ее тело с головы до ног. Такая же лента стягивала черные волосы.

– С детства, – ответил Дерк. На нем тоже был хамелеоновый комбинезон, чтобы быть менее заметным в лесу. – У меня был скутер на Авалоне. Очень хочется снова полетать. Когда-то у меня неплохо получалось.

– Тогда надевай, – сказала Гвен. – На них нельзя перемещаться очень далеко или очень быстро, но сейчас это и не нужно.

Она открыла багажник серой машины-ската, извлекла из него два серебристых свертка и две пары ботинок.

Дерк стал переобуваться, сидя на крыле машины. Пока он зашнуровывал ботинки, Гвен развернула скутеры – две платформы из тонкого, как лист бумаги, мягкого металла, такие маленькие, что на них едва могли поместиться обе ноги. На верхней стороне проступали контуры гравитационной решетки. Он ступил на платформу, осторожно поставил ноги в нужную позицию. Металлические подошвы его ботинок плотно закрепились на своих местах, платформа обрела твердость. Гвен вручила ему прибор управления. Дерк накиннул ремешок прибора на запястье и крепко сжал его в ладони.

– Мы с Аркином пользуемся скутерами для осмотра лесов, – сообщила ему Гвен, завязывая шнурки на своих ботинках. – Аэромобиль, конечно, в десять раз быстрее, но трудно найти поляну достаточного размера для посадки. Скутеры удобны для мелкой работы, когда не надо брать много снаряжения и нет спешки. Гарс называет их игрушками, но... – Она встала, ступила на платформу и улыбнулась. – Готов?

– Конечно! – отозвался Дерк и коснулся пальцами серебристой поверхности прибора на ладони правой руки. Касание оказалось слишком сильным. Платформа рванулась вперед и вверх, увлекая за собой его ноги, а тело опрокинулось. Дерк едва не ударился головой о крышу в момент, когда взмыл в воздух. Он продолжал подниматься в небо вверх ногами и дико хохотал.

Гвен последовала за ним, стоя на платформе с мастерством, приобретенным в результате длительной практики. Она поднималась в потоках сумеречного света, как мифический джинн, летящий на обрывке серебряного ковра-самолета. К тому времени как она догнала Дерка, он уже сумел вернуться в нормальное положение вверх головой, но все еще заваливался то вперед, то назад, изо всех сил стараясь сохранить равновесие. Скутеры не были оснащены гироскопами, как аэромобили.

– Уи-и-и-и-и!.. – закричал Дерк, когда Гвен приблизилась. Она подлетела к нему сзади и хлопнула по спине. Этого было достаточно, чтобы он снова потерял равновесие и бешено закувыркался в небе над Лартейном.

Гвен что-то кричала. Дерк взглянул вперед и понял, что вот-вот врежется в высокую башню из черного дерева. С помощью аппарата управления он рывком выпрямился, продолжая бороться с непослушным телом.

Он летел высоко над городом, стоя на платформе сравнительно прямо, когда она нагнала его.

– Держись от меня подальше! – пригрозил Дерк, улыбаясь во весь рот, чувствуя себя пудрачки неуклюжим. Но ему было очень весело. – Только попробуй толкнуть меня еще раз, женщина! Сяду в летающий танк и уничтожу тебя лазерной пушкой!

Он накренился в одну сторону, выпрямился, но приложил слишком большое усилие и повалился в другую.

– Ты пьян! – старалась перекричать ветер Гвен. – Слишком много пива на завтрак! – Теперь она была над ним, скрестив руки на груди, глядя на его старания с напускным неодобрением.

– Эти штуки более устойчивы, когда висишь на них вниз головой, – заметил Дерк.

Ему наконец удалось поймать равновесие, но по его вытянутым в стороны рукам было видно, с каким трудом он его удерживает.

Гвен скользнула вниз и полетела рядом с Дерком, двигаясь легко и уверенно, ее черные волосы развевались позади, как знамя.

– Как дела? – крикнула она.

– Думаю, что освоился! – провозгласил Дерк. Он все еще стоял на доске.

– Молодец! Посмотри вниз!

Он посмотрел, минув взглядом ненадежную опору под ногами. Лартейн с его темными башнями и поблекшими улицами остался позади. Вместо него тянулся пологий спуск к Парку,

который виднелся вдали в сумеречном свете дня. Дерк увидел реку, темной лентой петлявшую среди тускло-зеленых деревьев. У него закружилась голова, и, взмахнув руками, он снова перевернулся.

Пока он висел вниз головой, Гвен спустилась ниже него и с усмешкой снова скрестила руки на груди.

– Ты ни на что не годен, т'Лариен, – заявила она. – Почему ты не летишь головой вверх, как все нормальные люди?

Дерк открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но задохнулся и лишь состроил в ответ гримасу. В конце концов ему удалось подняться. Ноги у него начали болеть от напряжения.

– Вот! – воскликнул он и смело посмотрел вниз, чтобы показать, что не боится высоты.

Гвен снова оказалась рядом с ним. Окинув его взглядом, она сказала:

– Ты позоришь детей Авалона и всех скутеристов Вселенной. Но все же есть надежда, что сегодня ты останешься в живых. Ну, хочешь увидеть дикую природу?

– Показывай дорогу, Джинни!

– Тогда поворачивай. Нам надо в другую сторону. Мы должны перелететь через горы.

Она взяла его за руку. Описав в воздухе широкую дугу вверх и назад, они направились в сторону Лартейна. Город издали казался серым и невзрачным, а его знаменитые светящиеся камни, погашенные солнцем, зияли черными дырами. Горы едва вырисовывались во мгле.

Они летели в сторону города, постоянно набирая высоту, пока не оказались над Огненной Крепостью на уровне горных вершин. Для воздушных скутеров это была предельная высота, хотя аэромобиль, конечно, мог бы подняться намного выше. Но для Дерка и этого было достаточно. Хамелеоновая ткань их одежды приняла серо-белую окраску. Дерк с благодарностью подумал, как она хорошо греет: дул холодный ветер, день Уорлорна был ненамного теплее ночи.

Держась за руки и время от времени перекрикиваясь, они продолжали полет, наклоняясь то в одну, то в другую сторону в зависимости от ветра. Перевалив через горную вершину и плавно спустившись в темную скалистую долину, Гвен и Дерк снова поднялись и миновали еще одну гору, затем еще одну. Они летели мимо острых зубцов зеленых и черных скал, мимо падавших с высоты потоков, мимо отвесных обрывов. Потом Гвен предложила ему состязание в скорости. Дерк согласился, и они помчались вперед настолько быстро, насколько позволяли возможности скутеров и собственное умение, пока наконец Гвен не сжалась и, вернувшись к нему, снова не взяла его за руку.

Цепь гор обрывалась на западе столь же неожиданно, как поднималась на востоке, образуя высокий барьер, заслонявший лес у подножия от света восходящего Колеса.

– Спускаемся, – скомандовала Гвен.

Дерк кивнул, и они начали медленный спуск к темно-зеленым лесным зарослям. К тому времени они находились в воздухе более часа. Дерк сильно замерз, насквозь пронизанный холодным ветром Уорлорна. Все его тело протестовало против такого дурного обращения.

Они приземлились в лесу рядом с озером, которое заметили во время спуска. Гвен грациозно опустилась, описав в воздухе плавную дугу, и осталась стоять на заросшем мхом берегу у кромки воды. Опасаясь врезаться в землю и сломать ногу, Дерк выключил двигатель чуть раньше, чем было нужно, и свалился с метровой высоты.

Гвен помогла ему отцепить ботинки от платформы, отряхнуть одежду и волосы от сырого песка и мха. Потом она села рядом с ним и улыбнулась. Дерк улыбнулся в ответ и поцеловал ее.

Вернее, попытался поцеловать. В тот момент, когда он положил руку ей на плечо, она отстранилась. Дерк опомнился, его руки опустились, лицо омрачилось.

– Прости, – пробормотал он и, отвернувшись, стал смотреть на озеро. Вода была маслянисто-зеленая, кое-где виднелись островки фиолетовых водорослей. Все вокруг замерло без движения. Только еле заметные крошечные насекомые скользили по поверхности мелкой воды

у берега. В лесу было темнее, чем в городе, так как горы все еще закрывали большую часть диска Толстого Черта.

Гвен коснулась его плеча.

– Нет, это ты меня прости, – тихо сказала она. – Я тоже забылась. Все было почти как на Авалоне.

Он посмотрел на нее и заставил себя улыбнуться.

– Да, почти как там. Мне не хватает тебя, Гвен. Несмотря ни на что. Может быть, мне не следует об этом говорить?

– Может быть, – ответила Гвен. Она избегала его взгляда и, отвернувшись от него, смотрела на другой берег озера, подернутый туманной дымкой. Она долго сидела неподвижно, глядя вдаль, лишь только раз зябко передернула плечами. Дерк смотрел, как ее одежда медленно меняет цвет, становится пятнисто-зеленой, как земля.

Наконец он неуверенно протянул к ней руку. Гвен оттолкнула ее.

– Не надо, – сказала она.

Дерк вздохнул, набрал горсть песка. Потом он стал задумчиво наблюдать, как песок утекает сквозь пальцы.

– Гвен, – нерешительно начал он. – Джинни, я не знаю...

Гвен посмотрела на него и нахмурилась:

– Это не мое имя, Дерк. И никогда не было моим. Кроме тебя, меня так никто никогда не называл.

Он обиженно поморщился:

– Ну и что?

– А то, что Джинни – не я.

– Никто никогда... – пробормотал он. – Там, на Авалоне, мне пришло в голову имя, которое подходило тебе, и я назвал тебя так. Думал, что тебе оно нравилось.

Она покачала головой:

– Только сначала. Ты не понимаешь. Ты никогда не поймешь. Со временем это имя стало значить больше, чем вначале, Дерк. Чем дальше, тем больше, и все, с чем оно было связано, стало мне неприятно. Я же пыталась тебе это объяснить. Но тогда я была молода, почти ребенок, и, наверное, не нашла нужных слов.

– А теперь? – В его голосе прорезались нотки злости. – Теперь ты знаешь нужные слова, Гвен?

– Да, для тебя, Дерк. И даже больше, чем нужно. – Она улыбнулась ей одной известной шутке и тряхнула головой так, что волосы взметнулись вверх. – Послушай, имена, которыми мы называем друг друга, имеют очень большое значение. Они могут выражать отношения. Вот, например, Джаан. У людей их рода длинные имена из многих слов, потому что они отражают те роли, которые играет человек. Он может быть Джааном Викари для вулфхеймского друга на Авалоне, Высокородным Айронджейдом для членов Совета Сообщества, просто Ривом для почитателя, Вулфом для соратников на Великой Войне и может быть еще кем-то в постели, иметь интимное имя. И все имена справедливы, потому что они все – он. Я понимаю это. Некоторые имена мне нравятся больше других, например, Джаан мне нравится больше, чем Вулф или Высокородный Айронджейд, но они все подходят ему. Кавалаанцы верят, что человек – это сумма всех его имен, и у них имена значат очень много. На других планетах тоже, но кавалаанцы знают в этом толк больше других. Вещь без имени не существует. Если она существует, она должна быть названа. И наоборот, если дать имя вещи, то где-нибудь, на каком-нибудь уровне она появится, будет существовать. Это еще одно кавалаанское представление. Ты понимаешь, о чем я говорю, Дерк?

– Нет.

Она рассмеялась:

– У тебя, как всегда, неразбериха в голове. Слушай, когда Джаан прибыл на Авалон, он был Джаантони Айронджейд Викари. Так звучало его полное имя. Самыми важными были первые два имени: Джаантони – его имя по рождению, Айронджейд – название его рода и сородичей, Викари – приобретенное имя, которое берут по достижении совершеннолетия. Это делают все кавалаанцы. Обычно берут имена уважаемых сородичей, известных героев мифов или своих любимых героев из истории. Таким образом сохранились многие фамилии Старой Земли. Считается, что если юноша берет имя героя, то он приобретает какие-то его качества. И на Верхнем Кавалаане, похоже, эта идея имеет основания.

– Выбранное Джааном имя – Викари – немного необычно. На языке Старой Земли оно означает «дай мне руку», но в его случае оно имеет другой смысл. Мне рассказывали, что Джаан был странным ребенком: мечтательным, подвластным настроениям, слишком много размышлявшим. В раннем детстве он любил слушать песни и сказки эйн-кети, что считалось неподходящим занятием для кавалаанского мальчика. Эйн-кети – женщины, назначение которых – рожать детей. Пожизненные матери рода. Считается, что нормальный ребенок не должен проводить с ними времени больше, чем необходимо. Когда Джаан подрос, он стал предпочитать одиночество, любил исследовать пещеры и заброшенные шахты, старался держаться подальше от родовых братьев. Я говорю это без осуждения. Он был постоянным объектом нападков со стороны сверстников до встречи с Гарсом, который стал его защитником на долгие годы, хотя был гораздо младше его. Со временем положение изменилось. Достигнув возраста, когда его могли вызвать на дуэль чести, Джаан стал интересоваться оружием и очень скоро научился им искусно пользоваться. Он вообще очень способный человек, схватывает все на лету и запоминает намертво, даже лучше, чем Гарс. У Гарса больше развита интуиция, чем разум.

– Как бы там ни было, когда пришло время выбирать имя, у него было два героя, имена которых он не посмел назвать сородичам. Они не были айронджейдами и, что еще хуже, прослыли злодеями в кавалаанской истории, их гениальные деяния были забыты потомками, а затем преданы хуле. Поэтому Джаан соединил части их имен, и получилось слово, звучащее, как фамилия Старой Земли. А сородичи, ничего не подозревая, утвердили это имя. Ведь оно было всего-навсего приобретенным, менее важным для определения личности.

Она нахмурилась:

– Всю эту историю я рассказываю тебе для того, чтобы объяснить одну вещь. Когда Джаантони Айронджейд Викари прибыл на Авалон, он был Джаантони Айронджейдом. Только на Авалоне людей принято называть по фамилии, последним словом имени. Академия зарегистрировала его под фамилией Викари, и преподаватели называли его Викари. С этим именем ему пришлось жить два года. Постепенно он стал превращаться в Джаана Викари, будучи одновременно Джаантони Айронджейдом. Думаю, что ему это нравилось. С тех пор он всегда старался оставаться Джааном Викари, хотя это довольно трудно после того, как мы вернулись на Верхний Кавалаан. Для кавалаанцев он всегда был Джаантони.

– А откуда взялись все остальные имена? – спросил Дерк помимо своей воли. Рассказ Гвен проливал новый свет на кое-что из того, что он услышал утром от Джаана Викари.

– Когда мы поженились, он вернулся со мной в Сообщество Айронджейд и стал членом элиты, автоматически войдя в Верховный Совет. Это добавило к его имени слово «Высокородный» и дало право иметь частную собственность, независимую от рода, приносить священные жертвы богам и руководить своими кетами, родовыми братьями, в войнах. Таким образом он получил военное имя, своего рода звание, и религиозное имя. Когда-то эти имена были очень важны, но теперь они просто дань традиции.

– Ясно, – сказал Дерк, хотя и не понял всего. – Значит, кавалаанцам выгодно вступать в брак?

– Очень, – согласилась Гвен, снова становясь серьезной. – Когда на Авалоне Джаана стали называть Викари, он изменился. Он стал Викари, как бы гибридом своих кумиров, которые всю жизнь боролись с кавалаанскими предрассудками. Вот что могут делать имена, Дерк. Поэтому и у нас с тобой ничего не получилось. Я очень любила тебя. Да, я любила тебя, а ты любил Джинни.

– Ты была Джинни!

– И да, и нет. Для тебя я была Джинни, Гвиневера. Ты говорил это, повторяя снова и снова. Ты называл меня этими именами так же часто, как и Гвен, и ты был прав. Это были твои имена для меня. Не спорю, они мне нравились. Что я знала об именах? Джинни – довольно милое имя, а Гвиневера – это легенда. Вот и все, что я знала.

Но потом я поняла, хотя и не могла объяснить словами. Сложность заключалась в том, что ты любил Джинни, только Джинни не была мной. Возможно, в ней существовала какая-то часть меня, но Джинни – это фантом, созданный твоим воображением, твоим желанием, твоей мечтой. Ты подогнал ее образ под мой и любил нас обеих. Иногда я замечала, что превращаюсь в Джинни. Дай вещи имя – и она возникнет, будет существовать. Вся правда – в названии, а также вся ложь. Ложное имя может исказить действительность и ее образ.

Я хотела, чтобы ты любил меня, а не ее. Я была Гвен Дельвано и хотела быть самой лучшей Гвен Дельвано. Я не хотела быть Джинни, а ты старался меня ею сделать и не понимал этого. Поэтому я ушла, – закончила она холодным ровным голосом и с застывшим лицом снова отвернулась от него.

Наконец он понял. Целых семь лет он не имел ни малейшего представления о том, почему она покинула его. Теперь же все прояснилось. Для этого она и послала ему говорящий камень: не для того, чтобы вернуть его, а для того, чтобы объяснить ему наконец, почему она отказалась от него. И в этом был смысл. Его злость неожиданно растаяла, оставив чувство усталости и грусти. Невидящим взглядом он смотрел на холодный песок в ладонях.

Гвен взглянула на него, и ее голос смягчился.

– Прости, Дерк, – сказала она. – Но ты опять зовешь меня Джинни, и я должна была сказать тебе правду. Я ничего не забыла. Надеюсь, ты тоже. Я долго думала о наших отношениях. Все было хорошо, пока было хорошо. Я спрашивала себя снова и снова: «Почему стало плохо?» Мне было страшно, Дерк, в самом деле страшно. Я думала, что если у нас с Дерком ничего не получилось, значит, в мире нет ничего надежного, ничего, чему можно было бы верить. В страхе я прожила два года. В конце концов Джаан помог мне справиться с этим. С его помощью я нашла ответы на эти мучительные вопросы. Но ты должен знать.

– Я надеялся...

– Не надо, – прервала его Гвен. – Не начинай, Дерк. Не пытайся. Даже попытка может нас погубить.

Он вздохнул. Все пути были закрыты. За все время разговора он даже не дотронулся до нее. Он почувствовал свою беспомощность.

– Из всего сказанного я понял, что Джаан не называет тебя Джинни? – спросил он наконец с горькой усмешкой.

Гвен рассмеялась:

– Нет. Как у всякой кавалаанки, у меня есть тайное имя, и он называет меня этим именем. Но я приняла его, потому что оно – мое имя.

Дерк пожал плечами:

– Значит, ты счастлива?

Гвен встала и отряхнула песок с брюк.

– Мы с Джааном... Многое в наших отношениях трудно объяснить. Ты когда-то был моим другом, Дерк, может быть, моим лучшим другом. Не торопи события. Именно сейчас я нуждаюсь в друге. Я откровенна с Аркином. Он слушает меня и старается мне помочь, но

не может. Он слишком близко все принимает к сердцу, слишком предубежден против кавалаанцев и их культуры. У нас с Джааном и Гарсом есть свои сложности, если это то, о чем ты спрашиваешь. Но мне трудно говорить об этом. Дай мне время. Потерпи, если можешь. Будь мне снова другом.

Озеро, освещенное нескончаемым серо-красным рассветом, замерло в тишине. Дерк глядел в воду, где плавали темно-фиолетовые водоросли, и ему снова вспомнился канал на Браке. Значит, он все-таки нужен ей. Пусть не так, как ему того хотелось бы, но все же сохранилось что-то, что он мог ей дать. Дерк ухватился за эту мысль. Он хотел давать, ему это было нужно.

– Как тебе угодно, – сказал он, вставая. – Я многого не понимаю, Гвен, слишком многого. Мне кажется, что чуть ли не половина твоего рассказа о прошлом осталась мне непонятной, и я даже не знаю, о чем спрашивать. Но я постараюсь понять. Я знаю, что в долгу перед тобой.

– Ты будешь ждать?

– И слушать, когда придет время.

– Тогда я рада, что ты прилетел, – сказала она. Мне нужен друг, который мог бы посмотреть со стороны. Ты очень вовремя прилетел, Дерк. Мне повезло.

«Странно, – подумал Дерк, – она сама позвала меня, так при чем тут «везение»?» Но ничего не сказал вслух.

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь позволь мне показать тебе лес. В конце концов, мы для этого сюда прилетели.

Подхватив скутеры, они пошли прочь от тихого озера к зарослям замершего в ожидании леса. Дороги не было, но многочисленные тропинки разбегались во все стороны, а среди редкого подлеска шагалось легко. Ссутулившись и засунув руки в карманы, Дерк шел молча, внимательно глядя по сторонам. Говорила Гвен, хотя и немного. И говорила тихо, благоговейно, как ребенок в величавом соборе. Но чаще она молча показывала ему что-нибудь интересное.

Вокруг озера росли хорошо знакомые деревья, прежде он видел их много раз. Такой лес обычно называли «домашним». Человек брал лес с собой, вез от звезды к звезде, на все планеты, на которые ступала его нога. Основу леса составляли деревья Старой Земли, но не только. На каждой планете люди находили новых любимцев, растения, которые скоро становились такими же родными, как и выходцы с Земли. Когда космические корабли отправлялись дальше, они несли с собой саженцы деревьев новых планет вместе с правнуками растений Земли, и там, где селились люди, вырастал «домашний» лес.

Дерк и Гвен медленно шли сквозь лесную чащу, как на множестве других планет другие люди бродили по таким же лесам. И они знали названия деревьев: сахарный клен и огненный клен, падуб и настоящий дуб, серебряное дерево, ядовитая сосна, осина. Внешнепланетяне привезли их сюда за тем же, за чем их предки привезли эти деревья на Окраину, – чтобы придать домашний уют своему новому жилищу.

И все же здесь лес выглядел иначе.

Спустя некоторое время Дерк понял, что причиной тому непривычное освещение. Сочившееся с неба тускло-красное свечение заменяло на Уорлорне яркий дневной свет, и в этих сумерках лес тихо умирал в медленно текущем времени затянувшейся осени.

Он присмотрелся к деревьям и заметил, что сахарные клены сбросили листву. Они уже никогда не будут зелеными. Дубы тоже оголились. Дерк протянул руку, сорвал лист с огненного клена и увидел, что красные прожилки почернели. Крона серебряного дерева стала пыльно-серой.

Скоро появится гниль.

Кое-где гниение уже началось. Проходя по заросшей расщелине, где плодородный слой почвы был толще и чернее, чем в других местах, Дерк почувствовал запах. Он вопросительно посмотрел на Гвен. Она наклонилась, затем поднесла к его носу горсть черной массы. Дерк отвернулся.

– Раньше здесь расстилался ковер мха, – объяснила она с сожалением в голосе. – Его привезли сюда с самого Эшеллина. Еще год назад он был ярко-зеленым с алыми цветочками, а теперь все съела гниль.

Они углублялись в лес все дальше и дальше, уходя от озера и гряды гор. Солнца висели уже почти над головой: распухший в туманной дымке Толстый Черт, похожий на окровавленную луну, и неравномерно окружавшие его четыре маленьких, как звезды, желтых солнца. Уорлорн уходил от Колеса.

Дерк и Гвен шли уже более часа, вид леса вокруг них начал меняться – медленно, постепенно, почти незаметно для глаз Дерка знакомая растительность «домашнего» леса уступала место чему-то странному, невиданному и дикому. Появились высоченные черные деревья с серыми листьями, заросли гигантских колючек с красными концами веток, похожие на плакучие ивы деревья со свисающими ветвями серебристо-голубого цвета, огромные луковицы, испещренные темными пятнами. Гвен показывала ему каждое растение и называла его. Одно дерево стало появляться чаще других: очень высокое, с желтоватыми листьями и вошеним стволом, густо заросшим спутанными ветвями с множеством мелких веточек, которые делились на еще более мелкие, что придавало дереву вид башни-лабиринта.

– Душителю, – назвала дерево Гвен.

Скоро Дерк понял, почему оно так называлось. В глубине леса одно такое растение выросло рядом с королевским серебряным деревом, сплетая свои желтовато-вошение скрюченные ветви с его прямыми серебристо-серыми. Оно опутало своими корнями корни благородного дерева, стиснуло соперника в удушающем объятии. Теперь серебряное дерево едва виднелось, затерянное среди буйной листвы душителя.

– Родина душителей – Тобер, – пояснила Гвен. – Здесь они подавляют другие деревья так же, как и там. Мы могли бы предупредить тоберянцев, но их это не интересует. Все равно все леса здесь были обречены на гибель с самого начала. Даже душители погибнут, хотя и последними.

По мере их продвижения по лесу деревьев-захватчиков становилось все больше и больше, пока они не заполнили все видимое пространство. Лес стал гуще, темнее, тропинки уже. Они спотыкались о торчавшие из земли корни, над их головами ветви сплетались, как гигантские борцы в схватке. Там, где три или более душителей росли близко друг от друга, они превращались в огромный спутанный клубок, который приходилось обходить. Других растений почти не было видно, за исключением черных и фиолетовых грибов у подножия желтых душителей и свисавших с ветвей растений-паразитов.

Но в лесу водились звери.

Они мелькали в глубине зарослей душителей, переключаясь тонкими голосами. Наконец Дерк увидел одного из них. Зверек глядел на них из густой желтой листвы. Он неподвижно сидел на ветке прямо над их головами, крошечное тельце казалось прозрачным. Дерк коснулся плеча Гвен и кивком головы показал на животное.

Гвен, улынувшись, протянула руку и взяла существо. Когда она показала ладонь Дерку, он увидел на ней лишь пыль и труху.

– Где-то поблизости гнездо этих маленьких хищников. Их называют древесными привидениями. Они линяют четыре или пять раз, пока растут, и оставляют на ветках старую кожу, чтобы отпугивать других хищников. А вон и живой зверек, посмотри.

Дерк посмотрел в том направлении, куда она показывала, и успел заметить промелькнувшее крошечное желтое существо с острыми зубами и огромными коричневыми глазами.

– Они могут и летать, – сказала ему Гвен. – У них есть перепонки между передними и задними лапками, и с их помощью они перелетают с дерева на дерево. Древесные привидения охотятся стаями и могут осилить животное, превосходящее их по размерам раз в сто. Обычно они не нападают на человека, если только он не наткнется случайно на их гнездо.

Зверек исчез в лабиринте ветвей душителя, но краем глаза Дерк заметил еще одного. Он осмотрелся по сторонам. Прозрачные высохшие оболочки маленьких свирепых хищников населяли сумеречный лес, как зловещие призраки.

– Не эти ли существа так расстраивают Джанасека? – спросил он.

Гвен кивнула:

– Эти зверьки изрядно докучают жителям Кимдисса, откуда они родом, но здесь они попали в свою стихию. Окраской они сливаются с листвой душителей, вдобавок передвигаются в гуще ветвей быстрее всех других животных. Мы за ними долго наблюдали. Они едят все подряд и очень скоро уничтожили бы все живое и сами начали бы вымирать, но на это не хватит времени. Экран перестает действовать, скоро всю жизнь на планете убьет холод.

Она устало повела плечами и оперлась на низко растущую ветвь. Их комбинезоны давно уже приняли грязно-желтую окраску леса. Когда Гвен отвела рукой ветку дерева, рукав задрался, и Дерк увидел тусклое сияние браслета на фоне листвы душителей.

– Много здесь еще животных?

– Достаточно, – ответила она.

В красноватом свете дня серебро ее браслета казалось каким-то другим металлом.

– Не так много, конечно, как было раньше. Многие звери покинули «домашний» лес. Деревья в нем гибнут, а животные это чувствуют. Но деревья с внешних планет оказались более стойкими. Везде, где были высажены деревья Окраины, продолжается жизнь, во внешнепланетных лесах еще водятся животные. Довольно много видов. Душители, призрачные деревья, голубые вдовцы будут процветать до самого конца. И до наступления холодов давать приют всем обитателям – и старым, и новым.

Гвен лениво помахивала рукой, а блеск браслета притягивал взгляд Дерка, кричал ему в лицо. Он связывал, заставлял помнить – любовь, воплощенная в прочном союзе серебра и камня. А у него только крошечная слезинка, полная меркнущих воспоминаний.

Дерк посмотрел вдаль, поверх спутанных ветвей желтых душителей, туда, где на сумеречном небе висел Хеллей, скорее усталый и жалкий, чем злобно-сатанинский. Дрожь прошла по его телу.

– Пойдем обратно, – предложил он. – Это место нагоняет тоску.

Гвен не возражала. Они нашли прогалину среди зарослей душителей и развернули платформы скутеров. Поднявшись в воздух, полетели в сторону Лартейна. Им предстоял долгий путь.

Глава 3

Они снова летели над горами, и у Дерка на этот раз получалось лучше, но успех не улучшил его настроения. Большую часть утомительного пути они летели порознь, не разговаривая, Гвен держалась немного впереди. Позади них в небе неподвижно висело неполное Огненное Колесо. Дерку не удавалось настичь расплывчатый, казавшийся призрачным на фоне неба силуэт Гвен. Тоска умиравшего уорлорнского леса впиталась в его плоть, отравила чувства. Гвен казалась ему куклой в костюме, утратившем цвет, как он утратил надежды, ее черные волосы отливали неприятным маслянистым блеском в красном свете дня. Ветер шумел в ушах, мысли беспорядочно роились в сознании, и одна из них возвращалась снова и снова: она – не его Джинни и никогда ею не была.

Дважды в течение полета Дерк видел, или ему казалось, что видел, блеск браслета, который мучил его так же, как в лесу. Каждый раз он заставлял себя смотреть в другую сторону, на длинные темные полосы облаков, стремительно несшихся по небу.

Ни серого аэромобиля, ни зеленой военной машины не оказалось на месте, когда они опустились на крышу. Остался только желтый летательный аппарат Руарка. Дерк снова неуклюже шлепнулся, но на этот раз никто не рассмеялся. Скутеры они оставили на крыше. По дороге к лифту они обменялись несколькими незначущими словами, потом Гвен сразу же ушла к себе.

Аркин Руарк с нетерпением поджидал его в своих комнатах внизу. Дерк увидел кресло у светлой стены рядом со скульптурой и кимдисскими цветами в горшках и устало опустился в него, желая только одного: сидеть и ни о чем не думать. Но Руарк не оставил его в покое. Покашливая и потряхивая головой, так что приплясывали светлые волосы, он подошел к Дерку и сунул ему в руки высокий зеленый стакан. Тонкий хрусталь был совсем гладким, лишь узор тающего инея покрывал его снаружи. Дерк глотнул ледяное вино густо-зеленого цвета с привкусом ладана и корицы.

– Крайне усталый у вас вид, Дерк, – сказал кимдиссец после того, как взял свой стакан и плюхнулся в плетеное кресло под поникшими ветвями черного растения. Копьевидные листья цветка бросали пятна тени на его круглое улыбающееся лицо. Он с шумом отхлебнул глоток из своего стакана, и на какое-то мгновение Дерк почувствовал неприязнь к нему.

– Длинный день, – односложно ответил Дерк.

– Верно, – согласился Руарк. – День с кавалаанцами всегда тянется очень долго. Милой Гвен, Джаантони и этого Гарси достаточно, чтобы любой день превратился в вечность. Вам так не кажется?

Дерк промолчал.

– Теперь, – улыбаясь, продолжал Руарк, – вы сами убедились. Мне... я хотел, чтобы вы увидели. Прежде, чем я скажу вам. Я поклялся... да, дал клятву самому себе, что скажу. Гвен... она открылась мне. Мы говорили как друзья. Вы понимаете? Я знаком с ней и с Джаантони еще с Авалона. Но здесь мы сблизились. Ей трудно говорить об этом. Всегда. Но иногда она рассказывает мне, а я могу сказать вам. Не предавая ее. Я думаю, что вы понимаете.

Дерк ощущал холод в груди от выпитого вина, усталость исчезла. Ему показалось, что на какое-то время он погрузился в сон и прослушал все то, о чем говорил Руарк.

– О чем вы говорите? – спросил он. – Что я должен понимать?

– Почему вы нужны Гвен, – ответил Руарк. – Почему она послала вам... эту штуку. Красную слезу. Вы знаете. Я знаю. Она сказала мне.

Неожиданно Дерк встрепенулся. Слова Руарка и заинтересовали, и озадачили его.

– Она сказала вам... – заговорил он и остановился.

Гвен просила его подождать. Может быть, ему надо выслушать кимдисса, может быть, ей просто трудно сказать это самой. Руарк может знать. Он ее друг, единственный человек, с кем она могла поделиться.

– Вы должны каким-то образом помочь ей, Дерк т’Лариен. Я не знаю как.

– В чем помочь?

– Освободиться. Стать свободной.

Дерк поставил свой стакан и почесал в затылке:

– От кого?

– От них. От кавалаанцев.

Дерк нахмурился:

– Вы имеете в виду Джаана? Я познакомился с ним сегодня утром, с ним и с Джанасеком.

Она любит Джаана. Я вас не понимаю.

Руарк рассмеялся, отхлебнул из своего стакана и снова засмеялся. Он был одет в костюм с жилеткой в зелено-коричневую клетку, похожий на клоунский, и Дерку, который никак не мог вникнуть в его невразумительную речь, вдруг пришло в голову, что этот коротышка-эколог, может быть, просто дурачит его.

– Любит его, да? Она так и сказала? – продолжал Руарк. – Вы в этом уверены?

Дерк замешкался, пытаясь вспомнить, что говорила Гвен у тихого зеленого озера.

– Не уверен, – ответил он. – Но она говорила что-то в этом роде. Она ведь... как это называется?

– Бетейн? – подсказал Руарк.

Дерк кивнул:

– Да, бетейн, жена.

Руарк хихикнул:

– Крайне неверно. Я слушал в машине. Гвен объяснила неправильно. Все обстоит не совсем так, и вы не так поняли. Бетейн – не жена. Помните, что я сказал? «Часть правды – величайшая ложь». Помните? Как по-вашему, что означает слово «тейн»?

Вопрос озадачил Дерка. Тейн. Он слышал это слово на Уорлорне уже раз сто.

– Друг? – предположил он.

– Бетейн – больше жена, чем тейн – друг, – сказал Руарк. – Вам следует лучше знать внешние планеты, Дерк. Нет. «Бетейн» – это слово на старокавалаанском языке означает «женщина для мужчины», женщина, принадлежащая мужчине, привязанная к нему узами серебряно-жадеитового браслета. Теперь в таких отношениях, может быть, много уважения, может быть, даже любви, да. Но знаете, слово, обозначающее это чувство, заимствовано из языка Земли, а в старокавалаанском языке его не было. Интересно, да? Могли ли они любить, не имея слова для выражения этого чувства, мой друг т’Лариен?

Дерк не ответил. Руарк передернул плечами, отхлебнул вина и продолжал:

– Можете не отвечать, но подумайте об этом. Я говорил о серебре и жадеите... Да, бывает, что кавалаанцы, связанные ими, любят. Бетейн любит высокородного, высокородный иногда любит бетейн. Или она ему хотя бы нравится. Но не обязательно! Понимаете?

Дерк покачал головой.

– Семейные узы кавалаанцев являются обычаем и обязательством. Долгом, – настойчиво продолжал Руарк, наклонившись вперед. – Иногда случается, что позже приходит любовь. Они уважают насилие, как я уже говорил вам. Почитайте историю, послушайте их легенды. Гвен встретила с Джааном на Авалоне, вы знаете, и она их не читала. Недостаточно читала. Он был Джааном Викари с Верхнего Кавалаана. Что это такое? Какая-то планета. Она не знала. Их взаимная симпатия возростала – можете назвать это любовью, – они сблизилась, он предложил ей серебро и жадеит в своей собственной интерпретации, и вот она уже его бетейн, сама того не зная. Поймана в ловушку.

– Поймана? Каким образом?

– Почитайте историю! Насилие на Верхнем Кавалаане изжито, но их культура не изменилась. Гвен – бетейн Джаана Викари, принадлежащая ему женщина. Да, жена. Да, любовница. Но кое-что еще. Его собственность, рабыня – и это тоже, – а также подарок. Его подарок Сообществу Айронджейд. Благодаря ей он достиг высокого положения, да. Она должна рожать детей, если он ей прикажет, хочет она того или нет. Она также должна быть любовницей Гарса, хочет она того или нет. Если Джаан погибнет на дуэли с членом другого сообщества, Брейта или Редстила, Гвен перейдет к победителю как вещь, станет его бетейн или простой эйн-кети, если победитель уже носит браслет из серебра с жадеитом. Если Джаан умрет естественной смертью или на дуэли с членом своего сообщества, Гвен перейдет к Гарсу. Ее желание не имеет значения. Если она ненавидит его, никому нет дела. Кавалаанцев это не интересует. А когда умрет Гарс? Вот тогда она станет эйн-кети, предназначенной просто рожать и рожать детей. Ею может пользоваться любой кет, любой сородич. Сообщество Айронджейд – огромная семья, тысячи и тысячи соплеменников, и каждый сможет ее иметь. Как она назвала Джаана? Муж? Нет. Тюремщик – вот кто он на самом деле. Он и Гарс. Тюремщики. Может быть, любящие, если вы думаете, что они способны любить, как вы или я. Джаантони чтит нашу Гвен.

И это понятно. Как не чтить? Он теперь высокородный айронджейд, она – его бетейн, его подарок сообществу. А если она умрет или покинет его, он станет изгоем, посмешищем, лишится оружия, права голоса в Совете. Но он поработил ее, не испытывая к ней любви, а теперь, много лет спустя, она стала старше и умнее, теперь она это знает, – закончил Руарк скороговоркой на одном дыхании.

Дерк спросил в замешательстве:

– Значит, он не любит ее?

– Как вы любите принадлежащие вам вещи, так высокородный любит свою бетейн. Серебряно-жадеитовые узы очень крепки, их нельзя порвать, но это узы обязательств и обладания. Никакой любви. Если кавалаанцы вообще способны на любовь, то ее можно найти в отношениях с выбранным братом. Он и защитник, и родственная душа, любовник и соратник в войне, истинно преданный друг, источник удовольствия и утешитель. Они связаны пожизненно нерушимыми узами.

– Тейн, – пробормотал Дерк, а мысли его уже унеслись в даль будущего.

– Тейн, – кивнул Руарк. – Несмотря на свою природную жестокость, кавалаанцы создали прекрасную поэзию. Так вот, большинство стихов прославляют тейна. Тейна, который носит железный браслет со светящимся камнем. Ни одно не посвящено серебряно-жадеитовому союзу.

Все встало на свои места.

– Вы говорите, что она и Джаан не любят друг друга, – начал Дерк. – Гвен – его рабыня. И все же она его не покидает?

Круглое лицо Руарка покраснело.

– Не покидает? Крайняя чушь! Они ее поймают и вернут силой. Высокородный должен защищать свою бетейн и убить любого, кто попытается похитить ее.

– И она послала мне говорящий камень...

– Гвен сказала мне, я знаю. Ей не на кого больше надеяться. Кавалаанцы? Джаантони уже дважды убивал на дуэлях. Ни один кавалаанец не посмеет прикоснуться к ней. И что толку, если и посмеет? Я? Можно надеяться на мою помощь? – В этот момент на круглом лице кимдисса появилось выражение презрения к самому себе. – Именно вы, т'Лариен. Вы надежда Гвен. Вы в долгу перед ней. Вы тот, кто ее любил.

Дерк услышал свой голос, звучавший откуда-то издали.

– Я все еще ее люблю, – сказал он.

– Да? Я думаю, вы знаете, что Гвен... хотя она сама никогда не скажет, все же я думаю... она тоже... Как прежде. Чувства, каких она никогда не испытывала к Джаантони Рив Вулфу Высокородному Айронджейду Викари.

Зеленое вино оказалось гораздо крепче, чем он ожидал. Только один стакан, единственный высокий стакан, а комната кружилась, и ему приходилось прилагать усилия для того, чтобы сидеть прямо. Дерк т'Лариен думал. Сначала ему казалось, что в речах Руарка нет никакого смысла, потом смысла стало слишком много. Он объяснил все. Дерк понял, теперь он знает, что делать. Или ему это только кажется? Комната качалась, погружалась во тьму, затем снова светлела, опять темнела и опять светлела. Дерк ощущал то уверенность, то сомнение. Что он должен сделать? Что-то... что-то для Гвен. Он должен докопаться до сути вещей, и тогда...

Он поднес руку ко лбу и ощутил капельки пота под спутанными волосами. Руарк замер, на его лице появилось выражение тревоги.

– Ох! – воскликнул кимдиссец. – Вам стало плохо от вина! Крайне глупо с моей стороны! Я виноват. Внешнепланетное вино и авалонский желудок, да. Еда поможет. Вы знаете, еда.

Он поспешил из комнаты, зацепив по дороге цветок в горшке. Черные стреловидные листья еще долго покачивались.

Дерк сидел очень спокойно. Где-то далеко он слышал звяканье тарелок и кастрюль, но не обращал на это внимания. В задумчивости он сморщил усеянный капельками пота лоб, пытаясь сосредоточиться, но это оказалось на удивление трудно. Смысл ускользал от него, и даже то, что казалось понятным, расплывалось в затуманенном сознании. Мечты пробуждались к жизни по мере того, как в его воображении гибли деревья-душители. Он может осуществить это, пробудить день, положить конец долгому бесконечному закату и получить обратно свою Джинни, свою Гвиневеру, и она всегда будет рядом с ним. Да, да!

Когда Руарк вернулся с мягким сыром, красными клубнями и горячим мясом, Дерк выглядел уже спокойнее и увереннее. Он взял тарелку и начал медленно жевать, почти не слушая болтовню своего хозяина. Он встретится с кавалаанцами за завтраком, поговорит с ними. Постарается выяснить, что сможет. Затем он будет действовать. Завтра.

– ...я не хотел вас обидеть, – говорил Викари. – Вы неглупый человек, Лоримаар, но в данном случае мне ваше поведение кажется неразумным.

Дерк замер на пороге, тяжелая деревянная дверь, которую он толкнул не задумываясь, широко распахнулась. Они повернули головы в его сторону и смотрели на него четырьмя парами глаз. Последним повернулся Викари, после того как закончил фразу. Гвен пригласила Дерка на завтрак накануне вечером (его одного, так как Руарк и кавалаанцы старались избегать встреч, когда это было возможно), и время было вполне подходящим – недавно взошло солнце. Но он увидел в комнате совсем не то, что ожидал.

Их было четверо в огромной гулкой гостиной. Гвен, непричесанная, с заспанными глазами, сидела на покрытой кожей деревянной кушетке перед камином, который по-прежнему охраняли фантастические чудовища. Гарс Джанасек возвышался за ее спиной, скрестив на груди руки, а Викари и незнакомец стояли друг против друга у камина. Все трое мужчин имели при себе оружие. На Джанасеке были брюки с крагами и рубашка из мягкой темно-серой ткани с высоким воротником и двумя рядами черных железных пуговиц. Более короткий правый рукав его рубашки открывал взору массивный железный браслет, на котором слабо светились камни. Одежда Викари тоже была серого цвета, но глубокий вырез рубашки без пуговиц доходил почти до пояса, и на его темной волосатой груди виднелся жадеитовый медальон на железной цепочке.

Незнакомец первым заговорил с Дерком. Он стоял спиной к двери, но обернулся вслед за остальными и нахмурился. Будучи на целую голову выше и Викари, и Джанасека, он казался гигантом по сравнению с Дерком даже на расстоянии нескольких метров. Темноту его загара

подчеркивала молочная белизна костюма, видневшегося из-под короткого фиолетового плаща. Серые волосы с белыми прядями спускались до плеч, обсидианово-черные глаза на загорелом лице, изборожденном морщинами, смотрели враждебно. Так же прозвучал его голос, когда он, окинув Дерка взглядом, сказал лишь одно слово:

– Вон!

– Что? – переспросил Дерк, отдавая себе отчет, что более глупую реплику и нарочно не придумаешь.

– Я сказал, уходи, – повторил гигант в белом. Как и у Викари, засученные рукава открывали для обозрения два почти одинаковых по форме браслета: серебряный с жадеитами на левой руке и железный с глоустоунами на правой. Но пистолет на боку был словно близнецом оружия двух других кавалаанцев.

Викари сложил руки на груди так же, как Джанасек.

– Это мой дом, Лоримаар Высокородный Брейт. Вы не имеете права так разговаривать с человеком, пришедшим по моему приглашению.

– По приглашению, которого сами вы не получали, – добавил Джанасек с ядовитой усмешкой.

Викари повернулся к своему тейну и резко покачал головой. Дерк понял, что этот жест означал запрет, но что он запрещал?

– Я пришел к вам с серьезным поводом для недовольства, Джаантони Высокородный Айронджейд, я пришел для важного разговора, – пророкотал кавалаанец в белой одежде. – Разве должны мы выяснять наши отношения перед чужаком? – Он снова хмуро посмотрел на Дерка. – Да еще, как я вижу, оборотнем.

Ответ Викари прозвучал спокойно, но строго:

– Мы уже обо всем договорились, друг. Вы слышали мой ответ. Моя бетейн находится под моей защитой, а также и кимдиссец, и этот человек. – Он махнул рукой в сторону Дерка, затем снова сложил руки на груди. – И если вам нужен один из них, будьте готовы взять и меня.

– К тому же он не оборотень, – с улыбкой вмешался худощавый рыжебородый Джанасек. – Это Дерк т'Лариен, корариел Сообщества Айронджейд, нравится вам это или нет. – Джанасек повернулся к Дерку и указал на незнакомца в белом:

– Т'Лариен, это – Лоримаар Рельн Винтерфокс Высокородный Брейт Аркеллор.

– Наш сосед, – впервые за все время разговора произнесла Гвен. – Он тоже живет в Лартейне.

– Далеко от вас, айронджейды, – отозвался пришелец недовольным голосом. Глубокие складки залегли на его лице между нахмуренными бровями, черные глаза смотрели с холодной злобой на всех по очереди, пока не остановились на Викари.

– Вы моложе меня, Джаантони Высокородный Айронджейд, а ваш тейн еще моложе, и я не хотел бы встретиться с вами на дуэли. Но существуют правила, вы их знаете не хуже меня, и никто из нас не должен заходить слишком далеко. Высокородная молодежь часто приближается к черте риска слишком близко. Как я замечаю, особенно часто это делают высокородные айронджейды, и...

– И я чаще всех других высокородных айронджейдов, – закончил за него Викари.

Аркеллор покачал головой:

– Однажды, когда я был еще несмышленным младенцем рода Брейт, у нас произошла дуэль из-за того, что один прервал речь другого, как вы только что поступили со мной. Действительно, все меняется. Мужчины Верхнего Кавалаана размягчаются на моих глазах.

– Вы считаете меня мягким? – спокойно спросил Викари.

– И да, и нет, Высокородный Айронджейд. Вы – странный. В вас есть крепость, никто не отрицает, и это хорошо, но на Авалоне вы пропитались духом оборотней, что делает вас временами слабее и глупее. Мне не нравится ваша шлюха-бетейн, и мне не нравятся ваши

«друзья». Будь я помоложе, я пришел бы к вам в гневе и заставил бы вас вспомнить мудрость рода, которую вы с такой легкостью позабыли.

– Значит ли это, что вы вызываете нас на дуэль? – спросил Джанасек. – Вы говорите слишком резко.

Викари развел сложенные на груди руки и жестом остановил его:

– Нет, Гарс. Лоримаар Высокородный Брейт не вызывает нас на дуэль, не правда ли, высокородный друг?

Аркеллор молчал на несколько секунд дольше, чем требовалось.

– Нет, – сказал он. – Нет, Джаантони Высокородный Айронджейд. Оскорбление не подразумевалось.

– Оскорбление не имело места, – ответил Викари, улыбаясь.

Высокородный Брейт не улыбался.

– Очень хорошо, – сказал он с сожалением в голосе.

Широко шагая, он направился к двери, лишь на секунду остановившись перед Дерком, чтобы дать тому возможность поспешно отступить, и, миновав дверь, направился к лестнице. Дверь закрылась за ним.

Дерк прошел в комнату. Джанасек, нахмутив брови и качая головой, вышел. Гвен поднялась, бледная и взволнованная. Викари шагнул навстречу Дерку.

– Жаль, что вы оказались свидетелем этой сцены, – сказал кавалаанец. – Но, может быть, она что-то прояснит для вас. Хотя, повторяю, мне очень жаль. Я не хочу, чтобы вы думали о Верхнем Кавалаане, как кимдиссец.

– Я ничего не понял, – сказал Дерк в то время, как Викари, положив руку ему на плечо, повел его в столовую, и Гвен последовала за ними. – О чем он говорил?

– Ах, о многом. Я вам все объясню, но прежде должен перед вами извиниться еще и за то, что обещанный завтрак до сих пор не готов и стол не накрыт. – Викари улыбнулся.

– Я могу подождать, – ответил Дерк, когда они вошли в столовую и сели. Гвен расстроено молчала.

– Как Гарс назвал меня? – спросил Дерк. – Кора... не помню, как дальше. Что означает это слово?

Викари замялся, потом ответил:

– Он сказал «корариел». Это старокавалаанское слово. Его значения менялись на протяжении столетий. Теперь здесь, когда его произносим мы с Гарсом, оно означает «охраняемый». Охраняемый нами, охраняемый Сообществом Айронджейд.

– Это тебе хотелось бы, чтобы оно имело такое значение, Джаан, – сердито перебила его Гвен. – Объясни ему настоящий смысл слова.

Дерк ждал. Викари, скрестив руки, переводил взгляд с одного на другого.

– Хорошо, Гвен, как ты хочешь. – Он повернулся к Дерку. – Полное старое значение слова – «охраняемая собственность». Я хотел бы надеяться, что вас это не обидит. В нем нет ничего оскорбительного. «Корариел» обозначает человека, не являющегося членом рода, но охраняемого и ценимого.

Дерк вспомнил все то, что говорил ему Руарк накануне вечером. Каждое слово кимдиссца запечатлелось в его затуманенном зеленым вином сознании. Он почувствовал, как гнев закипает в его душе, и постарался успокоить себя.

– Я не привык быть чьей-то собственностью, – произнес он с горечью в голосе. – Пусть даже и дорогой. Но от кого вы собираетесь меня охранять?

– От Лоримаара и его тейна Саанела, – ответил Викари. Он наклонился над столом и, взяв руку Дерка, крепко ее сжал. – Возможно, Гарс употребил это старое слово необдуманно, т'Лариен. Но в тот момент оно казалось ему правильным, так как предназначалось человеку с устаревшими взглядами. Оно неверно, я это понимаю. Неверно потому, что было применено

к вам, человеку, личности. Лоримаар Высокородный Брейт мало что понимает, кроме таких слов. Если слово «корариел» огорчило вас столь же сильно, как, насколько я знаю, оно огорчает Гвен, то я приношу вам свои глубочайшие извинения за то, что мой тейн употребил его.

– Хорошо, – согласился Дерк, стараясь быть благоразумным. – Я благодарю вас за принесенные извинения, но этого недостаточно. Мне все еще непонятно, что происходит. Кто такой Лоримаар? Что ему надо? И почему меня надо от него защищать?

Викари вздохнул и отпустил руку Дерка.

– Мне очень трудно ответить на все ваши вопросы. Сначала я должен рассказать вам нашу историю, то малое, что я о ней знаю, и то многое, о чем догадываюсь.

Он повернулся к Гвен со словами:

– Мы можем разговаривать за едой, если никто не возражает. Ты принесешь завтрак?

Она кивнула и вышла из комнаты, вернувшись через несколько минут с большим подносом, тяжело нагруженным ломтиками черного хлеба, кусочками сыра трех сортов и сваренными вкрутую яйцами в ярко-синей скорлупе. И, конечно, пиво. Викари наклонился вперед, поставив локти на стол, и, пока другие ели, рассказывал:

– Верхний Кавалаан был дикой планетой, самой старой, не считая Забытой Колонии. Вся ее история – это история войн, к сожалению, большей частью состоящая из выдумок и легенд, полных приукрашивающей лжи. И все же люди им верили вплоть до той поры, когда после окончания периода Смутного Времени на планету снова начали прибывать космические корабли.

В Сообществе Айронджейд, например, мальчиков учили тому, что Вселенная состоит из тридцати звезд, а Верхний Кавалаан является ее центром, в котором и зародилось человечество. От союза вулкана и грозы родились Кей Айрон-Смит и его тейн Роланд Вулф-Джейд. Во время извержения вулкана они появились на свет, полный демонов и чудовищ, и многие годы провели в окрестностях вулкана, претерпев множество приключений. В конце концов они нашли в горе глубокую пещеру и в ней обнаружили двенадцать женщин, первых женщин в мире. Женщины боялись демонов и не выходили наружу. Тогда Кей и Роланд остались в пещере, поделив женщин между собой, сделав их своими эйн-кети. Пещера стала их жилищем, и женщины родили им многих сыновей, и таким образом возникла кавалаанская цивилизация.

Путь кавалаанцев был тяжел. Мальчики, рожденные эйн-кети, унаследовали вспыльчивый характер и сильную волю Кея и Роланда. Они часто ссорились. Один из сыновей, дьявольски хитрый Джон Коал-Блэк, повадился убивать кетов, своих родовых братьев, из зависти, что он не мог охотиться так же хорошо, как они. Надеясь завладеть их силой и умением, он начал поедать их тела. Однажды Роланд застал его за таким пиршеством и погнался за ребенком по горам, стегая его огромным цепом. Джон не вернулся к айронджейдам, создал себе жилище в угольной шахте и основал свой собственный род, взяв в тейны демона. Так появился людоедский род Глубоких Угольных Шахт.

Другие роды были основаны таким же образом, только других мятежников айронджейдская история описывает в более благоприятном свете. Нелегко было ужиться с Роландом и Кеем. Шан Меченосец, например, хороший, крепкий парень, бежал со своим тейном и своей бетейн после жестокой битвы с Кеем, который не хотел признавать его серебряно-жадеитовый союз, его бетейн. Шан стал основателем рода Шанагейт. Айронджейды признают его как истинно человеческий род, и всегда признавали. Так же обстоит дело с большинством крупных родов. На те же, которые вымерли, как, например, Глубокие Угольные Шахты, легенды возводят хулу.

Легенды относятся к очень древним временам и проливают свет на многое непонятное в истории. Один миф, например, рассказывает о непослушных детях. Первые айронджейды знали, что человеку лучше всего жить глубоко под землей, в пещере или шахте; только в такой каменной крепости он мог чувствовать себя в безопасности. Но те, кто появился позже, этому

не верили: их наивным глазам равнины казались открытыми и приветливыми. И они ушли вместе со своими эйн-кети и детьми и возвели на равнинах высокие города. И заплатились за это. Огонь упал с неба и разрушил их города, превратив в руины их высокие башни. Он сжигал все живое, заставляя спасшихся искать убежище под землей, куда не мог добраться. И когда их эйн-кети родили детей, дети оказались демонами, не людьми. Случалось, они прогрызали себе зубами выход из материнского чрева.

Викари замолчал и отхлебнул из кружки. Дерк почти закончил завтрак. Нахмурившись, он катал по тарелке крошки сыра.

– Все это очень впечатляет, – сказал Дерк, – но, боюсь, пока я не вижу никакой связи.

Викари снова отпил из кружки и откусил большой кусок сыра.

– Наберитесь терпения, – сказал он.

– Дерк, – сухо обратилась к нему Гвен, – истории четырех сохранившихся родов-обществ отличаются друг от друга многими деталями, каждая упоминает два крупных события – веки кавалаанской мифологии. Каждый род имеет свою версию рассказа о гибели городов, и то время называют Годами Огня и Демонов. А более поздние события – Страшный Мор – передаются почти слово в слово в каждом роде.

– Верно, – подтвердил Викари. – И эти легенды были единственными источниками, из которых я мог черпать сведения для работы. Ко времени моего рождения уже ни один здраво-мыслящий кавалаанец не верил в них.

Гвен вежливо кашлянула.

Викари взглянул на нее и улыбнулся.

– Гвен поправила меня, – сказал он. – Вернее, почти ни один.

Он продолжал:

– Но никакой другой истории, в которую можно было бы верить, не существовало. Большинство людей это мало заботило. Когда возобновились космические полеты, на Верхний Кавалаан прилетели корабли с Вулфхейма, Тобера, позже с Кимдисса. Кавалаанцы хотели учиться, овладеть утраченными технологиями, и их учили в обмен на драгоценные камни и тяжелые металлы. Вскоре у нас появились собственные космические корабли, но по-прежнему не было истории.

Он улыбнулся:

– Новые сведения о нашей истории я собрал во время работы на Авалоне. И факты, хотя их было и немного, оказались очень важными. Я обнаружил сообщения о первоначальном заселении Верхнего Кавалаана, затерянные в грандиозных банках данных Академии.

Это произошло в поздний период Двойной Войны. Группа беженцев отправилась с Тары на одну из планет за Покровом Искусителя в надежде найти там убежище от хрангов и их рабов, нечеловеческих существ с захваченных хрангами планет. Компьютеры зафиксировали это событие. Беженцы нашли планету, суровую и странную, но богатую. Очень быстро они создали колонию с высоким технологическим уровнем, ориентированную главным образом на добычу полезных ископаемых. Сохранились сведения о том, что в течение двадцати лет между новой колонией и Тарой шла оживленная торговля, но потом планета за Покровом неожиданно исчезла из человеческой истории. Тара этого почти не заметила – шли тяжелейшие годы войны.

– И вы думаете, что та планета была Верхним Кавалааном? – спросил Дерк.

– Это признанный факт, – ответил Викари. – Совпадают координаты и другие важные детали. Например, колония называлась Кавана. И что самое интересное, руководила первой экспедицией на эту планету женщина, капитан Кей Смит.

При этих словах Гвен улыбнулась.

– Совершенно случайно я обнаружил еще кое-что, – продолжал Викари. – Вы, должно быть, помните, что большинство внешних планет не принимали участия в Двойной Войне. Окраинные цивилизации зародились в период Крушения или сразу после него. Ни один кавалаанец

лаанец никогда не видел хрангов и тем более их рабов-воинов. И я не видел до тех пор, пока не попал на Авалон и не увлекся общечеловеческой историей. Когда я изучал материалы об одном из конфликтов в Межпланетье, мне посчастливилось найти изображения полуразумных рабов-воинов, которых хранги посылали как ударные войска на планеты, которые сами хранги не собирались колонизировать в ближайшее время. Несомненно, будучи человеком Межпланетья, вы знаете, что это за существа: ночные хрууны, воины с планеты с сильным притяжением, обладающие небывалой силой и жестокостью, которые видят в темноте, летающие ящеры, похожие на земных динозавров, и гитянки, самые страшные из всех полуразумных существ, психовампир с мощнейшими псионическими способностями.

Дерк кивнул:

– Хруунов я видел пару раз в путешествиях. Другие виды почти вымерли, не так ли?

– Возможно, – согласился Викари. – Я долго рассматривал их изображения и возвращался к ним снова и снова. Что-то в них было такое, что не давало мне покоя. Наконец я понял, что все они – и хрууны, и летающие ящеры, и гитянки – имели явное сходство с нашими скульптурами: фантастическими существами, украшающими каждый кавалаанский дом. Они были демонами наших мифов, Дерк!

Викари встал и начал медленно прохаживаться по комнате, продолжая рассказ спокойным ровным голосом. Лишь ходьба выдавала его волнение.

– Когда мы с Гвен вернулись на Верхний Кавалаан, я выдвинул свою теорию, основанную на старых легендах, на «Песнях о Демонах» нашего великого поэта-путешественника Джеймис-Лайона Таала и на данных банков Академии. Вдумайтесь в совпадения: города Каваны располагались на обширной равнине, в некотором отдалении от них шли горные разработки. Хранги атомными бомбардировками сровняли города с лицом земли. Те, которым удалось спастись, поселились в подземных укрытиях, шахтах, в лесах. Чтобы захватить планету, хранги высадили на ней отряды рабов-воинов, а сами улетели и сто лет не возвращались. Шахты стали первыми поселениями родов, другие были построены позже, вырублены глубоко в скалах. Городов более не существовало, а жители подземелий вернулись к низкому технологическому уровню. Сложилась суровая культура, ориентированная на выживание. Бесконечные поколения кавалаанцев воевали с рабами-воинами и друг с другом. В то же время в радиоактивных руинах городов появились мутанты людей...

Дерк встал.

– Джаан, – перебил он говорящего.

Викари перестал шагать и повернул к нему нахмуренное лицо.

– Я был чертовски терпеливым, – сказал Дерк. – Я понимаю, что все это представляет для вас огромный интерес. Это ваша работа. Но мне нужны ответы на мои вопросы, и нужны они мне сейчас.

Он поднял руку и, задавая вопросы, поочередно загибал пальцы.

– Кто такой Лоримаар? Чего он хочет? И почему меня нужно защищать от него?

Гвен тоже встала.

– Дерк, – заговорила она. – Джаан как раз дает тебе необходимые для понимания объяснения, не будь таким...

– Нет, – остановил ее Викари взмахом руки. – Нет, т'Лариен прав. Я слишком увлекаюсь, когда говорю на эту тему.

Обращаясь к Дерку, он сказал:

– Раз вы настаиваете, я отвечу на ваши вопросы прямо. Лоримаар рьяно придерживается традиций. Настолько рьяно, что даже на Верхнем Кавалаане не находит себе места. Он пережиток прошлого. Помните вчерашнее утро, когда я вручил вам булавку с просьбой носить ее и мы с Гарсом еще беспокоились о вашей безопасности в темное время суток?

Дерк кивнул. Он нащупал маленькую булавку, приколотую к воротнику.

– Да.

– Лоримаар Высокородный Брейт и ему подобные – вот что нас заботит. Но объяснить это непросто.

– Позволь мне, – вмешалась Гвен. – Слушай, Дерк. Родовые сообщества Кавалаана, их люди уважали друг друга на протяжении столетий. Да, они и сражались, и воевали друг с другом. Двадцать с лишним родов были полностью истреблены. До наших дней сохранились только четыре крупнейших. И все же они считают друг друга людьми, достойными Великих Войн и дуэлей чести. Но, понимаешь, были и другие люди, которые уединились в горах, в подземельях разрушенных городов, люди, которые возделывали землю. Это только предположения, мои и Джаана, но, видимо, они действительно существовали. Члены родовых сообществ, жившие в рудниках и шахтах, не признавали людьми тех, кто жил снаружи. Джаан упустил кое-что в своем рассказе, пойми... О, пожалуйста, не раздражайся так! Я понимаю, что рассказ был долгим, но он очень важен. Помнишь, что говорилось о сходстве поработанных хранилищами существ с тремя видами демонов кавалаанских мифов? Проблема заключается в том, что существовало три вида рабов и четыре вида демонов. И самыми ужасными из всех были оборотни.

Дерк нахмурился.

– Оборотни. Лоримаар назвал меня оборотнем. Я подумал, что это слово имеет значение «не-мужчина» или что-то в этом роде.

– Нет, – сказала Гвен. – «Не-мужчина» говорят везде, а «оборотень» – слово, употребляемое только на Верхнем Кавалаане. Как говорят легенды, оборотни – хитрые обманщики, они могут принять любой облик, но чаще всего являются в образе людей, чтобы проникнуть в человеческие поселения. Приняв образ человека, они могут незаметно поражать и убивать.

Спасшиеся фермеры, жители гор, мутанты и другие несчастные люди Каваны считались оборотнями. Они были обречены на уничтожение, к ним не применялись правила Великой Войны. Кавалаанцы убивали их, не считая людьми. Они были враждебными животными. Спустя столетия на немногих оставшихся в живых, начали охотиться ради спортивного интереса. И охотники всегда отправлялись вдвоем, тейн с тейном, чтобы один мог по возвращении с охоты подтвердить, что другой – человек.

Дерк был поражен:

– И это продолжается до сих пор?

Гвен пожала плечами:

– Редко. Современные кавалаанцы признали свои исторические ошибки. Еще до прибытия космических кораблей Сообщество Айронджейд и Редстил, самые прогрессивные родовые объединения, запретили охоту на оборотней. У охотников сложился обычай: если они не убили оборотня сразу по каким-либо причинам, но хотели сохранить его живым как свою личную добычу, они называли пойманного своим корариелом, и никто не имел права тронуть его под страхом дуэли. Кеты Айронджейда и Редстила собрали в лесах и горах всех оборотней, каких смогли найти, поселили их в деревнях и старались помочь им выйти из дикарского состояния. Всех, кого им удавалось найти, они называли корариелами. Из-за них произошла война между Айронджейдом и Шанагейтом. Айронджейд победил. Тогда слово «корариел» приобрело новое значение – охраняемая собственность.

– А Лоримаар? При чем здесь он? – удивился Дерк.

Она зло усмехнулась, на мгновение напомнив ему Джанасека.

– В любой стране есть твердолобые консерваторы, фанатики, фундаменталисты. Брейт – самое консервативное сообщество. Примерно десятая часть всего населения Кавалаана, по подсчетам Джаана, все еще верит в оборотней. В основном это охотники, которые хотят верить, и почти все они из Брейта. Лоримаар, его тейн и другие кеты сидят здесь ради охоты. «Дичь» здесь разнообразнее, чем на Верхнем Кавалаане, и нет никаких законов. Фестивальные торже-

ства закончились давным-давно. Лоримаар может убить любое существо по своему усмотрению.

– Включая людей, – добавил Дерк.

– Если найдет, – ответила Гвен. – В Лартейне живут двадцать человек, двадцать один с тобой. Мы, поэт по имени Кирак Редстил Кавис, живущий в смотровой башне, двое легальных охотников из Шанагейта, остальные – брейты, которые охотятся на оборотней, а если их нет, то на другую дичь. В основном это люди старше Джаана на целое поколение, очень кровожадные. Все, что они знают о древней охоте, – это легенды, рассказы сородичей, и, может быть, на счету у каждого одно-два запрещенных убийства в Ламераанских Холмах. Все они готовы взорваться от амбиций и разочарования.

Гвен улыбнулась.

– И это продолжается? Никто ничего не делает, чтобы их остановить?

Джаан Викари скрестил руки.

– Я должен признаться вам, т'Лариен, – серьезно сказал он. – Мы солгали вам в ответ на ваш вопрос о том, почему мы находимся здесь. Я вас обманул. Гарс по крайней мере сказал часть правды: мы должны охранять Гвен. Она – не внешнепланетянка, не кавалаанка, и брейты с радостью убили бы ее, как оборотня, если бы не защита Айронджейда.

Однако мы здесь не только за этим. Мне нужно было покинуть Верхний Кавалаан. Когда я принял имя высокородного и обнаружил теории, я стал влиятельным и уважаемым членом Верховного Совета, но многие возненавидели меня. Верующие восприняли как личное оскорбление утверждение, что Кей Айрон-Смит была женщиной. Только за это меня шесть раз вызывали на дуэль. В последней дуэли Гарс убил человека, а я ранил его тейна так тяжело, что он уже никогда больше не сможет ходить. Я не мог допустить, чтобы такое продолжалось. Полагая, что на Уорлорне нет врагов, я настоял, чтобы Совет Айронджейда отправил сюда Гвен работать над экологическим проектом.

В то же время я узнал, чем здесь занимается Лоримаар. Он уже добыл свой первый трофей, что стало известно в Брейте, а затем у нас. Мы с Гарсом решили положить этому конец. Положение крайне напряженное. Если кимдисцы узнают, что кавалаанцы снова охотятся на оборотней, они с радостью оповестят об этом весь внешнепланетный мир. Между Кимдиссом и Верхним Кавалааном и так мало любви – заметить нетрудно, и вы об этом уже знаете. Мы не боимся кимдисцев, которые проповедуют религию и философию ненасилия, как и эмерельцы. Но другие планеты Окраины... Вулфхейм изменчив и непредсказуем; Тобер может порвать наши торговые соглашения, если там узнают, что кавалаанцы охотятся на их замешкавшихся туристов. Даже Авалон, вероятно, отвернется от нас, если новость распространится дальше Покрова, и исключат нас из Академии. Этим нельзя рисковать. Лоримаар и его приятели не задумываются о последствиях, Советы сообществ ничего не могут сделать. Их власть не распространяется на эту планету. И только айронджейды проявляют какой-то интерес к событиям на умирающей планете, находящейся от них на расстоянии световых лет. Выходит, я и Гарс противостоим охотникам Брейта в одиночку.

До сих пор дело не дошло до открытого конфликта. Мы свободно перемещаемся по планете, посещаем города, отыскивая людей, оставшихся на Уорлорне. Тех, кого нам удастся найти, мы объявляем корариелами. Пока мы нашли только нескольких: одичавшего ребенка, потерявшегося во время Фестиваля, нескольких вульфхеймцев, засидевшихся в городе Хаапала, охотника с Тары. Каждому я дал опознавательный знак моей собственности, – он улыбнулся, – маленькую черную железную булавку в форме баньши. Это – предупреждение для охотника. Стоит только пальцем коснуться моего корариела, имеющего такую булавку, последует вызов на дуэль. Лоримаар может говорить что угодно, может гневаться сколько хочет, но он не пойдет на дуэль с нами. Для него это смерть.

– Понимаю, – сказал Дерк.

Он отстегнул от воротника маленькую железную булавку и положил ее на стол среди остатков завтрака.

– Она мне нравится, но я не собираюсь быть чьей-то собственностью. Я долгое время заботился о себе сам и могу делать это впредь.

Викари нахмурился.

– Гвен, – обратился он к ней, – может быть, ты убедишь его в том, что с ней безопаснее и...

– Нет, – резко ответила она. – Ты знаешь, Джаан, я ценю то, что ты стараешься сделать. Но я понимаю чувства Дерка. Я тоже не хочу быть охраняемой и отказываюсь быть собственностью, – решительно закончила она.

Викари окинул их беспомощным взглядом.

– Что ж, хорошо, – сказал он и взял булавку. – Я должен вам кое-что сказать, т'Лариен. Мы нашли больше людей, чем брейты, только потому, что искали в городах, а они, рабы старых обычаев, охотились в лесах. Там редко можно кого-нибудь встретить. До сих пор они не имели ни малейшего представления о наших с Гарсом занятиях. Но сегодня утром Лоримаар пришел ко мне, чтобы высказать свое недовольство по поводу вчерашнего происшествия. Он охотился со своим тейном, напал на «дичь», но добычи не получил. Выслеженная им «добыча» оказалась мужчиной, который летел над горами на скутере. – Он протянул булавку в виде баньши. – Без этого он лазером заставил бы вас спуститься, погонял по лесу, а потом убил. – Он положил булавку в карман, многозначительно посмотрел на Дерка и вышел.

Глава 4

– Мне очень жаль, что ты столкнулся с Лоримааром, – сказала Гвен после ухода Джаана. – Нет никакой надобности вовлекать тебя во все эти дела, и я хотела уберечь тебя от неприятных мелочей. Надеюсь, ты никому не расскажешь о том, что сегодня узнал, когда улетишь с Уорлорна. Пусть Джаан и Гарс разбираются с брейтами. В любом случае никто ничего не сможет сделать, а невинные люди на Верхнем Кавалаане будут опозорены. И, самое главное, не говори Аркину. Он и так презирает кавалаанцев и сразу умчится на Кимдисс.

Она встала.

– А сейчас, по-моему, лучше поговорить о чем-нибудь более приятном. У нас с тобой осталось не так уж много времени. Пока я могу быть твоим гидом, но скоро мне придется вернуться к работе. Так не позволим же мясникам-брейтам испортить нам оставшиеся несколько дней.

– Как хочешь, – согласился Дерк, желая угодить ей. На самом деле он никак не мог прийти в себя от встречи с Лоримааром и разговоров об оборотнях. – Есть определенные планы?

– Можно снова поехать в леса, – предложила Гвен. – Им нет ни конца, ни края, а чудес там видимо-невидимо: озера, полные рыбы размером с человека, насыпи выше этого здания, возведенные еле видимыми насекомыми. Огромная система пещер, которую Джаан нашел за горами – он ведь прирожденный знаток пещер. Но я считаю, что сегодня надо быть поосторожнее. Не стоит сыпать слишком много соли на раны Лоримаара. Иначе он со своим толстым тейном может устроить охоту на нас и вся затея Джаана потерпит крах. Лучше я покажу тебе города. В них есть свое очарование, какая-то мрачная красота. По словам Джаана, там Лоримаар еще не охотится.

– Хорошо, – согласился Дерк без энтузиазма в голосе.

Гвен быстро оделась, и они поднялись на крышу. Скутеры лежали там, где они их оставили накануне. Дерк нагнулся, чтобы поднять их, но Гвен взяла серебристые свертки и кинула их на заднее сиденье аэромобиля. Ботинки и аппараты управления последовали за ними.

– Сегодня скутеры нам не нужны, – пояснила она. – Мы полетим далеко.

Дерк кивнул в знак согласия, и они по крыльям взобрались в машину. Небо Уорлорна создавало ощущение, будто им уже пора было возвращаться домой, а не трогаться в путь. Ветер ревел вокруг аэромобиля. Дерк, взяв штурвал из рук Гвен, вел машину, пока она пыталась собрать в узел длинные черные волосы. Его темная с проседью шевелюра в беспорядке развевалась, но он настолько глубоко погрузился в свои мысли, что это ему нисколько не мешало. Он просто ничего не замечал.

Гвен вела машину на юг высоко над горами. По правую сторону безмятежно простирался Парк, среди его пологих, заросших травой холмов петляли реки, унося свои воды далеко к горизонту навстречу небу. Вдали, у подножия крутых гор начинался дикий лес. Даже с такой высоты были видны участки, захваченные душителями. Желтые метастазы пронизывали темную зелень.

Почти час они летели в полном молчании. Дерк целиком погрузился в свои мысли, безуспешно пытаясь соединить одно с другим, связать между собой разобщенные факты. Гвен посмотрела на него с улыбкой.

– Я люблю управлять аэромобилем, – сказала она. – Даже этим. В машине я себя чувствую легко и свободно, все проблемы отступают. Понимаешь, что я имею в виду?

Дерк кивнул:

– Да. Не от тебя первой я это слышу. Многие люди чувствуют то же самое, и я в том числе.

– Верно, – согласилась она. – Помнишь, как мы летали вместе на Авалоне? Однажды я провела за рулем весь день, от рассвета до заката, а ты молча сидел, высунув за окно руку, и только глядел вперед своим неизменным задумчивым взглядом. – Она опять улыбнулась.

Он помнил. Их давние путешествия были особенными. Они почти не разговаривали, только время от времени смотрели друг на друга, и каждый раз, когда их взгляды встречались, они улыбались. Это получалось непроизвольно: как бы ни старался он подавить улыбку, она все равно появлялась. Но теперь все, что было между ними, казалось ужасно далеким и безнадежно утраченным.

– Почему ты об этом вспомнила? – спросил он.

– Твой взгляд. Увидела, как ты сидишь, ссутулившись, в кресле, высунув руку наружу, и вспомнила. Ах, Дерк, ты ведь делаешь это нарочно. Чтобы напомнить мне Авалон. Чтобы я улыбнулась и захотела тебя обнять. Фу!

Они вместе рассмеялись.

Дерк, не думая, придвинулся к ней и положил руку ей на плечо. Она посмотрела на него, повела плечами и, расправив нахмуренный лоб, со вздохом покорности натянуто улыбнулась, но не отстранилась.

Полет продолжался.

Утренний город казался сверху картиной в пастельных тонах, заключенной в широкую раму долины. Гвен посадила аэромобиль в центре одной из ступенчатых площадей. В течение часа они бродили по широким бульварам. Выстроенный из светло-розового с прожилками мрамора и белого камня город выглядел приветливо. Вдоль широких извилистых улиц тянулись низкие легкие строения из полированного дерева, украшенные витражами. И улицы, и многочисленные скверы, и тенистые аллеи украшали статуи, картины, сады камней, скульптуры из живых деревьев. Тротуары и стены домов оживляли фрески.

Но теперь парки заросли, повсюду буйствовала сине-зеленая трава. Черные трещины змеились по тротуарам, плитки, окаймлявшие газоны, вылетели, могучие скульптуры из живых деревьев, разросшись, приняли такие диковинные очертания, какие их авторы, наверное, не могли себе и представить.

Спокойная голубая река пересекала город, много раз меняя направление, как и улицы вдоль ее берегов. Гвен и Дерк присели передохнуть у воды в тени ажурного пешеходного моста. Они смотрели на отражение Толстого Черта, лениво качавшееся в медленных водах реки, и Гвен рассказывала о том, каким был этот город во время Фестиваля. Построили его люди с Кимдисса и назвали свой новый город Двенадцатой Мечтой.

Может быть, город спал, и, если так, ему уже не суждено было проснуться. В пустых залах со сводчатыми потолками звучало гулкое эхо, сады превратились в темные заросли, обреченные на гибель. Там, где когда-то на улицах звучал смех, теперь слышался лишь шелест мертвых листьев, гонимых ветром. По сравнению с умиравшим Лартейном Двенадцатая Мечта казалась уже мертвым городом.

– Аркин хотел обосноваться здесь, – сказала Гвен. – Но мы не согласились. Все понимали, что поскольку мы должны работать вместе, то и жить лучше в одном городе, и Аркин хотел, чтобы мы поселились в Двенадцатой Мечте. Я не поддержала его, и он, наверное, никогда этого мне не простит. Кавалаанцы построили крепость, а кимдиссцы создали произведение искусства. Я знаю, что раньше он был еще красивее. После окончания Фестиваля лучшие здания были разобраны и увезены вместе с лучшими скульптурами с площадей города.

– Ты голосовала за Лартейн? – удивился Дерк. – За то, чтобы жить в нем?

Гвен тряхнула головой, волосы рассыпались по плечам. Она с улыбкой коснулась руки Дерка.

– Нет, – ответила она. – Джаан хотел этого и Гарс. А я... Я была против Двенадцатой Мечты. Боюсь, я не смогла бы здесь жить. В этом городе я чувствую себя так же, как Китс,

который сказал, что самую глубокую грусть вызывает гибель прекрасного. Помнишь? Джаан ни за что не согласился бы со мной, но этот город намного красивее Лартейна, поэтому печальнее. Кроме того, в Лартейне живут люди, пусть даже такие, как Лоримаар. Здесь же нет никого, кроме привидений.

Дерк посмотрел на воду, где огромный красный шар солнца медленно качался на ленивых волнах. И он почти видел призраков, о которых она говорила. Столпившись на берегу реки, они пели жалобную похоронную песнь, скорбя по всему, что давно утратили. Еще один призрак, его собственный – баржа с Брака, – плыл по реке. Рулевой отталкивался длинным черным шестом. Его черная лодка низко сидела в воде, пустота зияла внутри нее.

Дерк встал и поднял Гвен под предлогом того, что ему надоело сидеть. Они устремились прочь от призраков, обратно на площадь, где их ждал автомобиль.

И вот они снова в воздухе. Снова был ветер, небо, и Дерк снова погрузился в мысли. Гвен вела машину дальше на юг, затем повернула на восток. Дерк молчал, устремив вдаль задумчивый взгляд. Время от времени Гвен посматривала на него и невольно улыбалась.

Наконец они увидели море.

Город возвышался на изрезанном берегу залива, темно-зеленые волны которого, пенясь, разбивались о полуразрушенные причалы. Пока они кружили над городом, Гвен сказала Дерку, что назывался он Маскел-у-Моря. Что-то в нем напоминало древние города, хотя его построили одновременно с другими городами Уорлорна. Узкие улочки круто огибали покосившиеся разноцветные башни. Весь город был выстроен из кирпича всевозможных расцветок: голубого, красного, желтого, зеленого, оранжевого, кирпича разрисованного, полосатого, пятнистого кирпича, в беспорядке соединенного черным, как уголь, раствором или красным, как Черт над головой. Еще более яркими казались разрисованные тенты торговых палаток, которые тянулись вдоль беспорядочно проложенных улиц и одиноко торчали на безлюдных волноломах.

Они приземлились на одном из волнорезов, казавшемся прочнее других, и, послушав рокот прибоя, отправились бродить по городу. Повсюду царил запустение, все было покрыто слоем пыли. Над пустынными, открытыми всем ветрам улицами возвышались купола и башни покинутых зданий. Некогда сияющие краски померкли. Кирпичи крошились, а разноцветная пыль проникала повсюду, забивалась в горло. Маскел строили не очень прочно, и теперь он был мертв, как и Двенадцатая Мечта.

– Все это кажется очень примитивным, – нарушил молчание Дерк. Они стояли на перекрестке у глубокого колодца, выложенного камнем. В глубине его плескалась черная вода.

– Как будто создано в докосмическую эру. Судя по всему, у них допотопная культура. Похоже на Брак, только еще примитивнее. На Браке все-таки кое-что сохранилось из старых технологий, не запрещенных их религией. Но здесь, похоже, утрачено все.

Кивнув, она провела рукой по краю колодца. Пыль и мелкие камешки посыпались в его черный зев. На левой руке Гвен тускло блеснул браслет. Дерк вздрогнул и задумался в который уже раз: что он означает? Клеймо рабства – или знак любви? Но он постарался отвлечься от этих мучительных вопросов.

– У людей, которые строили Маскел, почти ничего не было, – рассказывала Гвен. – Они прилетели из Забытой Колонии, которую внешнепланетяне иногда именуют Землей Леты, но сами они называют свою планету только Землей. На Верхнем Кавалаане колонийцев называют Потерянным Народом. Кто они, как попали на свою планету, откуда?.. – Она улыбнулась и пожалала плечами. – Никто не знает. Тем не менее в Запокровье они прибыли раньше кавалаанцев и, возможно, даже раньше «Мао Цзедуна», который первым в истории человечества проник за Покров Искусителя. Старые кавалаанцы считают их оборотнями, хангскими демонами. Но они скрещиваются с людьми всех планет и производят человеческое потомство. Живут они замкнуто, не проявляя особого интереса к другим мирам. Их культура примерно на стадии Бронзового века, основное занятие – рыболовство.

– Удивительно, что они вообще сюда прилетели, – заметил Дерк. – Да еще не поленились выстроить город.

– О! – воскликнула она, улыбаясь и смахивая в колодец камешки, падавшие с легким всплеском. – Но города должны были строить все, все четырнадцать внешних планет. Это же была главная идея Фестиваля. Вулфхеймцы нашли Забытую Колонию несколько столетий назад. Они же вместе с тоберианцами и привезли сюда Потерянных Людей. Конечно, своих кораблей у них не было. Будучи рыбаками на своей планете, они и здесь стали рыболовами. Опять же вулфхеймцы вместе с людьми Планеты Темновинного Океана создали для них море. Маленькие темнокожие мужчины и женщины, обнаженные по пояс, ловили рыбу с маленьких лодочек плетеными сетями и жарили ее на огне. А поэты и уличные певцы веселили народ. Туристы толпами валили в Маскел. Всем хотелось послушать странные песни, поесть жареной рыбы, покататься на лодке. Но я не думаю, что Потерянные Люди очень уж любили свой город. За месяц до окончания Фестиваля их уже здесь не было. Они даже не разобрали палаток, и, если поискать, в домах можно найти оставленную одежду и утварь.

– Ты искала?

– Нет, но мне рассказывали. Кирак Редстил Кавис жил здесь одно время. Бродил по городу, написал о нем несколько песен.

Дерк посмотрел вокруг, но ничего интересного не увидел. Поблекшие кирпичи, пустые улицы, окна без стекол, смотревшие тысячами слепых глазниц, пестрые тенты, громко хлопавшие на ветру, – ничего больше.

– Еще один город призраков, – прокомментировал Дерк.

– Нет, – возразила Гвен. – Не думаю. Потерянные Люди не вкладывали душу ни в этот город, ни в эту планету. Их призраки вернулись на родину вместе с ними.

В тот момент город показался Дерку еще более пустым. Он поежился от странных слов, промелькнувших в его голове: «пустее пустоты».

– Лартейн – единственный жилой город? – спросил он.

– Нет, – ответила она, отворачиваясь от колодца. Они двинулись по узкой улочке к морю. – Теперь я покажу тебе обитаемый город, если хочешь. Пошли.

Снова поднявшись в воздух, они полетели дальше сквозь сгушавшуюся сумрачную дымку – большую часть дня они потратили на Маскел. Толстый Черт низко висел над западным горизонтом, одно из четырех желтых солнц уже исчезло из виду. Вечерние сумерки пришли на смену дневным.

На этот раз Дерк вел машину. Он нервничал. Гвен положила руку поверх его ладони и давала ему короткие указания. День почти прошел, а ему так много надо было сказать, о многом спросить, принять решение. Он еще ничего не сделал. Но он дал себе слово: скоро.

Двигатель аэромобиля еле слышно гудел, Дерк плавно вел машину, оставляя позади километры зыбкой тьмы. Гвен сказала, что обитаемый город находится на западе. Они летели точно на запад, навстречу закату.

Вечерний город представлял собой единственное здание серебристого цвета, основание которого находилось далеко внизу среди пологих холмов, а вершина на два километра возвышалась над облаками. Он словно весь состоял из света: его металлические, лишенные окон стены излучали пульсирующее сияние. Зарождаясь у самого основания выраставшей из скал гигантской иглы, волна света катилась по ней, поднимаясь все выше и выше, становясь ярче по мере сужения иглы. И вот, стремительно взлетев на головокружительную высоту, сияние достигает заоблачного кончика иглы и вспыхивает ослепительным блеском. В это время зарождались и катились ввысь одна за другой новые волны света.

– Челлендж, что значит «вызов», – произнесла Гвен название города, когда они к нему приблизились. – Это слово не просто имя – оно выражает намерение его строителей. Он был

сооружен урбанистами с Эмерела, чьи города представляют собой черные стальные башни, расположенные среди холмистых равнин. Каждый такой город является целым государством, и большинство эмерельцев никогда не покидают зданий, в которых они появились на свет (хотя те, кто покидал, становились самыми знаменитыми путешественниками во всей Вселенной). В серебристом Челлендже собрано все лучшее из эмерельских черных башен, только он в три раза выше и в два раза надменнее каждой из них. Питаемый термоядерной энергией, автоматизированный, компьютеризированный и самоподдерживающийся город-шпиль – воплощение археологической философии эмерельцев. Эмерельцы хвастливо заявили, что город бессмертен, что само его существование убедительно доказывает, что технологический уровень Окраины (во всяком случае, уровень Эмерела) ничуть не уступает достижениям Новоостровья и Авалона и даже самой Старой Земли.

На наружных стенах сооружения на разных уровнях виднелись черные поперечные щели – посадочные площадки. Дерк направил машину к одной из них, и ее темнота озарилась гостеприимным светом. Десятиметровой высоты пролета было вполне достаточно, чтобы без затруднения посадить аэромобиль на обширной посадочной площадке на сотом уровне.

Когда они выбирались из машины, откуда-то раздался низкий голос:

– Добро пожаловать. Я – Голос Челленджа. Позвольте мне оказать вам гостеприимство.

Дерк стал озираться вокруг, что рассмешило Гвен.

– Мозг города, – пояснила она. – Суперкомпьютер. Я говорила тебе, что жизнь в городе продолжается.

– Могу я оказать вам гостеприимство? – повторил голос.

– Возможно. – Дерк решил испытать его. – Возможно, мы голодны. Можете вы накормить нас?

Голос ничего не ответил, но в стене бесшумно открылась панель, откуда выехала низкая тележка с мягкими креслами. Они покатали по белоснежным коридорам, с бесконечными рядами дверей по обе стороны. Звучала негромкая мелодичная музыка. Дерк невзначай отметил про себя, что эта ослепительная белизна режет глаз после сумерек Уорлорна, и немедленно сияние сменилось мягким голубоватым светом.

Тележка с широкими шинами высадила их у ресторана, а робот-официант, голос которого звучал так же, как Голос города, предложил им меню. Блюды и вин в нем было великое множество: не только кухня Эмерела или внешних планет, но и кушанья всех разбросанных по галактике планет, населенных людьми. Среди них были яства, о которых Дерк никогда и не слышал. Они долго не могли решить, что выбрать, и наконец Дерк заказал джеймисонское блюдо – песчаного дракона, приготовленного в кипящем масле, а Гвен – синюю икру в сыре, блюдо Старого Посейдона.

Прозрачное белое вино робот принес в кубе льда, который расколол на их глазах. Напиток оказался жидким и достаточно холодным. Голос объяснил, что именно так его следует подавать. Обед был доставлен на подогретых тарелках из серебра и кости. Дерк взял со своей тарелки лапу с когтями, снял скорлупу и попробовал нежное белое мясо.

– Невероятно, – сказал он, кивая в сторону тарелки. – Я жил некоторое время на Джеймисоне. Джеймисонцы любят свежесваренных песчаных драконов, а этот такой же вкусный, как у них на планете. Их привезли сюда замороженными? Но какой же флот им тогда понадобился, чтобы доставить столько разной еды?

– Не замороженные, – услышал он ответ, но Гвен молчала, глядя на него ошеломленно.

Отвечал Голос:

– Задолго до Фестиваля с Эмерела отправилось в полет торговое судно «Голубая тарелка». Оно посетило великое множество планет, собрало образцы их лучших блюд и законсервировало. Тщательно спланированный полет занял сорок три стандартных года, четверо капитанов руководили многочисленной командой. Когда корабль прибыл на Уорлорн, на кух-

нях и в биотанках Челленджа образцы были вегетатированы и перевегетатированы в количестве, достаточном, чтобы накормить толпу. Таким образом, рыбу и хлеба размножил не какой-нибудь лжепророк, а ученые Эмерела.

– Это звучит слишком самодовольно, – засмеялась Гвен.

– Это просто запрограммированная речь, – сказал Дерк и, пожав плечами, начал есть. Гвен последовала его примеру. Они сидели в центре огромного ресторана, рассчитанного на сотни посетителей, но, кроме них, там никого не было, если не считать робота и Голоса. Несмотря на отсутствие посетителей, в зале царил безупречный порядок. Сервированные серебряными приборами столы, покрытые темно-красными скатертями, ждали гостей, которые не появлялись вот уже десять лет, но терпение Голоса и самого города было беспредельно.

Потом они пили кофе со сливками и специями, как в добрые старые времена на Авалоне, и Дерк чувствовал себя приятно расслабленным и довольным, может быть, впервые за все время пребывания на Уорлорне. Прекрасной работы серебряно-жадеитовый браслет красиво отсвечивал в приглушенном свете ресторана и уже не таил в себе никакой угрозы. И браслет, и Джаан Викари утратили свое значение теперь, когда он снова был рядом с ней. Гвен сидела напротив и потягивала кофе из белой фарфоровой чашки, мечтательно улыбаясь отсутствующей улыбкой. Она казалась близкой, совсем как Джинни, властительница говорящего камня, которую он когда-то знал и любил.

– Прекрасно, – удовлетворенно кивнул Дерк.

Гвен кивнула в ответ.

– Прекрасно, – согласилась она с улыбкой.

И душа Дерка рванулась навстречу ей, его Гвиневере с огромными зелеными глазами и длинными черными волосами, которой он тоже был дорог когда-то.

Он наклонился, разглядывая следы кофейной гущи, но не увидел никаких предзнаменований. Он должен поговорить с ней.

– Как замечательно мы провели этот вечер, – сказал он. – Почти как на Авалоне.

После того как она пробормотала что-то в знак согласия, Дерк продолжал:

– Может быть, что-то еще осталось, Гвен?

Она пристально посмотрела на него и отхлебнула глоток кофе.

– Неправильный вопрос, Дерк, ты сам знаешь. Всегда что-то остается. Если с самого начала что-то было. Иначе нет смысла и говорить. А если было что-то настоящее, то обязательно что-то остается, ломоть любви, стакан ненависти, отчаяния, негодования, физическое влечение – что угодно. Но что-то остается.

– Не знаю, – вздохнул Дерк, задумчиво глядя вниз. – Мне кажется, ты была единственным настоящим в моей жизни.

– Печально, – прошептала Гвен.

– Да, – отозвался он. – Согласен.

Подняв голову, он посмотрел ей в глаза.

– У меня есть все, о чем ты говорила, Гвен: любовь, ненависть, негодование... И физическое влечение, – со смехом добавил он.

Она лишь слегка улыбнулась в ответ и повторила:

– Печально.

Ему этого было недостаточно.

– А у тебя, Гвен, осталось хоть что-нибудь?

– Да, не могу отрицать. Осталось, и оно растет.

– Любовь?

– Ты нетерпелив, – ответила она, ставя чашку. Робот-официант снова налил ей кофе, уже смешанного с молоком и специями. – Я просила тебя не торопить меня.

– Не могу иначе, – возразил Дерк. – Думаешь, легко быть рядом с тобой и говорить об Уорлорне и кавалаанских обычаях, да еще и об охотниках? Меня интересует другое.

– Я знаю. Встреча старых любовников – достаточно тривиальная ситуация, в которой оба испытывают неловкость. Оба не знают, стоит ли снова открывать давно закрытые двери, желает ли другой пробуждения спящих чувств или хочет все оставить как есть. Каждый раз, вспоминая об Авалоне и желая говорить о нем, я не решаюсь. Потому что не знаю, хочешь ли ты об этом слышать или надеешься, что я не буду ворошить прошлое.

– Это зависит от того, что ты собираешься сказать. Однажды я хотел начать все сначала, помнишь? Вскоре после нашей размолвки. Я послал тебе мой говорящий камень. Ты не ответила, ты не вернулась. – Его голос звучал ровно. В нем слышалось осуждение и сожаление, но не гнев. Он больше не мог сердиться на нее.

– А ты думал когда-нибудь, почему я не вернулась? – спросила Гвен. – Я получила говорящий камень и заплакала. Я была одна, тогда мы еще не встретились с Джааном. Мне было ужасно одиноко. Я вернулась бы, если бы ты позвал меня.

– Я позвал тебя, но ты не вернулась.

– Ах, Дерк, – с горькой усмешкой ответила Гвен. – Говорящий камень я получила в маленькой коробочке, а к ней была приклеена записка. «Пожалуйста, – было написано в ней, – возвращайся скорее. Ты мне очень нужна, Джинни». Вот что было в той записке. Я долго плакала. Если бы ты написал «Гвен», если бы ты любил Гвен, меня! Но нет, ты любил Джинни. Даже тогда!

Дерк вспомнил и поморщился.

– Да, – признал он, помолчав. – Именно так я написал. Мне очень жаль. Я не понимал этого прежде, но теперь понимаю. Неужели сейчас слишком поздно?

– Я уже говорила тебе об этом в лесу. Слишком поздно. Все кончилось. И ты сделаешь только хуже, если будешь торопить события.

– Все кончилось? А твои недавние слова? Подумай, Гвен. Я не хочу навредить тебе или себе. Но я хочу...

– Я знаю, что ты хочешь. Это невозможно. Это ушло.

– Почему? – спросил он и показал на ее браслет. – Из-за этого? Серебро с жадеитом ныне и присно и во веки веков?

– Возможно, – ответила она. Ее голос дрожал, когда она неуверенно отвечала. – Я не знаю. Мы... дело в том, что я...

Дерк вспомнил, что говорил ему Руарк.

– Я знаю, что тебе это трудно, – прервал он ее, стараясь говорить помягче. – Я обещал ждать. Но есть вещи, разговор о которых нельзя откладывать. Ты сказала, что Джаан – твой муж, верно? Тогда кто Гарс? Что означает слово «бетейн»?

– Если дословно, то «находящаяся в чем-то владении женщина». Тебе трудно понять, у нас с Джааном отношения другие. Джаан не такой, как другие кавалаанцы. Он сильнее, мудрее и достойнее. Он оказывает влияние на окружающих, он один меняет многое. Наши отношения иные, чем традиционные отношения бетейн и ее господина. Он не признает эту традицию, так же как и охоту на оборотней.

– Но он признает Верхний Кавалаан, – возразил Дерк. – И дуэль чести тоже. Он нетипичный кавалаанец, но все же кавалаанец.

Это было его ошибкой. Она лишь усмехнулась в ответ и иронически заметила:

– Ну вот, ты заговорил, как Аркин.

– Тебе так кажется. Но может быть, Аркин в чем-то прав? Ты говоришь, что Джаан не признает некоторые старые традиции, не так ли?

Гвен кивнула.

– Замечательно. А Гарс? У меня не было возможности познакомиться с ним ближе. Он что, такой же просвещенный?

Этот вопрос поставил ее в тупик.

– Гарс... – начала она и замолчала, потом с сомнением покачала головой. – Нет, Гарс куда более консервативен.

– Вот именно, – сказал Дерк. Ему показалось, что он понял все. – Да, я тоже так подумал. И именно поэтому тебе так трудно, верно? На Верхнем Кавалаане союз заключается не между мужчиной и женщиной, а между мужчиной и мужчиной и, может быть, женщиной. Но тогда ее роль не так уж важна. Ты можешь любить Джаана, но тебе не очень нравится Гарс Джанасек, не так ли?

– Но я испытываю привязанность к...

– Ты уверена?

Лицо Гвен застыло.

– Прекрати, – сказала она.

Этот голос напугал его. Он откинулся на спинку кресла. Его охватил ужас при мысли о том, как он ее мучил, задавая каверзные вопросы, заставляя отвечать на них, говоря колкости. Он, который примчался к ней, чтобы посочувствовать, помочь.

– Прости, – поспешил он извиниться.

Воцарилось молчание. Гвен смотрела на него, а ее нижняя губа дрожала, пока она приходила в себя, собиралась с мыслями.

– Ты прав, – наконец заговорила она. – По крайней мере частично. Я не... не могу сказать, что счастлива в этом союзе. – Она натянуто улыбнулась. – Я думаю, что обманываю сама себя. И это неправильно, хотя все это делают. Я ношу серебряно-жадеитовый браслет и уверяю сама себя, что я нечто большее, чем принадлежащая им женщина, нечто большее, чем другие кавалаанские женщины. Почему? Только потому, что так говорит Джаан Викари. Он очень хороший человек, Дерк, поверь мне. Во всех смыслах он – лучший из всех, кого я знаю. Я любила его и, может быть, люблю до сих пор. Я не знаю. Я совсем запуталась. Но, люблю я его или нет, у меня есть перед ним обязательства. Отношения кавалаанцев строятся на чувстве долга и обязательствах. Джаан только на Авалоне получил представление о любви, и я не уверена, что это чувство доступно ему сейчас. Я могла бы быть его тейном, если бы это было возможно. Но у него уже есть тейн. Кроме того, даже Джаан не может пойти так далеко против обычаев его планеты. Помнишь, что он рассказывал о том, как его вызывали на дуэли? И все за то, что, исследуя банки данных старых компьютеров, он обнаружил, что один из народных кавалаанских героев имел женские груди. – Она горько усмехнулась. – Представляешь, что было бы, если бы он взял в тейны меня! Он потерял бы все. Айронджейды сравнительно терпимы, это так, но пройдут века, прежде чем какое-либо из их сообществ будет готово к таким переменам. Ни одна женщина еще никогда не носила железный браслет с глоустоуном.

– Почему? – спросил Дерк. – Мне непонятно. Вы все говорите о женщинах, предназначенных только для рождения детей, о женщинах, принадлежащих мужчинам, о женщинах, которые прячутся в пещерах и боятся выйти наружу. Но я не могу в это поверить. Как могла сложиться такая система? Что они имеют против женщин? Что в том страшного, если один из основателей Айронджейда оказался женщиной? В конце концов, женщин среди людей довольно много.

Гвен вымученно улыбнулась и кончиками пальцев потерла виски, как будто у нее болела голова.

– Надо было тебе дать Джаану договорить, – сказала она. – Тогда ты знал бы столько же, сколько мы. Он только разошелся, когда ты его прервал. Он не успел даже рассказать об эпохе Страшного Мора. – Она вздохнула. – Это очень долгая история, а сейчас у меня не осталось

никаких сил. Потерпи до возвращения в Лартейн, я дам тебе диссертацию Джаана на эту тему, и ты сам прочитаешь.

– Хорошо, – согласился Дерк. – Но есть вопросы, ответы на которые я не найду ни в каких диссертациях. Несколько минут назад ты сказала, что не знаешь, любишь ли еще Джаана. Я уверен, ты не любишь Верхний Кавалаан, и думаю, ненавидишь Гарса. Почему же тогда ты живешь такой жизнью?

– Ты обладаешь удивительной способностью задавать неприятные вопросы, – угрюмо сказала она. – Но прежде чем ответить, я хочу уточнить кое-что. Я могу ненавидеть Гарса, как ты правильно заметил. Иногда я его действительно ненавижу, хотя эти слова могли бы убить Джаана, если бы он услышал их от меня. Но бывают моменты, когда я чувствую привязанность к нему – я не лгала. Во время моего первого знакомства с Верхним Кавалааном я была ужасно наивной, прямодушной и легко уязвимой. Джаан, конечно, заранее мне все объяснил, очень подробно, очень терпеливо. И я все приняла. Я ведь выросла на Авалоне. А кто из потомков землян более склонен к софистике, чем авалонцы? Я изучала все причудливые культуры, распространённые человечеством во Вселенной, и знала, что каждый, кто решится ступить на космический корабль, должен быть готов принять совершенно отличные от его собственных социальные системы и моральные ценности. Я знала, что семейные и сексуальные отношения очень различаются на разных планетах, и считала, что Авалон вовсе не обязательно – предел совершенства. Я думала, что я все понимаю. Но я не была готова для жизни с кавалаанцами, о нет! До самой смерти буду помнить каждую секунду того ужаса и той муки, что я перенесла в первый день и в первую ночь моего пребывания в Сообществе Айронджейд в качестве бетейн Джаана Викари. Особенно первую ночь. – Она засмеялась. – Джаан, конечно, предупредил меня, но я... я не представляла, что значит делить ложе с двоими. Что я могу сказать? Это было ужасно. Но я не умерла. Гарс помог. Он искренне старался доставить удовольствие и мне, и Джаану, Можно даже сказать, что он был нежен. Я доверилась ему, его чутким, заботливым рукам. А на следующее утро начались словесные оскорбления. Я была напугана и обижена, Джаан пришел в бешенство. Он швырнул Гарса через всю комнату, когда тот впервые назвал меня бетейн-шлюхой. На некоторое время Гарс притих. Он довольно часто дает нам всем передышки, но никогда не отказывается от перепалок полностью. По-своему он примечательная личность. Он вызовет на дуэль и убьет любого, в ком увидит хоть намек на оскорбление моего достоинства. Он знает, что его шутки бесят Джаана и возбуждают ссоры. Во всяком случае, прежде так было. Теперь Джаан не обращает на них внимания. Но Гарс не унимается. Может, он не может удержаться, может, действительно испытывает отвращение ко мне, а может, ему просто нравится мучить. Если так, то последние несколько лет я не доставляла ему особой радости. Первым делом я решила не позволять ему доводить меня до слез. И я не плакала. Даже если он говорил гадости, от которых мне хотелось разmozжить ему голову топором, я только улыбалась, стиснув зубы, и старалась придумать в ответ другую гадость. Иногда мне удавалось вышибить его из седла, но чаще он разделялся со мной, как с букашкой.

Но бывает и другое. Перемирия, короткие затишья в нашей нескончаемой войне, периоды неожиданной теплоты и близости. Чаще всего ночью. Меня всегда потрясала сила их чувств. Однажды, веришь или нет, я сказала Гарсу, что люблю его. Он поднял меня на смех, во всеуслышание заявил, что не любит меня, но, поскольку я бетейн его тейна, он относится ко мне, как обязывают его существующие между ними связи. Это был последний раз, когда мне хотелось плакать. Но я не заплакала. Я только крикнула ему в ответ что-то грубое и выбежала в коридор. Мы жили под землей, ты знаешь. На Верхнем Кавалаане все живут под землей. На мне ничего не было, кроме браслета. Я бежала как сумасшедшая, пока меня не попытался схватить один пьяный идиот. Наверное, он не увидел браслета. В бешенстве я выхватила его оружие из кобуры и ударила им его по лицу. Впервые в жизни я ударила человеческое существо. В этот момент прибежали Джаан и Гарс. Джаан очень огорчился, хотя и старался казаться

спокойным, а Гарс готов был затеять драку. Мало того, что я оскорбила этого человека, ударив по лицу, так он еще велел мне собрать его выбитые зубы и вернуть ему, потому что у меня, дескать, своих достаточно. Хорошо еще, что пострадавший не вызвал их на дуэль.

– Да как же могло случиться, что именно ты влипла в такую историю, Гвен? – в сердцах воскликнул Дерк.

Он старался взять себя в руки. Сердясь на нее, чувствуя обиду за нее, он, как ни странно, а может быть, в том и не было ничего странного, ощущал что-то вроде воодушевления. Значит, все, что говорил кимдиссец, правда. Гвен считала Руарка своим другом и доверяла ему. Неудивительно, что она послала за Дерком. Ее жизнь была ужасной, она рабыня, и он может ей помочь. Только он, Дерк.

– Неужели ты не могла догадаться, что из этого выйдет?

Она пожала плечами:

– Я обманывала себя и позволяла Джаану обманывать меня, хотя, я думаю, он искренне верил в свои прекрасные сказки. Что мне оставалось делать? Я хотела быть с ним, Дерк, он был мне нужен, я любила его. Но свой железный браслет он уже отдал, поэтому он предложил мне серебряно-жадеитовый, и я приняла его из желания быть с Джааном, имея довольно смутное представление о том, что это значит. Незадолго до того я потеряла тебя. Я не хотела потерять Джаана. Поэтому я надела на руку красивый браслет и заявила, что я – больше, чем бетейн. Как будто это имело значение. Дай вещи имя, и она будет существовать. Для Гарса я – бетейн Джаана и его советейн, и больше ничего. Названия определяют отношения и обязанности. Что еще тут может быть? Любой кавалаанец думает так же. Когда я выхожу за рамки, предназначенные бетейн, Гарс – тут как тут и вопит на меня: «Бетейн!» Джаан другой. Но иногда я не могу удержаться и не задать себе вопрос: «А что Джаан чувствует на самом деле?» – Ее руки легли на стол, два стиснутых маленьких кулачка. – Опять это проклятие, Дерк. Ты хотел превратить меня в Джинни, и я спасла себя, отказавшись от этого имени, но, как дура, приняла серебряный браслет, и вот теперь я – женщина-собственность. И, что бы я ни говорила, ничего не меняется. То же самое проклятие. – Голос ее сорвался, кулаки сжались так сильно, что косточки суставов побелели.

– Все можно изменить, – быстро проговорил Дерк. – Возвращайся ко мне. – В его голосе прозвучало множество противоречивых чувств: надежда, безысходность, торжество, тревога.

Гвен ответила не сразу. Один за другим она медленно разогнула пальцы и, глубоко дыша, смотрела на свои руки, поворачивая их то вверх ладонями, то вниз, словно это были посторонние предметы. Затем она оперлась ладонями о стол и резко поднялась.

– Зачем, Дерк? – Она взяла себя в руки. Голос звучал спокойно. – Чтобы ты снова мог назвать меня Джинни? Потому что я любила тебя когда-то? Потому что что-то, возможно, осталось?

– Да! Я хотел сказать, нет! Ты сбила меня с толку. – Он тоже встал.

Она улыбнулась:

– Ах, Джаана я тоже любила, и позже, чем тебя. С ним меня связывают другие узы, обязательства, налагаемые серебряным браслетом. С тобой же, Дерк, нас связывают только воспоминания.

Он стоял и выжидающе смотрел на нее. Не получив ответа, Гвен направилась к выходу. Он последовал за ней.

Робот-официант догнал их и загородил проход. У него было невыразительное лицо на металлической яйцевидной голове.

– Мне нужен номер вашего фестивального счета.

Гвен нахмурилась.

– Лартейн, Айронджейд, 797-742-677, – резко ответила она. – Запишите оба обеда на этот счет.

– Зарегистрировано, – сказал робот и отошел. Позади них зал ресторана погрузился во тьму.

Голос держал их тележку у выхода. Гвен распорядилась отвезти их обратно к посадочной площадке, и тележка помчалась по окрашенным в яркие тона коридорам под веселую музыку.

– Чертов компьютер уловил напряжение в наших голосах, – рассердилась Гвен. – И теперь старается нас развеселить.

– Не очень-то чистая работа, – с улыбкой сказал Дерк и добавил: – Спасибо за угощение. Перед полетом сюда я поменял стандартные деньги на фестивальные, но, боюсь, их не много.

– Айронджейды не бедны, – ответила Гвен. – В любом случае на Уорлорне не на что особенно тратиться.

– Гм... я прежде тоже так думал.

– Это единственный город, продолжающий функционировать по фестивальной программе, – пояснила Гвен. – Все остальные закрыты. Раз в год Эмерел посылает человека за счетами из банка данных компьютера. Хотя скоро стоимость полета превысит получаемую выручку.

– Удивительно, что это еще не произошло.

– Голос! – окликнула Гвен. – Сколько человек проживает в Челлендже на сегодняшний день?

Стены ответили:

– В настоящий момент в городе постоянно проживают триста девять человек и гостят сорок два человека, включая вас. Если желаете, можете тоже поселиться здесь. Цены вполне разумные.

– Триста девять человек? – удивился Дерк. – Где?

– Челлендж может вместить двадцать миллионов человек. Рассчитывать на встречу довольно затруднительно, но они действительно живут здесь. В других городах тоже есть жители, хотя и не так много, как в Челлендже. Здесь легче и удобнее жить. Смерть тоже будет легкой, если охотники Брейта решат охотиться в городах вместо лесов, чего Джаан серьезно опасается.

– Кто они? – допытывался Дерк, будучи не в состоянии унять любопытства. – Как они живут? Я не понимаю. Ведь содержание Челленджа должно быть очень дорого – целое состояние в день.

– Да, огромное количество энергии расточительно расходуется впустую. Но это и было основной идеей сооружения Челленджа, Лартейна и проведения Фестиваля. Вызывающе бессмысленная трата средств для того, чтобы доказать, что Окраина богата и сильна, показать в таком масштабе, какого еще не знало человечество, – целая планета обустроена и брошена. Понимаешь? Что же касается Челленджа, то вся его жизнь теперь проходит впустую. Город питается от термоядерных реакторов, их энергия используется на фейерверки, которых никто не видит. Каждый день машины собирают огромные урожаи, но лишь крохи его съедают те немногие, кто остался здесь после Фестиваля: отшельники, религиозные фанатики, потерявшиеся дети. Каждый день в Маскал отправляется лодка за рыбой, которой там давно нет.

– Голос не переделывает программу?

– В том-то все и дело! Голос – кретин. Он не может по-настоящему думать, не может себя программировать. Эмерельцы хотели поразить всех, и, несомненно, Голос производит большое впечатление. Но в действительности он очень примитивен по сравнению с компьютерами Академии на Авалоне или Искусственным Мозгом Старой Земли. Он не может думать и вносить поправки. Он делает то, что ему велено делать, а эмерельцы велели ему продолжать функционировать, противостоять холоду, сколько возможно. Вот он и выполняет приказ.

Гвен подняла глаза на Дерка.

– Как ты, – сказала она. – Он продолжает настаивать, когда настойчивость уже давно утратила всякий смысл, продолжает борьбу, когда все уже мертво.

– Вот как? Но до тех пор, пока что-то живо, надо бороться, – возразил Дерк. – Это важно, Гвен. Иначе не может быть. Я даже уважаю его, хоть он и редкий дурачина, как ты говоришь.

Она покачала головой:

– Это в твоём духе.

– К тому же, Гвен, ты слишком быстро все хоронишь. Уорлорн умирает, но пока еще жив. И мы... на нас тоже еще рано ставить крест. Я думаю, ты должна обдумать то, о чем мы говорили в ресторане. Подумай обо мне и Джаане. Постарайся понять, что у тебя есть для меня, что – для него. Так ли уж тяжел браслет на твоей руке? – Он указал на него. – Реши, какое имя тебе нравится больше, вернее, от кого тебе хочется слышать твое имя? Понимаешь? А потом скажешь мне, что мертво, а что живо!

Он чувствовал удовлетворение от своей маленькой речи. Он не сомневался, что ему откажется от Джинни и позволить ей быть Гвен намного легче, чем Джаантони Викари превратить ее в тейна. Это было ясно. Но она только окинула его долгим взглядом и ничего не ответила, молчала до самой стартовой площадки.

Она вышла из тележки и сказала:

– Когда мы вчетвером решали, где нам жить на Уорлорне, Гарс и Джаан выбрали Лартейн, Аркин – Двенадцатую Мечту. Я – ни то ни другое. И не Челлендж, несмотря на то что он живой. Мне не нравится жить в улье. Если ты хочешь знать, что живо и что мертво, пойдем, я покажу тебе мой город.

Они снова были в воздухе, по-ночному холодном. Гвен молча сидела за рулем. Сияющий шпиль Челленджа таял позади них. Было очень темно, как в ту ночь, когда корабль «Ужас былых врагов» высадил на Уорлорне Дерка т'Лариена. Лишь с десятков звезд виднелось на небе, но и они то и дело скрывались за набегавшими облаками. Все солнца сели.

Ночной город, лишь кое-где подсвеченный редкими огнями, лежал под ними во тьме, как россыпь жемчужин на мягком черном бархате. Он находился в лесу, за горным хребтом, вдали от других городов, и казался частью леса, обиталища душителей, деревьев-призраков, голубых вдовцов. Из темноты леса тянулись к звездам тонкие белые башни, похожие на загадочных духов, их соединяли изящные плетеные мосты, блестевшие, как застывшая паутина. Низкие купола одинокими стражниками стояли среди пересечения каналов, темные воды которых отражали огни на башнях и мерцание редких далеких звезд. Город окружали странные сооружения, похожие на худые костлявые руки, соединенные рукопожатиями высоко в небе. Все попадавшиеся на глаза деревья были внешнепланетными, а вместо травы землю покрывал толстый ковер слабо светившегося мха.

В городе звучала песня.

Она не была похожа ни на что другое, прежде слышанное Дерком. Странные, дикие, почти нечеловеческие звуки волнами вздымались и падали, беспрестанно меняясь. Таинственная и печальная симфония беспредельной пустоты, беззвездных ночей и тяжелых сновидений состояла из стонов, шепота, завываний и странных низких звуков, таивших в себе невыразимую печаль. И все-таки это было музыкой.

Дерк с удивлением посмотрел на Гвен:

– Как это делается?

Она напряженно вслушивалась в удивительную музыку, а его вопрос вырвал ее из плена. Она слабо улыбнулась:

– Город построили дарклинги, жители планеты Даркдон. Они странные люди. В горах неподалеку есть ущелье. Инженеры-климатологи добились, чтобы ветер всегда продувал ущелье насквозь, потом построили башни, а на их верхушках сделали специальные отверстия. Город стал музыкальным инструментом, на котором ветер без перерыва играет одну и ту же

мелодию. Специальные приспособления направляют потоки воздуха на ту или иную башню, и она звучит, пока другие молчат.

Сама симфония была написана на Даркдоне много столетий назад композитором по имени Ламия-Бейлис. Говорят, что ветряными машинами управляет компьютер. Но это, может быть, и неправда, так как дарклинги очень слабо знакомы с компьютерами, их общество находится на низком технологическом уровне.

В годы Фестиваля рассказывали еще одну легенду, согласно которой дарклинги всегда находились на грани между разумом и безумием, а эта симфония Ламии-Бейлис, великой даркдонской сочинительницы, ввергла всю их культуру в безумие и отчаяние. В наказание ее мозг сохранили живым, как говорят, и теперь он находится глубоко в земле под горами Уорлорна. Соединенный с ветряными машинами, ее мозг будет исполнять свой шедевр вечно, повторяя его снова и снова. – Она поежилась. – Если не вечно, то по крайней мере пока атмосфера не замерзнет. Даже инженеры Даркдона не могут это остановить.

– Она... – Дерк, околдованный музыкой, не мог подыскать нужных слов. – Она подходит, – наконец сказал он. – Это песня для Уорлорна.

– Теперь подходит, – согласилась Гвен. – Песня сумерек и наступающей ночи, за которой никогда не наступит рассвет. Песня конца. В разгар Фестиваля она была неуместна. Город называется Крайн-Ламия, хотя его часто называли Городом Сирен, так же как Лартейн называли Огненной Крепостью. Он кажется большим, но это обманчивое впечатление. Город рассчитан на сто тысяч человек, но в нем никогда не было и четверти этого количества. Крайн-Ламия не пользовался особой популярностью. Как и сама планета Даркдон, мне кажется. Много ли туристов посещает Даркдон у Великого Черного Моря? Много ли их бывает там зимой, когда на пустом даркдонском небе видно только слабое свечение нескольких далеких галактик? Не много. Для этого нужна особая склонность характера. Для Крайн-Ламии тоже. Люди говорили, что музыка города нагоняет тоску. И она никогда не смолкает. Дарклинги даже спальни не изолировали от этой вечной песни.

Дерк молчал, разглядывая диковинные шпили.

– Хочешь приземлиться? – спросила Гвен.

Он кивнул. Аэромобиль скользнул вниз по спирали. Они нашли открытую посадочную площадку на стене башни. В отличие от пустых площадок Челленджа и Двенадцатой Мечты здесь уже стояли две другие машины: короткокрылый спортивный аэромобиль и крошечный черно-серебристый каплевидной формы. Оба были давно брошены: толстый слой пыли покрывал их капоты и брезентовые крыши, подушки сидений в спортивной машине совсем сгнили. Из любопытства Дерк проверил двигатели обеих. Спортивная машина безмолвствовала, ее батареи иссякли много лет назад. Но маленькая «капелька» заработала, контрольная панель осветилась мерцающими огоньками. Это означало, что в ней остался небольшой запас энергии. Огромный серый «скат» с Верхнего Кавалаана был больше и тяжелее, чем обе брошенные машины, вместе взятые.

С посадочной площадки они прошли в галерею, расписанную черно-белыми фресками. Замысловатое сплетение их потускневших узоров сочеталось с доносившимися звуками музыки. Они вышли на балкон, который заметили при посадке.

Волны музыки захлестнули их, взывая к ним неземными голосами, касаясь их и играя их волосами, гудя и потрясая взрывами страсти. Дерк взял Гвен за руку и слушал, устремив невидящий взгляд вверх каналов, куполов и башен на лес и горы. Наполненный музыкой ветер, казалось, подталкивал его, тихим голосом уговаривал прыгнуть вниз, покончить со всем, с этой глупой, недостойной и совершенно бессмысленной суетой, которую он называл своей жизнью.

По лицу Дерка Гвен догадалась о его мыслях и потянула его за руку. Когда он посмотрел на нее, она сказала:

– За время Фестиваля двести человек покончили жизнь самоубийством в Крайн-Ламии. В десять раз больше, чем в любом другом городе, несмотря на то что в нем жило меньше всего людей.

Дерк кивнул:

– Да, это чувствуется. Все дело в музыке.

– Праздник смерти, – сказала Гвен. – Но, ты знаешь, сам Город Сирен не утратил жизни, как Маскал или Двенадцатая Мечта. Он упрямо продолжает жить, словно только для того, чтобы возвеличивать отчаяние и прославлять пустоту жизни. Странно, да?

– Зачем они построили такой город? Он красив, но...

– У меня есть своя теория на этот счет, – перебила его Гвен. – Дарклинги – в большинстве своем нигилисты, склонные к черному юмору, и я думаю, что Крайн-Ламия – это злая шутка над Верхним Кавалааном, Вулфхеймом, Тобером и другими планетами Окраины, которые из кожи вон лезли ради устройства Фестиваля. Дарклинги не стали возражать против праздника. Они прилетели и построили город, который утверждает, что все бесполезно. Все в мире бессмысленно: Фестиваль, человеческая цивилизация, сама жизнь. Подумай только! Какая ловушка для самодовольного туриста! – Она дико захохотала, откинув голову назад, и Дерка вдруг охватил необъяснимый страх, как будто он испугался, что его Гвен сошла с ума.

– И ты хотела здесь жить? – удивился он.

Ее смех оборвался так же внезапно, как и начался. Ветер унес его обрывки. Поодаль, с правой стороны, башня-шпиль издала короткий пронзительный звук, докатившийся до них воплем животного, пронзенного болью. Их башня ответила низким похоронным стоном сирены, который протяжно вибрировал в воздухе. Откуда-то издали, как казалось Дерку, доносились равномерные удары одинокого барабана, короткие и глухие.

– Да, – ответила Гвен. – Я хотела здесь жить.

Сирена стихла. Тонкие шпили на другом берегу канала, соединенные между собой тысячами мостами, начали громко завывать, испуская звуки все более тонкие и пронзительные, постепенно дойдя до таких высоких, которые уже не воспринимало человеческое ухо. Барабан монотонно продолжал гудеть: «бум... бум... бум...»

Дерк вздохнул.

– Я тебя понимаю, – устало проговорил он. – Я бы тоже, наверное, жил здесь. Но не знаю, сколько мне удалось протянуть. Брак чем-то похож на этот город, особенно ночью. Может быть, поэтому я и жил там. Я очень устал, Гвен, очень. И, наверное, я сдался, сложил руки. В прежние времена, помнишь, я всегда что-то искал: любовь ли, сказочное золото, тайны ли мироздания, – всегда было что-то, к чему я стремился. Но после того как ты покинула меня... Не знаю, как тебе объяснить... все пошло не так, все стало пресным. А если что-то и получалось, то сразу утрачивало свой смысл. Все казалось ненужным. Я чувствовал себя опустошенным и, сколько ни старался, лишь глубже ощущал усталость, становился безразличным и циничным. Может быть, поэтому я прилетел сюда. Ты... Я был лучше, когда ты была со мной. В те времена я не сдавался так легко. И я подумал, что, если найду тебя, может быть, смогу найти и себя. Но получается по-другому. И я не знаю, получится ли что-нибудь вообще.

– Послушай Ламию-Бейлис, – сказала Гвен. – И музыка скажет тебе, что ничего никогда не получается, что все бессмысленно. Я хотела жить здесь... Вообще-то я не собиралась голосовать за то, чтобы жить здесь. Но мы обсуждали, где поселиться, когда прилетели сюда, и у меня вырвалось название этого города помимо моей воли. Я испугалась. Может быть, у нас с тобой до сих пор много общего, Дерк. Я тоже устала, хотя и не показываю виду. У меня интересная работа, Аркин – мой хороший друг. Джаан любит меня. Но когда я бываю здесь... или задумаюсь немного дольше, чем обычно, приходит мысль, что мне мало того, что у меня есть, что я хотела чего-то другого.

Она повернулась к нему и обеими руками взяла его за руку.

– Да, я думала о тебе. Я думала о том, что все было лучше, когда мы были вместе на Авалоне. Что люблю все еще тебя, а не Джаана, и что мы с тобой, может быть, сможем вернуть чудо, оживить его. Но неужели ты не видишь? Это невозможно, Дерк, и вся твоя настойчивость ничего не спасет. Слушай город, слушай Крайн-Ламию. Вот правда, которую ты ищешь. Ты думаешь обо мне, я думаю иногда о тебе только потому, что все между нами кончено, ничего нет. Только поэтому все кажется лучше. Вчера было счастье и завтра будет счастье, но никогда – сегодня, Дерк. Никогда. Это всего лишь иллюзия, а иллюзия кажется реальностью только издали. Между нами все кончено, моя потерянная любовь. Кончено, и так лучше, потому что именно все становится лучше, когда кончено.

Она плакала, слезинки медленно стекали по ее щекам. Крайн-Ламия плакал вместе с ней, его башни горестно стонали. Но вместе с тем и дразнили ее, как будто говоря: «Да, я вижу твое горе, но оно так же мало значит, как и все остальное, и боль так же пуста, как и наслаждение». Шпили завывали с пронзительными взвизгами, похожими на безумный смех, а далекий барабан продолжал низко гудеть: «бум... бум... бум...»

Снова, но теперь уже сильнее, Дерку захотелось прыгнуть с балкона вниз, навстречу белевшему далеко внизу камню и темным каналам. Головокружительное падение, а потом наконец покой. Но город дразнил его: «В смерти нет покоя. Только ничто. Ничто. Ничто». Барабан, ветер, вой. Дерк дрожал, все еще держа Гвен за руку. Он посмотрел вниз.

Что-то двигалось по каналу, легко скользя навстречу ему. Черная баржа, одинокий рулевой с шестом.

– Нет, – твердо сказал он.

Гвен моргнула.

– Нет? – переспросила она.

И вдруг пришли слова, слова, которые тот, другой Дерк т'Лариен сказал бы своей Джинни. Они вертелись на языке, и, хотя он уже не знал, верит ли он им сам, эти слова сорвались с губ.

– Нет! – яростно крикнул он городу, его засасывающей в небытие музыке. – Черт с ним, Гвен. В каждом из нас есть что-то от этого города, я согласен. Но дело в том, как мы принимаем это. – Он отпустил ее руку и широким жестом нарисовал круг, охватывающий все, что скрывала тьма. – Страшно то, что он внушает, но еще хуже тот страх, который закрадывается в душу, когда что-то в тебе уступает ему, когда ты ощущаешь, что все это правда, что ты принадлежишь ему. Но что делать с этим страхом? Слабый делает вид, что его нет, надеется, что страх уйдет, занимает себя повседневными заботами и старается не думать о темноте снаружи. Но таких страх побеждает, Гвен. В конце концов он поглощает их с потрохами, а они весело лгут друг другу и прославляют его. Ты не можешь быть такой, Гвен, только не ты. Ты должна стараться. Ты – эколог, верно? Для чего существует твоя наука? Для жизни. Ты должна принять сторону жизни, ты для нее создана. Этот город, этот белый, как кость, проклятый город со своим гимном смерти отрицает все, во что ты веришь, все, что в тебе есть. Если ты сильный человек, ты признаешь это и будешь бороться, дашь ему имя и бросишь вызов.

Гвен перестала плакать.

– Это бесполезно, – сказала она, качая головой.

– Неправда, – возразил он. – Ты ошибаешься по поводу города и по поводу нас с тобой. В этом есть связь, понимаешь? Ты сказала, что хочешь здесь жить? Прекрасно! Живи здесь! Само это будет победой, идейной победой. Живи здесь и знай, что сама жизнь опровергает Ламию-Бейлис. Живи здесь и смейся над ее абсурдной музыкой, но только не соглашайся с этой проклятой воющей ложью. – Он снова взял ее руку.

– Я не знаю, – ответила она.

– Я знаю, – солгал он.

– Ты действительно думаешь, что... что мы можем начать все сначала? Лучше, чем прежде?

– Ты не будешь Джинни, – пообещал он. – Никогда.

– Я не знаю, – повторила она тихо.

Он взял ее лицо обеими руками и поднял его так, что их глаза встретились, и поцеловал ее, слегка коснувшись губ. Крайн-Ламия застонал, жалостливые звуки сирен заполнили пространство, отдаленные башни пронзительно вскрикнули, и одинокий барабан продолжал свое тупое, бессмысленное гудение.

После поцелуя они стояли в волнах музыки и смотрели друг на друга.

– Гвен, – заговорил он наконец. В его голосе уже не было прежней силы и уверенности. – Наверное, я тоже не знаю. Но, может быть, стоит хотя бы попробовать.

– Возможно, – шепнула она. Ее огромные зеленые глаза опять смотрели вниз. – Это будет трудно, Дерк. К тому же надо подумать о Джаане и Гарсе. И мы даже не знаем, изменится ли что-то, станет ли лучше.

– Да, мы не знаем, – согласился он. – Много раз за последние несколько лет я приходил к решению, что не стоит и пытаться что-то изменить. Мне тогда было плохо, я чувствовал себя усталым, бесконечно усталым. Но, Гвен, если мы хотя бы не попробуем, мы так никогда и не узнаем.

Она кивнула и односложно ответила:

– Возможно.

Дул сильный холодный ветер. Волнами наплывала безумная музыка дарклингов. Гвен и Дерк вошли в здание, спустились по лестнице на галерею и вдоль ее поблекших серо-белых стен, мерцавших в темноте, направились туда, где их ожидало надежное здравомыслие машины.

Глава 5

От белых башен Крайн-Ламии до тусклых огней Лартейна они летели молча, погруженные каждый в свои мысли, не касаясь друг друга. Гвен посадила машину на привычное место на крыше и вместе с Дерком прошла до своих дверей.

– Подожди, – быстро прошептала она вместо пожелания спокойной ночи и исчезла за дверью.

Озадаченный Дерк остался стоять в коридоре. Послышались голоса, затем дверь распахнулась, и Гвен сунула ему в руки внушительных размеров пачку бумаги в черной кожаной папке. Это была диссертация Джаана, о которой Дерк почти забыл.

– Прочти это, – прошептала она, выглядывая из двери. – Приходи завтра утром, мы еще поговорим.

Она легко коснулась губами его щеки, потом с легким щелчком прикрыла тяжелую дверь. Дерк постоял минуту, поворачивая в руках толстую папку, затем повернулся и направился к лифту.

Он отошел всего на несколько шагов, когда услышал крик. Ноги Дерка сами понесли его обратно, и он остановился у двери, прислушиваясь.

Стены были толстые, Дерк не мог разобрать слов и не понимал, о чем говорят в комнате, но он слышал голоса и различал интонации. Преобладал голос Гвен, громкий, отрывистый, временами срывающийся на крик, близкий к истерике. Дерк представил, как она расхаживает по комнате перед камином с фантастическими существами – она всегда так делала, когда сердилась. Оба квалаанца, наверное, тоже были там. Дерк четко слышал два других голоса. Один – спокойный, уверенный, который без гнева задавал нескончаемые вопросы. Должно быть, голос Джаана Викари. Интонации выдавали его, ритмичность речи улавливалась даже сквозь стены. Третий голос, принадлежавший Гарсу Джанасеку, сначала звучал редко, затем все чаще и чаще и становился все громче и грубее. Спустя некоторое время спокойный голос умолк, тогда как Гвен и Гарс продолжали кричать друг на друга. Затем он что-то сказал, что прозвучало как короткая команда. Потом Дерк услышал звук шлепка. Пощечина. Кто-то кого-то ударил. Ни на что другое звук не походил.

Затем слышались отрывистые фразы Джаана Викари, и наступила тишина. Свет в комнате погас.

Дерк тихо стоял с черной папкой в руках и думал, как ему быть. Но что он мог сделать? Только поговорить с Гвен завтра утром и выяснить, кто ударил ее и почему. Ему казалось, что это мог сделать только Джанасек.

Дерк не стал вызывать лифт, а пошел пешком вниз по лестнице к жилищу Руарка.

Уже в постели Дерк понял, как сильно он устал и как глубоко был потрясен. Так много свалилось на него за один день, что он не мог сразу во всем разобраться: кавалаанские охотники с их оборотнями, странная безрадостная жизнь Гвен с Викари и Джанасеком, неожиданно возникшая слабая надежда на ее возвращение. Он долго не мог уснуть, беспокойные мысли крутились в голове. Руарк уже спал, поговорить было не с кем. Наконец Дерк взял манускрипт, который дала ему Гвен, и начал его просматривать. Скоро ему стало ясно, что это научное повествование совсем не того сорта, который так безотказно действует при бессоннице.

Спустя четыре часа, выпив полдюжины чашек кофе, он отложил работу, зевнул и потер глаза. Затем он выключил свет и лежал, глядя в темноту широко открытыми глазами.

Диссертация Джаана Викари «МИФЫ И ИСТОРИЯ: ТОЛКОВАНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РОДОВЫХ СООБЩЕСТВ, ОСНОВАННОЕ НА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СБОРНИКА ПЕСЕН О ДЕМОНАХ ДЖЕЙМИС-ЛАЙОНА ТААЛА», по мнению Дерка, была не чем иным, как обвинительным актом против сородичей Джаана. Она свидетельствовала о злодеяниях

кавалаанцев убедительнее, чем все то, что мог бы сказать о них Аркин Руарк. Работа основывалась на документах и данных компьютерных банков Авалона и подкреплена длинными цитатами из произведений Джеймис-Лайона Таала и еще более длинными комментариями к ним. Трактат содержал подробное изложение фактов, о которых Дерк узнал утром от Викари и Гвен. Автор излагал их логично, выстраивая в стройную теорию, стараясь пояснить каждую мелочь. Он даже довольно убедительно объяснил появление оборотней. Согласно его теории, в Годы Огня и Демонов некоторые жители погибших городов спаслись и нашли убежище в поселениях в шахтах. Но потом выяснилось, что под землей таилась огромная опасность. Некоторые из жителей подземных городов сразу пострадали от радиационного заражения. Они медленно и мучительно умирали, возможно, заражая тех, кто за ними ухаживал. Другие выглядели здоровыми, продолжали жить в поселениях, став их членами. Но когда они вступали в брак и производили детей, последствия облучения проявлялись. Это предположение Викари сделал без единой ссылки на Джеймис-Лайона, но оно убедительно и правдоподобно объясняло мифы об оборотнях.

Викари так же подробно описал события эпохи Страшного Мора, которые он сам осторожно назвал «становлением современных сексуально-семейных отношений на Верхнем Кавалаане».

Согласно его гипотезе, хранги вернулись на Верхний Кавалаан примерно через сто лет после их первого нашествия. Города, разрушенные ими, по-прежнему лежали в руинах, не было видно ни одного нового здания. Но они не обнаружили и никаких следов пребывания рабов-воинов, оставленных ими для заселения планеты, все вымерли. По-видимому, хрангский Главнокомандующий ОЗГ сделал из этого вывод, что люди живы. Чтобы уничтожить их полностью, хранги применили бактериологическое оружие: сбросили на планету бомбы, начиненные бактериями чумы.

Такова была теория Викари.

В песнях Джеймис-Лайона не упоминались хранги, но во многих из них говорилось о страшной болезни. Все сохранившиеся кавалаанские сведения о Страшном Море совпадали. Они свидетельствовали о том, что ужасные эпидемии прокатывались по сообществам одна за другой. Каждая смена сезонов приносила новые, разрушительные эпидемии. Они стали для кавалаанцев самым страшным из демонов. Демоном, которого нельзя было победить.

Девяносто мужчин умирало из каждой сотни, девяносто мужчин и девяносто девять женщин.

Один из многих видов чумы оказался более опасным для женщин. Специалисты, с которыми Викари консультировался на Авалоне, сказали ему, что, судя по тем скудным сведениям, которые он им предоставил – несколько древних поэм и песен, – можно сделать вывод, что развитию болезни способствовали женские половые гормоны. Джеймис-Лайон Таал утверждал, что юные девицы избегали страшной болезни благодаря их невинности, а похотливые эйн-кети заболели и умирали в страшных муках, содрогаясь в конвульсиях. По мнению Викари, чумой заражались и девушки, не достигшие половой зрелости, но болезнь проявлялась не сразу, а только тогда, когда девушка становилась женщиной. Джеймис-Лайон подвел под этот факт религиозное толкование. Чума уничтожила целое поколение людей Кавалаана.

Сначала выживали лишь немногие, защищенные природным иммунитетом. Потом их стало больше, потому что они рожали сыновей и дочерей с наследственным иммунитетом, тогда как те, кто не перенял сопротивляемости, умирали, достигнув половой зрелости. Со временем все кавалаанцы приобрели иммунитет. Страшный Мор закончился.

Но болезнь нанесла огромный ущерб. Исчезли целые сообщества, а в тех, которые чудом уцелели, людей было недостаточно для поддержания жизнеспособного рода. Тогда структура общества и роли мужчины и женщины претерпели необратимые изменения, отойдя от моногамии с равными правами полов, свойственной первым поселенцам с Тары. Вырастали целые

поколения людей, в которых мужчин было в десять раз больше, чем женщин. Девочки с самого раннего детства знали, что взросление несет с собой смерть. Время было жестоким. В этом мнения Джаана Викари и Джеймис-Лайона Таала совпадали.

Джеймис-Лайон писал, что грех наконец покинул Верхний Кавалаан, когда эйн-кети были удалены с белого света и снова заперты в пещерах, из которых они произошли, и их позор скрылся с глаз. Викари писал, что кавалаанцы продолжали борьбу за выживание изо всех сил. У них не сохранилось технологических навыков, необходимых для создания герметичных стерильных помещений, но несомненно, что сведения о таких сооружениях дошли до них через века, и они все еще верили, что такое место может защитить от болезни. Поэтому оставшихся в живых женщин помещали в самое безопасное по их понятиям место в поселении – в охраняемые больничные камеры, расположенные глубоко под землей, подальше от зараженных воздуха, дождя и воды. Мужчины, которые прежде странствовали, охотились и воевали вместе со своими женами, объединялись теперь с другими мужчинами, вместе скорбя об утраченных подругах. Для ослабления сексуального напряжения и сохранения генетического фонда, если только они понимали такие вещи, мужчины, пережившие Страшный Мор, сделали женщин общей сексуальной собственностью. Чтобы обеспечить себе как можно более многочисленное потомство, они превратили их в воспроизводительниц, которые вели жизнь в безопасности и постоянных беременностях. Те родовые сообщества, которые не приняли таких мер, вымерли. Те, кто принял, отказались от культуры своих предков.

Начались и другие изменения. Тара была религиозной планетой, заселенной последователями Ирландско-Римской Реформаторско-Католической Церкви, поэтому стремление к моногамии трудно было искоренить. Оно проявлялось в двух видоизмененных формах: глубокая эмоциональная привязанность между мужчинами, партнерами по охоте, стала основой для создания крепких, всеобъемлющих отношений тейна с тейном. Те, кто желал включить в такой союз женщину, похищали ее из других сообществ и делали своей бетейн. Руководители сообществ поощряли налеты с целью захвата подруг. По словам Джаана Викари, новые жены означали для них новую кровь, больше детей, рост населения и, следовательно, лучшие шансы на выживание. Нельзя было и подумать, чтобы мужчина взял в единоличную собственность какую-нибудь из эйн-кети, но мужчина, который добыл себе женщину на стороне, награждался почестями, местом в Верховном Совете и, возможно, самое главное – получал саму женщину.

Так развивались события по теории Викари, которая со всей очевидностью показала путь становления современного кавалаанского общества. Джеймис-Лайон Таал, появившийся на свет много поколений спустя после воспетых им событий, был детищем своего времени настолько, что не мог себе и представить другого общества и другого положения женщины. Когда собранные им фольклорные мотивы наталкивали его на другой образ мыслей, сама идея казалась ему невыносимо безнравственной. И тогда он переделал весь народный эпос. Сочиняя свои «Песни о Демонах», он превратил женщину Кей Айрон-Смит в гигантского богатыря, на основе мифа о Страшном Море он создал балладу о грешных эйн-кети. В целом ему удалось убедить людей, что мир всегда был таким, каким он его изображал.

Факторы, которые сформировали социальную структуру родовых сообществ Верхнего Кавалаана, давно перестали действовать. Количество мужчин и женщин было примерно одинаковым, эпидемии остались только в страшных сказках, люди победили большинство опасностей, подстерегавших их на поверхности планеты. Тем не менее поселения-сообщества продолжали существовать. Мужчины сражались на дуэлях, осваивали новые технологии, работали на фермах и фабриках, летали на космических кораблях, в то время как эйн-кети жили в обширных подземных бараках и являлись сексуальными партнерами для всех мужчин сообщества. При этом они выполняли работу, которую Верховный Совет считал подходящей для них и не вредной, и рожали детей, хотя и меньше, чем прежде. Население Кавалаана строго контролировалось. Другие женщины жили немного свободнее под покровительством серебряно-жадеито-

вых браслетов, но таких было мало. Бетейн могла стать только женщина, не родившаяся в сообществе, а на практике это означало, что честолюбивый молодой человек должен был вызвать на дуэль и убить высокородного из другого сообщества или объявить свои притязания на одну из эйн-кети враждебного сообщества и сразиться с человеком, которого назначал Верховный Совет того сообщества. Второй путь редко приносил успех, потому что Совет, конечно, выделял самого искусного дуэлянта. Но успех приносил исключительные почести. Мужчина, которому удавалось победить и добиться бетейн, получал высокие титулы и место в правительстве. Считалось, что он приносил своим сородичам два бесценных дара: кровь смерти, пролитую поверженным врагом, и кровь жизни, текущую в жилах ноной женщины. Женщина наслаждалась положением бетейн до той поры, пока не обрывалась жизнь ее высокородного обладателя. Если он был убит одним из сородичей, то она становилась эйн-кети, общей собственностью мужчин сообщества. Если убийца принадлежал другому роду, то она переходила к нему.

Такой статус приняла Гвен Дельвано, когда надела на руку браслет Джаана.

Дерк долго лежал без сна, уставившись в потолок, обдумывая прочитанное. И чем больше он думал, тем больше злился. К тому времени, когда первый свет забрезжил в окне над его головой, он принял решение. Теперь уже не имело значения, вернется ли к нему Гвен. Важно было, чтобы она покинула Викари и Джанасека и большое общество Верхнего Кавалаана. Но одна она не сможет от них уйти, как бы сильно ни хотела этого. Значит, Руарк был прав: он должен помочь ей. Он поможет ей снова стать свободной. И тогда уже у них будет достаточно времени подумать об их отношениях. Когда решение наконец сформировалось в его сознании, Дерк уснул.

Он проснулся с чувством вины. Был полдень. Он моргнул и вспомнил, что обещал Гвен зайти утром. И вот утро прошло, а он все проспал. Дерк вскочил, поспешно оделся, поискал Руарка и, не найдя ни его, ни каких-либо сообщений о том, куда тот ушел и на сколько, он помчался наверх, сунув под мышку диссертацию Викари.

На его стук дверь открыл Гарс Джанасек.

– Да? – хмуро спросил рыжебородый кавалаанец, одетый только в свободные брюки. На правой руке его красовался неизменный железный браслет. Взглянув на его обнаженный торс, Дерк сразу понял, почему он не носит рубашки с глубоким вырезом, которые, по всей видимости, так нравились Викари. Левую часть его груди от подмышки пересекал кривой глубокий шрам.

Джанасек перехватил его взгляд.

– Неудачная дуэль, – резко сказал он. – Я тогда был слишком молод, но впредь такого не повторится. Что вам надо?

Дерк вспыхнул.

– Я хочу видеть Гвен, – ответил он.

– Ее здесь нет, – отрезал Джанасек враждебно и начал закрывать дверь.

– Подождите. – Дерк рукой придержал дверь.

– Ну, что еще?

– Мы договорились встретиться с Гвен. Где она?

– Она на работе, т'Лариен. Вы меня осчастливите, если запомните, что она – эколог, посланный сюда Сообществом Айронджейд для выполнения важной работы. Она и так потратила уже два дня на ваше ознакомление с нашими достопримечательностями. Теперь, как ей и подобает, она снова приступила к работе. Они с Аркином Руарком взяли приборы и отправились в лес.

– Она ничего не сказала мне вчера вечером, – настаивал Дерк.

– Она не обязана информировать вас о своих планах, а также спрашивать у вас разрешения. Ее с вами ничто не связывает.

Дерк вспомнил о стычке, которую он подслушал накануне вечером, и у него возникло подозрение.

– Разрешите войти, – попросил он. – Я хочу вернуть это Джаану и поговорить с ним, – добавил он, показывая Гарсу кожаную папку.

В действительности он хотел выяснить, не прячут ли они от него Гвен. Джанасек источал враждебность, и было бы неразумно пытаться силой проникнуть в комнату.

– Джаана нет дома. Кроме меня, здесь никого нет, и я собираюсь уходить. – Джанасек протянул руку и выхватил папку у Дерка. – Но я могу передать ему. Гвен вообще не следовало давать это вам.

– Минуточку! – воскликнул Дерк. Его осенило. – То, что я прочитал, очень интересно. Могу я войти и поговорить с вами об этом? Только пару минут. Я вас не задержу.

Неожиданно Джанасек переменялся. Он улыбнулся и отступил, приглашая Дерка войти.

Дерк быстро огляделся. Гостиная была пуста, камин остыл, все вещи находились на своих местах. В видневшейся в открытую арку столовой тоже никого не было. В квартире царил тишина. Никаких признаков Джаана или Гвен. Судя по всему, Джанасек сказал правду.

Неуверенным шагом Дерк пересек гостиную, остановился перед камином с чудовищем. Джанасек молча смотрел на него, затем повернулся и вышел. Он тут же вернулся, на ходу застегивая пуговицы выгоревшей черной рубашки, поверх которой уже был надет металлический ремень с кобурой.

– Куда вы? – спросил Дерк.

– Отсюда не видно, – усмехнулся в ответ Джанасек.

Он отстегнул клапан кобуры, вынул лазерный пистолет, проверил заряд на его рукоятке, затем вложил его в кобуру. Вдруг снова выхватил его ловким движением правой руки и направил на Дерка.

– Страшно? – спросил он Дерка.

– Да, – ответил Дерк и отошел от камина.

Джанасек снова усмехнулся. Он вложил пистолет в кобуру.

– Я умею стрелять из дуэльного лазера, – сказал он. – Но мой тейн делает это лучше. Правда, я могу стрелять только правой рукой. Левая все еще болит. Шрам тянет, поэтому грудные мышцы с левой стороны менее подвижны. Но это не имеет значения. В основном, я – правша. Правая рука всегда ловчее левой, вы знаете. – Его правая рука покоилась на пистолете, и глоустоуны черного браслета светились, как чьи-то глаза.

– Сожалею о вашем ранении, – посочувствовал Дерк.

– Я допустил ошибку, т'Лариен. Возможно, по молодости. Тем не менее ошибка была серьезной и могла привести к неприятному исходу. В некотором смысле я легко отделался. – Он пристально посмотрел на Дерка. – Кое-кому следует быть осторожнее и не совершать ошибок.

– Да? – Дерк изобразил невинную улыбку.

Некоторое время Джанасек молчал, но в конце концов сказал:

– Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду.

– Разве?

– Да. Вы сообразительный человек, т'Лариен. И я тоже. Ваши детские уловки не пройдут. Например, вам нечего было обсуждать со мной. Вы просто хотели проникнуть в комнату по известным вам причинам.

Улыбка сползла с лица Дерка. Он кивнул:

– Это так. Согласен, что прием дурацкий. Я хотел проверить, нет ли здесь Гвен.

– Я сказал вам, что она в лесу, на работе.

– А я не поверил вам, – признался Дерк. – Она сказала бы мне вчера. Вы прячете ее от меня. Почему? Что происходит?

– Ничего, что касалось бы вас, – ответил Джанасек. – Попробуйте понять, т’Лариен, если вы способны на это. Возможно, вам, как и Аркину Руарку, я кажусь плохим человеком. Думайте, что вам угодно. Мне это безразлично. Но я не плохой человек и поэтому предостерегаю вас от ошибок. Поэтому я пустил вас, прекрасно понимая, что вам нечего сказать мне. Но у меня есть что вам сказать.

Дерк откинулся на спинку дивана и кивнул:

– Хорошо, Джанасек, говорите.

Джанасек нахмурился:

– Ваши трудности, т’Лариен, в том, что вы мало знаете и еще меньше понимаете Джаана, меня и нашу жизнь.

– Я знаю больше, чем вы думаете.

– Неужели? Вы прочли сочинение Джаана о «Песнях о Демонах» и, несомненно, слышали что-то от людей. Ну и что из того? Вы не кавалаанец. Вы не понимаете кавалаанцев. Но вы стоите передо мной и смотрите на меня с осуждением. По какому праву? Кто вы такой, чтобы судить нас? Вы едва знакомы с нами. Сейчас я приведу пример вашего невежества. Только что вы назвали меня Джанасеком.

– Но ведь это ваше имя.

– Часть моего имени, последняя часть, ничего не говорящая о том, кто я есть. Это принятое мною имя принадлежало древнему герою Сообщества Айронджейд, прожившего долгую и плодотворную жизнь. В Великих Войнах он много раз доблестно сражался за своих собратьев. Конечно, я понимаю, почему вы так назвали меня. На вашей планете принято употреблять последнюю часть имени по отношению к малознакомому или к человеку, к которому вы относитесь враждебно. Близкого вам друга вы называете первым именем, не так ли?

Дерк кивнул:

– Пожалуй, да. Но все не так просто, хотя вы довольно близки к истине.

Джанасек ядовито улыбнулся, его голубые глаза заискрились.

– Вы видите, я понимаю ваших людей. Может быть, даже слишком хорошо понимаю. Поступая согласно вашим обычаям, я называю вас т’Лариен, потому что враждебен по отношению к вам и называю вас согласно вашим обычаям. А вы не делаете и шага в мою сторону. Вы называете меня Джанасеком, не утруждая себя раздумьями, небрежно применяя ко мне свою систему имен.

– В таком случае как я должен вас величать? Гарс?

Джанасек нетерпеливо махнул рукой:

– Гарс – мое настоящее имя, но вы не можете меня так называть. Употребление этого имени свидетельствует о наличии таких взаимоотношений, которых у нас нет. Гарсом могут меня называть мой тейн, моя собетейн и мои кеты, но не инородец. Вам следует называть меня Гарсом Айронджейдом, а моего тейна Джаантони Высокородным Айронджейдом. Так ко мне обращаются равные мне люди, кавалаанцы из других сообществ, вступающие в разговор. Вас я прощаю за недостаточностью улик. – Он улыбнулся. – Поймите, т’Лариен, что я рассказываю вам все это в качестве примера и только. Меня очень мало волнует, как вы ко мне обращаетесь – как к Гарсу, Гарсу Айронджейду или мистеру Джанасеку. Называйте меня так, как велит вам ваше сердце, меня это не оскорбит. Кимдиссец Аркин Руарк иногда называет меня Гарси, но даже это не выводит меня из себя, и я удерживаюсь от желания проткнуть его, чтобы посмотреть, как он лопнет.

Что касается правил этикета и обращения, я и без Джаана понимаю, что они устарели и, являясь наследием времен более сложных, но и более примитивных, отмирают в современной жизни. Теперь кавалаанцы летают к другим планетам на своих космических кораблях, разговаривают и торгуют с существами, которых раньше уничтожали как демонов, и даже создают целые планеты, как они создали Уорлорн. Старый кавалаанский язык теперь почти

забыт, за исключением немногих терминов, которые продолжают жить. Это понятия и реалии, которые перестанут существовать, если мы перестанем их называть старокавалаанскими словами. Все изменилось, изменились даже мы сами, жители Верхнего Кавалаана. Джаан говорит, что мы должны измениться еще больше для того, чтобы выполнить наше назначение в истории человечества. Таким образом, старая система имен и слов, обозначающих отношения, рушится, даже высокородные становятся небрежными в языке, и Джаантони Высокородный Айронджейд повсюду именуется Джааном Викари.

– Это не имеет значения, – сказал Дерк. – К чему вы все это говорите?

– Чтобы привести простой и элегантный пример того, как много вы из своей культуры неверно применяете к нам, как вы каждым своим действием и каждым своим словом навязываете нам свои суждения и свою систему ценностей. Вот для чего я говорю вам все это. Есть и более важные проблемы, но все строится на одном: вы допускаете одну и ту же ошибку, ошибку, которую вам не следует делать. Цена расплаты может оказаться больше, чем вы можете заплатить. Вы думаете, я не догадываюсь, что вы пытаетесь сделать?

– Что я пытаюсь сделать?

Джанасек снова улыбнулся, напряженно прищурившись. В уголках глаз появилась сеть морщинок.

– Вы пытаетесь украсть Гвен Дельвано у моего тейна. Правда?

Дерк не ответил.

– Правда, – ответил за него Джанасек. – И напрасно. Постарайтесь уяснить, что вам этого не позволят. Я не позволю. Я связан с Джаантони Высокородным Айронджейдом железом и огнем и не забуду о своих обязанностях. Мы – тейны друг для друга. Наша связь крепче всех других союзов, известных вам.

Дерк подумал о Гвен и о темно-красной слезинке, полной воспоминаний и обещаний. Ему стало жалко, что он не может дать Джанасеку поддержать говорящий камень хотя бы на минутку, чтобы самонадеянный кавалаанец мог почувствовать, какая прочная связь когда-то соединяла их с Джинни. Ничего не получилось бы. Разум Джанасека не смог бы уловить ничего. Ему камешек показался бы простой безделушкой.

– Я любил Гвен, – резко сказал он. – Сомневаюсь, что любая из ваших связей крепче этой.

– В самом деле? Да, вы не больше кавалаанец, чем Гвен, и вам не понять силы связи железа и огня. Я впервые столкнулся с Джаантони, когда мы оба были очень юны. В действительности я был даже моложе его. Он больше любил играть с младшими детьми, чем со своими сверстниками, и часто приходил в нашу группу. Я с первого взгляда оценил его так высоко, как только мог оценить такой маленький мальчик. Потому что он был старше меня и, значит, ближе к положению высокородного, и потому что он водил меня по полным приключений лабиринтам и пещерам, и потому что он рассказывал мне занимательные истории. Повзрослев, я узнал, почему он водился с младшими детьми, и мне стало стыдно за него. Он боялся детей своего возраста, потому что они дразнили его, часто били. Но к тому времени, когда я узнал об этом, между нами уже установилась связь. Вы можете назвать наши отношения дружбой, но это будет ошибкой, потому что вы снова примените свои мерки к нашей жизни. Наши отношения были гораздо глубже и теснее вашей дружбы, нас уже связали железные узы, хотя мы еще не стали тейнами.

Как-то раз, когда мы с Джааном бродили далеко за пределами нашего поселения, обследовали пещеру, которую он хорошо знал, я неожиданно напал на него и избил так, что все тело его покрылось синяками. Он всю зиму не появлялся в нашем отделении, но в конце концов вернулся. Никаких обид между нами не было. Мы снова стали бродить вместе и охотиться вместе, и он рассказал мне еще много сказок, мифов, преданий. А я часто нападал на него, всегда заставая врасплох, и побеждал. Через некоторое время он начал давать мне отпор и довольно удачно. Потом у меня уже не получалось нападать на него неожиданно. Однажды я унес из

нашего поселения нож, спрятав его под рубашкой, и, выхватив его при удобном случае, пырнул Джаана. Тогда мы оба стали носить ножи. Когда он достиг возраста, чтобы принять выбранное имя, и мог быть вызван на дуэль, он уже стал таким человеком, которого дразнить опасно.

Его многие недолюбливали. Это легко понять, потому что он всегда задавал много вопросов, заводивших в тупик, был поглощен исследованиями, которые никто не одобрял, имел собственное мнение, не схожее с общепринятым, увлекался историей и открыто презирал религию. А вдобавок он слишком интересовался инородцами с внутренних планет, которые бывали у нас. За все это его множество раз вызывали на дуэль в первый год, когда он достиг соответствующего возраста. Он всегда побеждал. Когда я достиг того же возраста несколькими годами позже и мы стали тейнами, мне уже не с кем было драться. Джаантони на всех нагнал страха. Нас больше не вызывали. Я даже почувствовал разочарование.

С того времени мы много сражались на дуэлях бок о бок и много пережили. Мы связаны навеки, и до чего смешно слышать, как вы сравниваете наши отношения с вашей лишенной смысла «любовью», которой вы так очарованы. Этой связью оборотней, которая приходит и уходит по воле случая. Самого Джаантони сильно развратили ваши идеи, когда он жил на Авалоне, и в какой-то степени я тоже в этом виноват, потому что отпустил его одного. Правда, мне там нечего было делать, но я должен был быть там. Я подвел Джаана тогда, но никогда не допущу ничего подобного впредь. Я – его тейн, навечно его тейн, и никому не позволю убить его, или ранить его, или замутить его разум, или украсть его имя. Это мой долг, мое обязательство.

Слишком часто в последнее время Джаан позволяет таким, как вы и Руарк, ставить под угрозу свое имя. Джаан во многих смыслах очень необычный и опасный человек; причудливые повороты его мысли часто ставят нас в трудное положение. Даже его герои... он рассказывал мне о них в детстве. Мне хорошо запомнился один день, когда я узнал, что все любимые герои Джаана были одинокими людьми, потерпевшими сокрушительные поражения. Меня это потрясло. Взять хотя бы Эрина Высокородного Глоустоуна, с которым связана целая историческая эпоха. Он управлял самым мощным сообществом, когда-либо существовавшим на Верхнем Кавалаане, – Сообществом Горы Глоустоун. Когда его враги объединились и пошли на него войной, их поддержали все кавалаанцы. Чтобы увеличить численность своей армии, он вложил мечи и щиты в руки своих эйн-кети и вывел их на поле боя вместе с воинами. Его противники потерпели унижительное поражение. Так Джаан рассказывал мне эту историю. Но позднее я узнал, что Эрин Высокородный Глоустоун не одержал победы. Так много эйн-кети погибло в тот день, что некому было рожать новых воинов для сообщества. Сообщество Горы Глоустоун медленно угасало, теряя могущество вместе с сокращением численности рода. Сорок лет спустя после недальновидного поступка его правителя сообщество пало. Высокородные из Таала, Айронджейда и Бронзфиста взяли их женщин и детей, а их жилища остались пустыми. Выходит, что Эрин Высокородный Глоустоун оказался неудачником и глупцом, его отвергла история. Такими же были все сумасшедшие герои Джаана.

– А мне Эрин тоже представляется героем, – резко возразил Дерк. – На Авалоне его, пожалуй, превозносили бы за освобождение рабынь, даже если он и не победил.

Джанасек гневно сверкнул голубыми глазами из-под низкого лба. Он со злостью дернул свою рыжую бороду.

– Т'Лариен, ваше высказывание – как раз такая ошибка, о которых я вас предупреждал. Эйн-кети – не рабыни, они – эйн-кети. Ваши суждения ложны, а переводы наших старых слов неверны.

– Судя по вашим словам и словам Руарка...

– Руарк, – презрительно процедил сквозь зубы Джанасек. – Этот кимдиссец является источником вашей информации о Верхнем Кавалаане? Я вижу, что напрасно тратил на вас время и впустую сотрясал воздух словами. Вы уже пропитаны ядом и не хотите ничего пони-

мать. Вы стали инструментом в руках кимдисских манипуляторов. Я не буду более обременять вас своими лекциями.

– Прекрасно, – согласился Дерк. – Только скажите мне, где Гвен.

– Я сказал вам.

– Тогда скажите, когда она вернется.

– Поздно. И она устанет. Я уверен, что она не захочет вас видеть.

– Значит, вы действительно прячете ее от меня!

Джанасек молчал.

– Да, – признал он наконец и с непреклонным видом продолжил: – Так будет лучше, т'Лариен, и для вас, и для нее, хотя я и допускаю, что вы этому не поверите.

– Вы не имеете права.

– По вашим законам. А по нашим я имею полное право. Вы больше не останетесь с ней наедине.

– Но Гвен не кавалаанка, и к ней нельзя применять ваши проклятые, ненормальные законы!

– Она не родилась на Кавалаане, но она приняла серебряно-жадеитовый браслет и имя бетейн. Теперь она – кавалаанка.

Дерк дрожал от гнева, потеряв контроль над собой.

– Хочет ли она этого? – закричал он, подступая к Джанасеку. – Что она сказала вчера вечером? Грозилась уйти от вас? – Он ткнул кавалаанца пальцем. – Она сказала, что уйдет со мной, так? А вы ударили ее и силой увели?

Нахмурившись, Джанасек оттолкнул руку Дерка.

– Значит, вы тоже шпионите за нами. У вас это плохо получается, но все равно я возмущен. Еще одна наша ошибка. Первую совершил Джаан, когда поверил вам, рассказал слишком много и предложил вам свою защиту.

– Я не нуждаюсь ни в чьей защите.

– Это слова. Неуместная гордость идиота. Только по-настоящему сильные могут отвергать защиту, предназначенную для слабых, те же, кто по-настоящему слаб, нуждаются в ней. – Он отвернулся. – Мне надоело тратить на вас время, – бросил он, направляясь в столовую. Там на столе лежал плоский черный чемоданчик. Джанасек открыл его, щелкнув одновременно обоими замками, и откинул крышку. Внутри него Дерк увидел пять рядов черных железных булавок в виде баньши, прикрепленных к красному бархату. Он протянул одну из них Дерку.

– Вы уверены, что вам не нужна такая штучка, корариел? – усмехнулся он.

Дерк молча стоял, скрестив руки на груди.

Джанасек выжидающе смотрел на него. Когда ответа не последовало, он воткнул булавку на место и закрыл чемоданчик.

– Желейные дети не так разборчивы, как вы, – сказал он. – Теперь я должен доставить это Джаану. Уходите.

День был в разгаре. Хаб сиял в центре неба, окруженный неяркими огнями неровно разбросанных вокруг него четырех Троянских Солнц. Сильные порывы ветра налетали с востока, предвещая бурю. Пыль кружилась по улицам, испещренным серыми пятнами.

Дерк сидел на углу крыши, свесив ноги вниз, и обдумывал свое положение.

Он проводил Гарса Джанасека до площадки на крыше и видел, как тот вместе с черным чемоданчиком улетел на своем допотопном военном аэромобиле, закованном в броню. Двух других машин – серого ската и ярко-желтой слезинки – тоже не было. Он сидел на мели в Лартейне, не имея понятия о том, где находится Гвен и что они с ней сделали. Если бы здесь был Руарк! Если бы у него была машина! Несомненно, он мог бы взять аэромобиль напрокат в Челендже, если бы подумал об этом, или даже на космодроме, когда сюда прилетел. Но он не догадался. И вот сидит теперь беспомощно на крыше в полном одиночестве. Даже скутера у

него нет. Все вокруг было красно-серым и невыразимо скучным. Дерк старался найти какой-нибудь выход, придумать, где раздобыть машину.

Неожиданно его осенило. Фестивальные города все выглядели по-разному, но одно у них было общее: взлетно-посадочные площадки попадались редко. Их было явно недостаточно, чтобы обеспечить всех участников Фестиваля. Это означало, что должна была существовать транспортная сеть.

Он встал и пошел к лифту. Спустившись вниз, он поспешил в квартиру Руарка, находившуюся в основании башни. Дерк помнил, что видел там настенный экран. Он нашел его между двумя высокими растениями в глиняных горшках, ветви которых, покрытые черной корой, достигали потолка. Со времени своего прибытия Дерк ни разу не видел, чтобы экран светился. На Уорлорне некого было вызывать на связь и не от кого ждать вызова. Но он не сомневался, что на планете должна быть информационная сеть. Дерк внимательно осмотрел двойной ряд кнопок под экраном и нажал одну из них. Экран вспыхнул мягким голубым светом, и Дерк облегченно вздохнул. По крайней мере система питания каналов связи работала.

Одна из кнопок была помечена знаком вопроса. Дерк нажал ее и был вознагражден: голубой экран посветлел, по нему поплыли строчки информации, номера многочисленных служб, имевших отношение в основном к медицинскому обслуживанию и религиозным обрядам.

Он набрал код информации о транспорте. Цифры поплыли по экрану, и по мере их продвижения надежды Дерка таяли. Службы проката автомобилей имелись на космодроме и в десяти из четырнадцати городов. Все закрыты. Машины покинули Уорлорн вместе с гостями Фестиваля. В других городах прежде работали суда на воздушных подушках и суда на подводных крыльях. Но не теперь. В Маскале на море гости могли перемещаться вдоль побережья на парусных кораблях с Забытой Колонии. Отменено. Линии междугородных автобусов закрыты. Атомные стратолайнеры с Тобера и гелиевые дирижабли с Эшеллина увезены. На экране появилась схема линий скоростной подземки, соединявшей космодром со всеми городами. Но все линии были окрашены в красный цвет, а надпись внизу гласила, что красный цвет обозначает «Отключено. Не функционирует».

Ясно было, что на Уорлорне не осталось никаких средств передвижения, кроме ног. Да еще те машины, которые гости привезли с собой.

Дерк с хмурым видом стер все данные и хотел уже выключить экран, когда ему в голову пришла еще одна идея. Он набрал номер библиотеки и получил вопросник и инструкции, пользуясь которыми, набрал код для слов «желейные дети» и «характеристика», «объяснение», «толкование». После недолгого ожидания библиотека выдала ему такое огромное количество информации, насыщенной историческими, географическими и философскими подробностями, что в ней трудно было сразу разобраться. Дерк быстро просмотрел, что попроще, а в остальное вникать не стал. Он узнал, что словосочетание «желейные дети» является общепринятым наименованием последователей псевдорелигиозного культа наркотиков с Планеты Темновинного Океана. Их называли так за то, что они годами жили, не выходя, во влажных внутренних полостях километровых слизней, которые очень медленно ползали по дну морей. Последователи культа называли эти создания Матерями. Матери кормили своих детей сладкими секретами, которые вызывали галлюцинации, и почитались детьми как существа, наделенные сознанием. Дерк обратил внимание, что вера не запрещала детям убивать Мать, когда качество ее соков снижалось, что происходило со всеми слизнями при их старении. Освободившись от одной Матери, желейные дети находили другую.

Дерк стер с экрана эти данные и запросил другие.

Город Планеты Темновинного Океана на Уорлорне находился на дне искусственного озера окружностью пятьдесят километров под слоем такой же воды, какая покрывала поверхность их родной планеты. Он назывался Городом Беззвездного Бассейна. Озеро вокруг него

было заселено различными формами жизни, привезенными специально для Фестиваля Окраны. Включая и Матерей, вне всякого сомнения.

Из любопытства Дерк отыскал город на карте Уорлорна. Конечно, добраться туда не было никакой возможности. Он выключил экран и принес себе из кухни стакан густого желтоватого молока какого-то кимдисского животного. Сделав глоток холодного напитка с горьковатым освежающим вкусом, он нетерпеливо забарабанил пальцами по стойке бара. Его беспокойство возрастало, он испытывал потребность в действии. Он чувствовал себя пойманным в ловушку, вынужденным ожидать чьего-нибудь возвращения, не зная, кто это будет и что будет дальше. У него было ощущение, что он действовал по чьей-то прихоти с того самого момента, когда его нога ступила на корабль «Ужас былых врагов». Он прибыл сюда не по своей воле. Гвен вызвала его, послав говорящий камень, но встретила не очень приветливо. Он попался в паутину хитросплетений политики и эмоций. Похоже, его втолкнули туда вместе с Гвен, чтобы он беспомощно наблюдал за тем, как бушуют вокруг страсти столкновения разных культур, ничего в них не понимая. Он очень устал от бессельного ожидания.

Неожиданно он вспомнил Крайн-Ламию. Там, на выметенной ветром посадочной площадке, стояли два брошенных аэромобиля. Дерк задумчиво поставил стакан, вытер губы тыльной стороной ладони и вернулся к экрану.

Он легко определил местоположение взлетно-посадочных площадок Лартейна. Они имелись на крышах всех жилых башен, а большой общественный гараж находился глубоко в скале под городом. Согласно городскому справочнику, в гараж можно было попасть из всех двенадцати подземных лифтов. Замаскированные двери гаража открывались наружу в середине отвесной скалы, возвышавшейся над Общественным Парком. Если кавалаанцы оставили на планете какие-нибудь машины, то скорее всего они находятся там.

Дерк спустился вниз на лифте и вышел на улицу. Толстый Черт миновал зенит и начал спускаться к горизонту. Светящиеся камни мостовых были черными там, где их погасили лучи солнца, но в тени квадратных эбонитовых башен камни под его ногами светились мягким красным светом – не ярким, но заметным. От него на тротуар ложились тени: расплывчатые темные призраки, неуклюже набегавшие один на другой. Они были почти одинаковые, но слишком поспешно убегали из-под его ног, не успевая оживить светящийся камень. Он опасался встречи с брейтами, но никто ему не попался на всем пути, хотя один раз он миновал здание, похожее на жилье. Это было квадратное строение с куполообразной крышей и черными железными колоннами у дверей, к одной из которых была привязана огромная охотничья собака. Ее блестящие красные глаза и гладкая вытянутая морда вызывали в памяти крысу. Животное грызло кость, но, когда Дерк поравнялся с собакой, она поднялась и угрожающе зарычала. Тому, кто обитал в этом доме, гости явно были не по вкусу.

Подземные лифты все еще функционировали. Он вошел в их темноту и вышел в коридор, где Лартейн более всего походил на поселения Верхнего Кавалаана. Гулкое эхо раздавалось в залах с железными висячими светильниками, повсюду были металлические двери. Палаты в палатах. Крепость в камне, как однажды сказал Руарк. Непрístupная крепость, но теперь она была никому не нужной.

Многоэтажный гараж был слабо освещен, его пространства хватило бы для размещения тысячи машин на каждом из десяти этажей. Дерк полчаса проходил по пыльным помещениям, пока нашел одну. Но она ни на что не годилась. Это была еще одна машина-зверь, сделанная из сине-черного металла и напоминающая формой летучую мышь. Этот аэромобиль больше походил на настоящего зверя и выглядел более устрашающе, чем стилизованная машина-баньши Джаана, хотя и был лишь кучей металлолома. От него остался только корпус с помятым крылом. Приборы, двигатель, оружие – все было снято. Дерк предположил, что гравитационной решетки тоже нет, хотя и не видел нижнюю часть машины. Он обошел ее вокруг и двинулся дальше. Второй обнаруженный им аэромобиль находился в еще более жалком состоянии. По-

настоящему его даже нельзя было назвать машиной. Он состоял из голой металлической рамы и четырех сгнивших сидений, торчавших среди труб. Скелет, лишенный кожи. Дерк опять прошел мимо.

Следующие две машины были целы и невредимы, но не работали. Дерк подумал, что их хозяева умерли здесь, на Уорлорне, а машины еще долго ждали их под землей, пока не иссяк полностью заряд батарей. Он попробовал завести обе, но безуспешно.

К тому времени, когда он обнаружил пятый аэромобиль, прошел уже целый час. Но эта машина выглядела слишком хорошо.

Типичный кавалаанский двухместный аэромобиль с короткими треугольными крыльями, которые выглядели еще более бесполезными, чем крылья других кавалаанских машин. Весь его корпус покрывала белая и серебристая эмаль, металлическая крыша имела форму волчьей головы. По обе стороны фюзеляжа торчали лазерные пушки. Машина была не заперта. Дерк толкнул крышу, и она легко поползла назад. Он взобрался в кабину, задвинул крышу и посмотрел наружу сквозь огромные волчьи глаза. С кривой усмешкой на губах он включил панель управления. Батареи машины оказались полностью заряженными, и она завелась сразу же.

Сжав губы, Дерк выключил двигатель и откинулся на спинку сиденья, чтобы обдумать ситуацию. Он нашел то, что искал, только вряд ли мог этим воспользоваться. Не стоило обманывать себя. Машина явно не была брошенной, как те, что попадались ему раньше. Слишком уж ухоженный был у нее вид. Несомненно, она принадлежала кому-нибудь из кавалаанцев из Лартейна. Если цвет машины что-нибудь значил – Дерк не был в этом уверен, – то она могла принадлежать Лоримаару или другому брейту, и тогда не оберешься неприятностей.

Понимая, какая опасность ему угрожает, Дерк тщательно все взвесил. Ожидание не привлекало, но и рисковать не хотелось. Боятся брейты Джаана Викари или не боятся, но кража аэромобиля может подтолкнуть их к действиям.

Нехотя Дерк выбрался из машины. Едва он коснулся ногами земли, послышались голоса. Он как мог осторожно закрыл крышу. Раздался слабый, но явственный щелчок. Дерк пригнулся и юркнул в тень в нескольких метрах позади машины-волка.

Голоса и звуки шагов, гулкое эхо он услышал задолго до того, как увидел людей. Их было только двое, но шумели они, как все десять. Когда они появились в освещенном пространстве рядом с машиной, Дерк вжался в нишу в стене гаража, утыканную многочисленными крючками, на которых когда-то висели инструменты. Он не понимал, что заставило его спрятаться, но был рад, что сделал это. То, что Гвен и Джаан рассказали ему о кавалаанцах, не вызывало у него доверия к обитателям Лартейна.

– Ты уверен в этом, Бретан? – спросил один из них, более высокий, когда они вышли на свет. Это был не Лоримаар, но сходство с ним поражало: тот же огромный рост, такой же загар и такое же морщинистое лицо, как у Лоримаара Высокородного Брейта. Но незнакомец превосходил того полнотой, а волосы его сияли белизной, тогда как Лоримаар имел серую шевелюру. Щеточка усов являлась дополнительным отличием. Он и его компаньон были одеты в короткие белые куртки поверх брюк и рубашек из хамелеоновой ткани, которая потемнела почти до черноты в слабом освещении гаража. Оба были вооружены.

– Розеф не станет шутить со мной, – ответил второй кавалаанец неприятно скрипучим голосом.

Этот очень худой мужчина был намного ниже первого, почти такого же роста, как сам Дерк, и значительно моложе. Из-под отрезанных рукавов его куртки виднелись мускулистые загорелые руки и железный браслет со светящимися камнями. Подойдя к машине, он попал в полосу света. Дерку показалось, что кавалаанец пристально смотрит в его сторону. У него было только пол-лица. Другая половина представляла собой кривой подергивающийся шрам.

Левый «глаз» незнакомца беспокойно двигался, когда он поворачивал голову, и озарял его лицо мерцающим светом – это горел глоустоун, вставленный в пустую глазницу.

– Откуда ты это знаешь? – спросил старший, когда они остановились у машины-волка. – Розеф любит шутить.

– А я не люблю шуток, – ответил другой, тот, которого звали Бретан. – Розеф может шутить с вами, или с Лоримааром, или даже с Пиром. Но он не посмеет шутить со мной. – Голос Бретана звучал очень неприятно, натужное скрипение раздражало слух. Глядя на глубокие шрамы у него на шее, Дерк удивлялся, что этот человек вообще мог разговаривать.

Высокий кавалаанец толкнул волчью голову крыши кабины, но она не подалась.

– Ну, если это правда, надо поторапливаться, – пробурчал он. – Замок, Бретан, замок!

Одноглазый Бретан издал странный звук, что-то среднее между ворчанием и рычанием. Он попробовал открыть крышу.

– Мой тейн, – проскрежетал он. – Я оставил кабину приоткрытой... я... я отошел за вами лишь на одну минуту.

В темноте Дерк изо всех сил прижался к стене, один из крюков больно вдавился ему в спину между лопатками. Бретан нахмурился и наклонился. Старший компаньон стоял с озадаченным видом.

Вдруг кавалаанец резко выпрямился и, выхватив пистолет, направил его на Дерка. Его каменный глаз слабо светился.

– Выходи, дай нам посмотреть, что ты такое, – скомандовал он. – Ты оставил в пыли на полу замечательные следы.

Дерк молча поднял руки над головой и вышел.

– А, оборотень! – воскликнул высокий кавалаанец. – Ко мне!

– Нет, – осторожно возразил Дерк. – Я Дерк т'Лариен.

Высокий не обратил на его слова ни малейшего внимания.

– Какая редкая удача! – сказал он своему компаньону с пистолетом в руке. – Те железные дети просто ничто по сравнению с такой добычей. Этот кажется мне более подходящим.

Его молодой тейн опять издал странный звук, и левая сторона его лица дернулась. Но рука, в которой он держал пистолет, была тверда.

– Нет, – сказал он пожилому брейту. – Мне очень жаль, но мы вряд ли сможем на него охотиться. Этот тип, наверное, тот, о котором говорил Лоримаар. – Он засунул пистолет обратно в кобуру и попытался кивнуть Дерку, но голова его лишь слабо качнулась, плечи медленно двинулись вперед.

– Ты чрезвычайно неосторожен. Крыша защелкивается автоматически. Ее можно открыть изнутри, но...

– Теперь я это понимаю, – сказал Дерк. Он опустил руки. – Я хотел найти брошенную машину. Мне нужен был транспорт.

– Значит, ты хотел украсть нашу машину.

– Нет.

– Да. – Каждое слово давалось кавалаанцу с болезненным усилием. – Ты – корариел Айронджейда?

Дерк растерялся, слова отрицания застряли у него в горле. Ему казалось, что любой ответ не принесет ему ничего хорошего.

– У тебя нет ответа? – спросил кавалаанец со шрамом.

– Бретан, – остановил его другой, – слова оборотня не имеют значения. Если Джаантони Высокородный Айронджейд называет его корариелом, значит, так оно и есть. Не сами же эти животные определяют свой статус. Что бы он ни говорил, имени у него нет, и его слова не имеют никакого значения. Если мы убьем его, мы посягнем на собственность Айронджейда, и тогда они наверняка вызовут нас на дуэль.

– Я прошу тебя взвесить возможные варианты, Челл, – сказал Бретан. – Этот тип, Дерк т’Лариен, может быть либо человеком, либо оборотнем, либо корариелом Айронджейда, либо нет. Ведь так?

– Так. Но он не настоящий человек. Послушай меня, мой тейн. Ты молод, а я знаю о таких вещах от кета, который давно умер.

– Все же послушай. Если он оборотень и айронджейды назвали его корариелом, значит, он – корариел, признает он это или нет. Но если это так, Челл, то тебе и мне придется встретиться с айронджейдами на дуэли. Он посягнул на нашу собственность, вспомни. Если он принадлежит айронджейду, то за его действия должны ответить айронджейды.

Высокий белоголовый человек медленно кивнул, неохотно соглашаясь.

– Если он оборотень, но не корариел, тогда все ясно: на него можно охотиться. Но что если он не оборотень, а настоящий человек, такой же, как наши высокородные?

Челл соображал намного медленнее, чем его тейн. Старый кавалаанец задумчиво нахмурился и сказал:

– Да, он – не женщина, поэтому не может быть собственностью. Но, если он человек, он должен иметь права человека и имя человека.

– Верно, – согласился Бретан. – Но тогда он не может быть корариелом и сам отвечает за свое преступление. Я вызову на дуэль его, а не Джаантони Высокородного Айронджейда. – Брейт снова издал свое странное ворчание-рычание.

Челл кивнул, согласившись. Дерк оцепенел. Младший из охотников разложил все по полочкам с отвратительной логичностью. Дерк заявил без всякой двусмысленности и Викари, и Джанасеку, что категорически отказывается от их позорного предложения защиты. Тогда это было довольно просто сделать. На нормальной планете, такой как Авалон, это было бы единственно возможным поступком. На Уорлорне все было не так.

– Куда мы его денем? – спросил Челл.

Два брейта разговаривали так, словно Дерк имел не больше сознания, чем их машина.

– Надо отвести его к Джаантони Высокородному Айронджейду и его тейну, – ответил Бретан скрипучим рыком. – Я знаю, где их башня.

Дерк подумал о побеге, но понял, что шансов на успех у него мало. Их было двое, они имели оружие и автомобиль. Ему не уйти далеко.

– Я сам пойду, – сказал он, когда они направились к нему. – Могу показать дорогу.

Как бы там ни было, это даст ему время подумать. Брейты, по-видимому, не знали, что Викари и Джанасек сейчас в Городе Беззвездного Бассейна и, несомненно, пытаются спасти несчастных железных детей от других охотников.

– Тогда веди нас, – скомандовал Челл.

И Дерк, не зная, что еще можно предпринять, повел их к лифтам. По пути вверх он с горечью признался себе, что влип в эту историю из-за своего нежелания ждать. А теперь, похоже, ему придется ждать очень долго.

Глава 6

Поначалу ожидание казалось Дерку сущим адом.

После того как выяснилось, что айронджейдов не удастся найти, они вывели его на пустую крышу башни и посадили в углу продуваемой ветром крыши. К тому времени его начала охватывать паника и заболел живот.

– Бретан, – заговорил он, чувствуя, что нервы у него на пределе, но вместо ответа кавалаанец повернулся и резко хлестнул его ладонью по губам.

– Я для тебя не Бретан, – отрезал он. – Зови меня Бретан Брейт, если тебе надо обратиться ко мне, оборотень.

После этого Дерк молчал. Сломанное Колесо Огня почти неподвижно висело в небе Уорлорна и, следя за его еле заметным движением, Дерк чувствовал, что близок к срыву. Все, что с ним случилось, казалось нереальным, а брейты и события дня представлялись ему еще менее настоящими, и он стал думать, что будет, если он неожиданно прыгнет с края крыши вниз. Он будет падать и падать, как бывает во сне, но когда ударится о темные плиты глоустоуна, боли не будет. Он с удивлением проснется и обнаружит себя в кровати на Браке, взмокшим от пота, и будет смеяться над абсурдностью своего кошмара.

Дерку казалось, что он на долгие часы погрузился в свои мысли, но когда он поднял глаза, Толстый Черт почти не сдвинулся с места. Тогда его охватила дрожь. Он подумал сначала, что причина этого холодный ветер Уорлорна, но потом понял, что дело не в холоде. Чем больше он старался удержать дрожь, тем сильнее его трясло, и кавалаанцы уже стали бросать на него странные взгляды. Но ожидание продолжалось.

В конце концов дрожь прошла, как и паническое настроение, и мысли о самоубийстве. На смену им пришло странное спокойствие. Дерк снова задумался, но мысли приходили какие-то нелепые. То он прикидывал, какой аэромобиль вернется первым – серый скат или зеленый «штурмовик», как будто собирался биться об заклад, то пытался представить, как будут вести себя Джаан и Гарс на дуэли с одноглазым Бретаном, то задумывался о том, что случилось с железными детьми в далеком городе Планеты Темновинного Океана. Все это казалось ему сейчас очень важным, хотя он и не понимал почему.

Потом он начал изучать своих пленителей, что оказалось самым интересным занятием и помогало скоротать время не хуже какого-либо другого. Наблюдая, он стал замечать.

Кавалаанцы почти не разговаривали с тех пор, как привели его на крышу. Челл – тот, что был выше ростом, сидел на низкой ограде площадки всего лишь в метре от Дерка. Приглядевшись к нему, Дерк понял, что он старше, чем казался на первый взгляд. Сходство с Лоримааром Высокородным Брейтом оказалось обманчивым. Хотя он ходил и одевался как молодой человек, ему было лет на двадцать больше, чем Лоримаару, по оценке Дерка. Когда он сидел, его возраст становился более заметным. Над ремнем из металлических пластинок заметно выступало брюшко, глубокие морщины пересекали его загорелое лицо. На покоившихся на коленях руках Челла Дерк увидел голубые вены и серо-розовые пятна. Долгое, праздное ожидание возвращения айронджейдов на нем тоже сказалось, и не только усталостью. Щеки его обвисли, плечи ссутулились, а он этого словно и не замечал.

Один раз старый кавалаанец пошевелился. Вздохнув, он убрал руки с колен и, сплетя пальцы, потянулся. В этот момент Дерк увидел его браслеты. На правой руке у него был железный браслет со светящимися камнями – точно такой, какой так гордо выставлял одноглазый Бретан. Левое запястье охватывал серебряный. Но без жадеитов. Вместо когда-то украшавших его камней зияли дыры.

Пока уставший старый Челл – вдруг Дерку стало трудно видеть в нем опасного, воинственного человека, каким он казался совсем недавно – сидел и ждал, Бретан (или Бретан

Брейт, как он потребовал себя называть) шагал без остановки часы напролет. Он весь кипел неугомонной энергией, которой в нем было больше, чем в ком-либо, кого Дерк знал. Даже больше, чем в Джинни, которая в свое время тоже могла шагать часами. Бретан засунул руки в прорези карманов своей короткой белой куртки и мерил шагами крышу, доходя до края и поворачивая обратно... туда, обратно... туда, обратно... туда, обратно... Каждую третью ходку он останавливался и нетерпеливо смотрел вверх, словно осуждая сумеречное небо за то, что оно не доставило ему до сих пор Джаана Викари.

Понаблюдав за ними, Дерк пришел к выводу, что они довольно странная пара. Челл был довольно стар, тогда как Бретан Брейт – еще молод.

Возможно, не старше Гарса Джанасека и наверняка моложе, чем Гвен и Джаан, или он сам. Каким образом он мог стать тейном человека намного старше его? Молодой брейт, без всякого сомнения, не был высокородным, поскольку он не привел брейтам бетейн и не носил серебряного браслета на левой руке, покрытой великолепными рыжими волосами, блестящими на солнце, когда он проходил мимо Дерка.

Ничего безобразнее этого лица Дерку видеть не доводилось, но по мере угасания дня он привыкал к нему. Когда Бретан Брейт шел в одном направлении, он выглядел совершенно обычным молодым человеком, стройным, полным энергии, которую ему приходилось сдерживать с видимым усилием. С этой стороны его лицо было свежим и гладким. Короткие черные кудри плотно завивались вокруг уха, и несколько прядей свисали до плеч, но не было и намека на бороду. Даже бровь еле прослеживалась над большим зеленым глазом. Он был похож на невинного юношу.

Дойдя до крыши, он поворачивал обратно, и все менялось. С левой стороны лицо этого кавалаанца не имело ничего общего с человеческим, его поверхность испещряли бугры и складки, в нескольких местах плоть стягивали рубцы, в других она блестела, как эмаль. На этой стороне у Бретана волосы не росли вообще, на месте уха виднелась дыра, кусок пластика цвета кожи прикрывал нос с левой стороны, и, что самое страшное, безгубая щель рта шевелилась. Время от времени его перекашивало тиком, который начинался от левого угла рта и зыбью пробегал вверх по обезображенной шрамами поверхности лица.

При дневном свете глаустоун в глазнице брейта чернел, как уголь. Но вот стало темно. Хеллей скрылся за горизонтом, а искусственный глаз начал светиться. В полной темноте сам Бретан станет светилом, заменив уставшее гигантское солнце Уорлорна; камень в его глазу будет пылать ровным немигающим светом и половина лица вокруг него станет черной карикатурой черепа, подходящим обрамлением для такого глаза.

Его вид действовал бы устрашающе, если не знать – а Дерк знал, – что это сделано намеренно. Никто не заставлял брейта вставлять светящийся камень на место глаза. Он сам так захотел по причинам, о которых нетрудно было догадаться.

Мысли Дерка вернулись к событиям дня, к разговору у машины-волка. Несомненно, Бретан умен и сообразителен, но Челл, по всей видимости, уже вступил в раннюю стадию старческого слабоумия. До него все доходило очень медленно, и, как вспоминал Дерк, его молодой тейн буквально вколачивал ему в голову каждую свою мысль. Теперь два брейта уже не казались Дерку такими страшными, и он удивлялся, как он мог их испугаться. Они были почти забавны. Что бы ни сказал Джаан Викари, когда вернется из Города Беззвездного Бассейна, ничего страшного не произойдет. Разве могут эти двое представлять реальную опасность?

И, словно в подтверждение его мыслей, Челл начал бормотать. Он разговаривал сам с собой, не сознавая этого. Дерк посмотрел на него и прислушался. Продолжая говорить, старик слегка раскачивался, глядя перед собой отсутствующим взглядом. В его словах не было никакого смысла. Дерк напряженно вслушивался, пытаясь хоть что-то разобрать. Прошло несколько минут, прежде чем до него дошло, что Челл говорил на старокавалаанском языке. Языке, который сложился на Верхнем Кавалаане в течение долгих столетий Смутного Времени,

когда кавалаанцы не имели никаких контактов с другими планетами людей. Впоследствии их язык вернулся к нормам стандартного земного, обогатив его словами, которым не было эквивалента. Гарс Джанасек сказал Дерку, что сейчас вряд ли кто-нибудь говорит на старокавалаанском языке, но вот перед ним сидел Челл – старик из самого консервативного сообщества – и бормотал себе под нос слова, которые, несомненно, слышал еще в дни своей юности.

А этот Бретан... Он ударил Дерка за то, что тот применил неверную форму обращения, разрешенную только сородичу. Еще один отмирающий обычай, как сказал Гарс. Даже высококордные допускают отступления от правил. Но не молодой Бретан Брейт, не имевший высокого титула и цеплявшийся за традиции, от которых отказывалось даже старшее поколение кавалаанцев из-за их неудобства.

Дерку даже стало жалко обоих брейтов: они показались ему еще более неприкаянными и одинокими, чем он сам. В некотором смысле эти люди лишились даже своей планеты, потому что Верхний Кавалаан изменился, почва ушла у них из-под ног, их мир стал для них чужим. Ничего удивительного, что они прилетали на Уорлорн: гибнущая планета была самым подходящим местом для доживающих свой век брейтских охотников с их никому не нужными традициями.

Особенно ему было жалко Бретана, который очень уж старался быть страшным. Этот молодой брейт, возможно, был последним приверженцем старых традиций. А ведь может так случиться, что ему доведется дожить до того времени, когда уже никто не будет думать, как он. Может, поэтому он и стал тейном Челла? Потому что его ровесники отвергли его и его взгляды. Дерк решил, что так вполне могло быть, и это показалось ему и страшным, и печальным одновременно.

Одно желтое солнце еще висело в небе, от Хаба остался только красный свет, тлеющий над горизонтом. Дерк уже освободился от всех своих страхов, когда до него донесся звук приближавшихся аэромобилей.

Бретан Брейт остановился и, вытащив руки из карманов, посмотрел вверх, затем привычным жестом потянулся к кобуре пистолета. Челл, моргая, поднялся, помолодев разом лет на десять. Дерк тоже встал.

Серая и зеленая машины приближались. Они летели рядом, крыло к крылу, почти военным строем.

– Иди сюда, – прохрипел Бретан.

Дерк подошел к нему, Челл присоединился, и так они втроем стояли рядом, плечом к плечу: два брейтских охотника и их пленник, Дерк. Холодный ветер пронизывал его насквозь. Светящиеся камни Лартейна заливали город кровавым светом, а глаз Бретана, теперь такой близкий, кровожадно горел в своем страшном гнезде. Тик почему-то прекратился, его лицо было абсолютно спокойным.

Серый «скат» Джаана Викари парил в воздухе, медленно спускаясь. Затем, перевалив через барьер на краю крыши, быстро приблизился к ним. Безобразная военная машина с такой толстой бронированной крышей, что пилота не было видно, приземлилась почти одновременно с первой. Массивная металлическая дверь распахнулась, из нее вышел Гарс Джанасек, слегка пригибая голову и осматриваясь вокруг. Увидев их, он резко выпрямился, с силой захлопнул дверцу и, подойдя к Викари, встал рядом с ним по правую руку.

Сначала Викари кивком и легкой улыбкой поприветствовал Дерка, потом он перевел взгляд на Челла.

– Челл Ним Колдвинд фре-Брейт Дейвесон, – церемонно обратился он к нему. – Честь вашему сообществу, честь вашему тейну.

– Честь и вам, – ответил старый брейт. – Новый тейн охраняет меня, и вы с ним не знакомы. – Он указал на Бретана.

Джаан окинул юношу оценивающим взглядом.

– Джаан Викари, – представился он. – Из Сообщества Айронджейд.
Бретан издал характерный странный звук. Наступило неловкое молчание.

– Если сказать точнее, – вмешался Джанасек, – моего тейна зовут Джаантони Рив Вулф
Высокородный Айронджейд Викари, а я – Гарс Айронджейд Джанасек.

Теперь Бретан ответил:

– Честь вашему сообществу, честь вашему тейну. Я – Бретан Брейт Лантри.

– Кто бы мог подумать! – удивился Джанасек. – Мы о вас наслышаны.

Джаан Викари предупреждающе посмотрел на него. Что-то было не так с лицом Джаана.
Сначала Дерк думал, что это ему кажется из-за плохого освещения – сумерки быстро сгушались, – потом он увидел, что у того действительно с одной стороны распухла челюсть, что было особенно заметно, когда Викари поворачивался в профиль.

– Мы пришли к вам, имея серьезный повод для недовольства, – сказал Бретан Брейт Лантри.

Викари посмотрел на Челла:

– Это так?

– Да, это так, Джаантони Высокородный Айронджейд.

– Мы не хотим с вами ссориться, – ответил Викари. – В чем дело?

– Это мы должны спросить вас, – сказал Бретан. Он положил руку на плечо Дерка. –
Нас интересует этот тип, Джаантони Высокородный Айронджейд. Скажите нам, является он корариелом Айронджейда или нет?

Теперь Гарс Джанасек широко улыбался. Он смотрел на Дерка пронзительно-голубыми глазами, а в их ледяной глубине плясали насмешливые огоньки, словно вопрошая: «Ну, что ты натворил?»

Джаан Викари нахмурился:

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Разве может причина вопроса влиять на правдивость ответа, высокородный? – резким голосом спросил Бретан. Лицо его перекосило тиком.

Викари взглянул на Дерка с явным неудовольствием.

– Нет никакой надобности оттягивать ответ или отказываться от него, Джаантони Высокородный Айронджейд, – вмешался Челл Дейвесон. – Правда состоит либо в «да», либо в «нет». Больше от вас ничего не требуется. – Голос старика звучал ровно. Ему незачем было стараться скрыть свои чувства – он и так был спокоен, а законы морали подсказывали ему каждое слово.

– В прежние времена вы были бы правы, Челл фре-Брейт, – заговорил Викари. – Раньше в нашей жизни правда была проста, но пришли новые времена и новые понятия. Теперь мы, люди многих миров, живем в одном мире. Теперь наша правда имеет много сторон.

– Нет, – возразил Челл, – этот оборотень – либо корариел, либо нет, и никаких сторон я в этом не вижу.

– Мой тейн Челл прав, – добавил Бретан. – Вопрос, который я вам задал, прост, высокородный. Я требую от вас ответа.

Викари не сдавался.

– Дерк т'Лариен прилетел к нам с далекой планеты Авалон из глубины галактики, далеко за Покровом Искусителя, – планеты, где я когда-то учился. Я назвал его корариелом, чтобы предложить ему мою защиту и защиту Сообщества Айронджейд против тех, кто хотел бы причинить ему вред. Но я защищаю его как друга, как собрата из моего рода, как тейн защищает тейна, и он не является моей собственностью. Я не имею на него никаких прав. Вы понимаете?

Челл не понимал. Старик плотно сжал губы под щеточкой усов и пробормотал что-то на старокавалаанском языке. Потом он громко заговорил, почти закричал:

– Что за глупости! Ваш тейн – Гарс Джанасек, а не этот чужестранец. Вы не можете защищать его как тейна. Он не айронджейд! У него даже нет оружия! И человек ли он вообще? Если он человек, он не может быть корариелом, а если он человек и является корариелом, тогда он должен быть вашей собственностью. Вы и сами-то говорите как оборотень. В ваших словах нет смысла.

– Мне очень жаль, что вы не поняли, Челл фре-Брейт, – сказал Викари. – Но в этом виноваты ваши уши, а не мои слова. Я стараюсь быть вежливым, но мне это уже удастся с трудом.

– Вы смеетесь надо мной! – гневно воскликнул Челл.

– Нет.

– Да, смеетесь!

В спор вступил Бретан Брейт. В его голосе не было гнева Челла, но он звучал сурово.

– Дерк т'Лариен, как он называет себя и как вы его называете, нанес нам вред. И дело именно в этом, Джаантони Высокородный Айронджейд. Он прикоснулся к собственности брейтов без разрешения. Вопрос в том, кто ответит за это? Если он оборотень и ваш корариел, то здесь и сейчас я вызываю вас на дуэль, потому что Сообщество Айронджейд причинило зло Сообществу Брейт. Если он не корариел, тогда... – Он замолчал.

– Я понял, – сказал Джаан Викари. – Дерк?

– Прежде всего я должен сказать, что не сделал ничего плохого, кроме того, что одну секунду посидел в их проклятой машине, – ответил Дерк с тревогой в голосе. – Я искал брошенную машину на ходу. Мы с Гвен нашли одну такую, в Крайн-Ламии, и я думал, что смогу найти еще одну.

Викари пожал плечами и взглянул на брейтов.

– Если вам и причинили зло, то – малое зло. Никто ничего не взял.

– Но он коснулся нашей машины! – взревел старый Челл. – Этот ублюдок, этот оборотень! Он не имел права! Он мог улететь на ней. И вы хотите, чтобы я закрыл на это глаза, как какой-нибудь оборотень, и поблагодарил его за то, что он причинил нам малое зло? – Он повернулся к Бретану, своему тейну.

– Айронджейды смеются над нами, оскорбляют нас, – сказал он. – Наверное, они сами оборотни, не настоящие люди. Они говорят как оборотни.

Гарс Джанасек не замедлил с ответом.

– Я – тейн Джаантони Рив Вулфа Высокородного Айронджейда, и я утверждаю, что он – не оборотень, – быстро выпалил он необходимую формулу.

По тому, как Джанасек посмотрел на Викари, Дерк понял: он ждет, что тейн повторит формулу. Но Джаан только покачал головой и сказал:

– Ах, Челл. Нет никаких оборотней. – Все в нем – и интонации голоса, и опущенные широкие плечи, – все говорило о неимоверной усталости.

Высокий старый брейт посмотрел на Джаана, будто тот его ударил. Он снова хриплым голосом пробормотал что-то на старокавалаанском.

– Так не может продолжаться, – вмешался Бретан Брейт. – Мы ни к чему не пришли. Вы назвали корариелом этого человека, Джаантони Высокородный Айронджейд?

– Назвал.

– Я не принял статус корариела, – спокойно возразил Дерк.

Он чувствовал, что должен это сказать, и момент казался подходящим. Бретан полуобернулся в его сторону и пристально посмотрел на него. Его зеленый глаз пылал так же ярко, как и другой, сделанный из светящегося камня.

– Он отказался только быть собственностью, – поспешно вставил Викари. – Мой друг отстаивает свое человеческое достоинство, но он носит символ моей защиты.

Гарс Джанасек усмехнулся и покачал головой:

– Нет, Джаан. Тебя не было дома сегодня утром. Т'Лариен не желает, чтобы мы его защищали. Он так сказал.

Викари метнул на него гневный взгляд:

– Гарс! Сейчас не время для шуток!

– Я не шучу, – возразил Джанасек.

– Он говорит правду, – подтвердил Дерк. – Я сказал, что могу позаботиться о себе сам.

– Дерк, вы сами не знаете, что говорите!

– Думаю, на этот раз знаю.

Бретан Брейт Лантри неожиданно довольно громко рыкнул, прервав спор Дерка с айронджейдами. Все это время его тейн стоял парализованный гневом.

– Тихо! – заговорил Бретан скрипучим голосом, и все замолчали. – Это не имеет значения и ничего не меняет. Вы, айронджейды, говорите, что он человек. Если так, он не может быть корариелом, а вы не можете его защищать. Мои кеты проследят за тем, чтобы вы этого не делали. – Он повернулся на каблуках лицом к Дерку. – Я вызываю тебя на дуэль, Дерк т'Лариен.

Все молчали. Огни Лартейна тлели вокруг, дул ледяной ветер.

– Оскорбление не было нанесено, – сказал Дерк, вспомнив слова, которые раньше услышал от айронджейдов. – Позволено мне извиниться или нет?

Он протянул свои открытые ладони Бретану Брейту.

Лицо в шрамах передернулось.

– Оскорбление имело место.

– Вы должны принять вызов, – сказал Джанасек.

Руки Дерка медленно опустились и сжались в кулаки. Он ничего не ответил.

Джаан Викари мрачно смотрел в пол, но Джанасек оживился.

– Дерк т'Лариен ничего не знает о правилах дуэлей, – сообщил он бретам. – Позвольте вы мне проинструктировать его?

Бретан Брейт кивнул. Это было то же странное, неуклюжее движение головой и плечами, которое Дерк заметил еще днем в гараже. Челл, кажется, ничего не слышал: старый брейт продолжал тарачить глаза на Викари, бормоча что-то себе под нос.

– Надо согласовать четыре пункта, т'Лариен, – сказал Дерку Джанасек. – Вызываемый на дуэль делает первый выбор. Я советую вам сделать выбор оружия и выбрать мечи.

– Мечи, – тихо повторил за ним Дерк.

– Я выбираю способ, – прохрипел Бретан. – Квадрат смерти.

Джанасек кивнул.

– Третий пункт тоже ваш. Поскольку у вас нет тейна, то выбор количества участников отпадает. Остается встреча один на один. Тогда делайте выбор места.

– Старая Земля? – спросил Дерк с надеждой в голосе.

Джанасек усмехнулся:

– Нет. Боюсь, что только эта планета. Выбор других не допускается.

Дерк пожал плечами:

– Тогда здесь.

– Я делаю выбор количества участников, – сказал Бретан. Было уже совсем темно, только горстка слабых звезд Запокровья чуть-чуть окрашивала черное небо над головой. Глаз Бретана пылал и отражался странным мокрым блеском на изуродованном лице. – Я выбираю дуэль один на один, как и должно быть.

– Тогда все решено, – закончил Джанасек. – Вы должны договориться о судьбе и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.